

Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение
высшего образования
«СИБИРСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
Гуманитарный институт
Кафедра всеобщей истории

УТВЕРЖДАЮ
Заведующий кафедрой
В.Г. Дацышен
_____ инициалы, фамилия
подпись
« _____ » _____ 2017 г.

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА МАГИСТРАНТА

**Трансформация экономической системы Восточной Азии в 1990 –
2000-е гг.**
Тема

46.04.01. История
код и наименование направления
46.04.01.01 История Азии и Африки
код и наименование магистерской программы

Научный руководитель _____ д.и.н., профессор В.Г. Дацышен
подпись, дата должность, ученая степень инициалы, фамилия

Выпускник _____ М.В. Гарбарт
подпись, дата инициалы, фамилия

Рецензент _____ к.и.н., доцент В.В. Никуленков
подпись, дата должность, ученая степень инициалы, фамилия

Красноярск 2017

СОДЕРЖАНИЕ

Введение.....	3
Глава 1. История развития процессов модернизации в Восточной Азии во второй половине XX в.	15
Глава 2. 1990-е гг. От кризисов к развитию региональных производственных сетей	37
Глава 3. 2000-е гг. На пути к лидерству Китая	63
Заключение.	81
Список источников и литературы.	84

ВВЕДЕНИЕ

За последние несколько десятков лет Восточная Азия стала одним из важнейших экономических центров мира. Сегодня доля ВА в общемировой экономике составляет более 25%¹ – это наибольшая доля среди регионов в мире. Восточноазиатские государства являются одними из главных источников иностранных инвестиций и занимают первые строчки в списках торговых партнеров стран всего мира. Восточная Азия уже давно является одним из важнейших мировых центров инноваций, здесь работают все крупнейшие компании планеты. Экономические успехи региона очевидны, а высокая роль региона в мире неоспорима.

Перемены, произошедшие в экономике Восточной Азии с середины XX в. колоссальны. Пионером экономического прорыва региона стала Япония, сумевшая к 1970-м гг. занять место одного из лидеров мировой экономики. Затем эстафету у Японии приняли Азиатские Тигры. Впоследствии Китай, долгие годы остававшийся в тени экономических успехов своих соседей, в результате «реформ и открытости» смог стать главной экономической силой Восточной Азии.

Однако сегодня бурный экономический всплеск сменяется замедлением темпов роста не только отдельных стран, но и региона в целом. Восточноазиатские правительства и бизнес сталкиваются с необходимостью приспособления к новой реальности, как внутри своих стран и региона, так и на международном уровне. Новые экономические вызовы накладываются на сложную геополитическую ситуацию в регионе – территориальные споры, исторические противоречия, дипломатические конфликты – все это не

1 GDP (current US\$) [Электронный ресурс] / The World Bank Group. – 2017. URL: <http://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.МКТР.CD/>, режим доступа: свободный, дата обращения 26.05.2017.

способствует развитию интеграционных процессов и построению стабильного сотрудничества. Сложно спрогнозировать то, по какому пути будут развиваться отношения внутри региона в будущем, но в то же время именно эта сложность определяет важность и актуальность изучения того, как регион менялся в прошлом.

Особую роль играет тот факт, что Россия фактически является частью восточноазиатского экономического пространства – все государства региона выступают важными партнерами нашей страны. Изучение и понимание исторических и современных процессов, протекающих в регионе, стратегически важно для построения грамотного и выгодного сотрудничества с Восточной Азией, как на государственном уровне, так и в сфере бизнеса.

В современной исторической науке и науке о международных отношениях региональные исследования становятся все более широко представлены, при этом чаще всего в них рассматриваются вопросы развития интеграции. Как в отечественных, так и в зарубежных работах интеграционные процессы в Восточной Азии традиционно связываются именно с развитием экономических отношений между странами региона. И это вполне оправданно: экономическое сотрудничество – это одна из тех сфер, развитие диалога в рамках которой происходит относительно планомерными темпами, в то время как кооперация по другим направлениям осложняется целым рядом проблем – от исторических противоречий, до территориальных споров. Конечно, экономические отношения тоже подвержены кризисам и перепадам, однако эта сфера отличается устойчивостью и постоянством развития диалога. Несмотря на это, проблемы общего развития экономической системы Восточной Азии, как в отечественных, так и зарубежных исследованиях весьма редко рассматриваются комплексно. Как правило, работы посвящаются отдельным феноменам развития экономических и интеграционных процессов в регионе.

Так, российские ученые чаще поднимают вопросы развития сотрудничества между Россией и странами Восточной Азии (О.А. Тимофеев², В.Е. Петровский³ и др.), рассматривают общую проблематику развития региональной интеграции (Г.М. Костюнина⁴, Е.Я. Арапова⁵, А.Л. Лукин⁶), обращаются к истории развития сотрудничества между отдельными странами региона (В.А. Перминова⁷), проблемам экономического развития отдельных государств (В.Г. Гельбрас⁸, А.Д. Воскресенский⁹, А.В. Островский¹⁰). Той же тенденции подвержены и зарубежные исследования, где чаще поднимаются вопросы развития экономического партнерства между странами Запада и Восточной Азии (Дж. Айкенберри¹¹ и др.), интеграционных процессов (Г. Голье¹², Т. Ито¹³, Х. Курода¹⁴) и

2 Тимофеев О. А. Российско-китайские отношения на современном этапе и перспективы их развития // Вестн. Амурск. гос. ун-та. Сер.: гуманитар. науки. – 2014. – №. 64. – С. 57-61.

3 Петровский В. Е. О перспективах трехстороннего диалога «Китай-США-Россия» // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. – 2013. – №. 18. – С. 72-83.

4 Костюнина Г. М. Регионализация Восточной Азии: истоки и основные модели // Вестник МГИМО Университета. – 2011. – №. 1.

5 Арапова Е. Я. Экономическая интеграция в Восточноазиатском регионе. – Проспект. – М. – 2015.

6 Лукин А. Л. Перспективы сотрудничества в Северо-восточной Азии // Международные процессы. – 2010. – Т. 8. – №. 22. – С. 82-88.

7 Перминова В. А. «Японский фактор» модернизации Тайваня // Проблемы Дальнего Востока. – 2015. – №. 6. – С. 64-70.

8 Гельбрас В. Г. 30 лет реформ открытости Китая // Общественные науки и современность. – 2009. – №. 3. – С. 109-117.

9 Воскресенский А. Д. Китай в контексте глобального лидерства // Международные процессы. – 2004. – Т. 2. – №. 5. – С. 21-33.

10 Островский А. В. Современная экономика КНР: проблемы, угрозы, перспективы // ЭКО. – 2008. – №. 8. – С. 101-110.

11 Ikenberry G. J. From hegemony to the balance of power: the rise of China and American grand strategy in East Asia // Korean Unification Studies. – 2014. – С. 41.

12 Gaulier G., Lemoine F., Ünal-Kesenci D. China's integration in East Asia: Production sharing, FDI & high-tech trade // Economic Change and Restructuring. – 2007. – Т. 40. – №. 1-2. – С. 27-63.

межгосударственного сотрудничества в регионе (Д. Ким¹⁵). Вследствие этого, несмотря на существование обширной исследовательской базы по проблемам развития экономики Восточной Азии, наблюдается нехватка комплексных исследований, работ в которых бы рассматривалась общая перспектива экономического развития региона. В данной работе будет предпринята попытка проведения именно такого исследования: на основе анализа и проработки существующих работ, аналитических данных и статистики будет проведена систематизация исследовательского материала, будут описаны основы, ход и последствия процессов трансформации экономической системы Восточной Азии.

Среди российских центров исследований данной проблематики необходимо отметить Амурский государственный университет (О.А. Тимофеев), Институт Востоковедения РАН (Н.Н. Цветкова¹⁶, В.А. Перминова), Институт Дальнего Востока РАН (В.И. Трифонов¹⁷), ИМЭМО РАН (М.А. Потапов¹⁸, В.В. Михеев¹⁹), МГИМО (Г.М. Костюнина,

13 Ito T., Krueger A. O. Financial deregulation and integration in East Asia. – University of Chicago Press. – 2007.

14 Kuroda H., Kawai M. Strengthening regional financial cooperation in East Asia // Financial governance in East Asia: policy dialogue, surveillance and cooperation. – 2004. – С. 136-166.

15 Kim J. K., Kim Y., Lee C. H. Trade, investment and economic interdependence between South Korea and China // Asian Economic Journal. – 2006. – Т. 20. – №. 4. – С. 379-392.

16 Цветкова Н. Н. ТНК в странах Востока: прямые иностранные инвестиции и глобальные производственные сети // Восточная аналитика. – 2012. – №. 3.

17 Трифонов В. И. Ситуация в Азиатско-Тихоокеанском регионе: столкновение линий на сотрудничество и на противоборство // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. – 2012. – Т. 17. – №. 17.

18 Потапов М. А. Мировой экономический кризис и Восточная Азия // Мировая экономика и международные отношения. – 2009. – №. 12. – С. 19-25.

19 Михеев В. В. Роль Китая в глобализующемся мире // Отечественные записки. – 2008. – №. 3. – С. 63-78.

Е.Я. Арапова, А.Д. Воскресенский), МГУ им. М.В. Ломоносова (В.Г. Гельбрас), НИУ ВШЭ (А.В. Каримуллина) и т.д.

Среди западных исследовательских организаций нужно назвать Центр исследований и экспертизы мировой экономики (Франция – Г. Голье, Ф. Лемуан²⁰), Принстонский университет (США – Дж. Айкенберри), Университет Мердока (Австралия – М. Бисон²¹), Мельбурнский университет (Австралия – Э. Уолтер²²) и др.

Также важно отметить и региональные исследовательский центры: Гонконгский Университет (Ч. Линь, Ф. Сун²³), Университет Кэйо (Япония – Ф. Кимура²⁴), Гуандунский университет иностранных языков и внешней торговли (КНР – Ф. Чжоу²⁵), Пекинский университет (КНР – И. Линь²⁶) и т.д.

Важную роль при работе с исследованием сыграло изучение публикаций в изданиях *Мировая экономика и международные отношения*, *Проблемы Дальнего Востока*, *Новое восточное обозрение*, *China Review*,

20 Gaulier G., Lemoine F., Ünal-Kesenci D. China's integration in East Asia: Production sharing, FDI & high-tech trade // *Economic Change and Restructuring*. – 2007. – Т. 40. – №. 1-2. – С. 27-63.

21 Beeson M. Regionalism and globalization in East Asia: politics, security and economic development. – Routledge. – 2014.

22 Walter A., Zhang X. East Asian Capitalism: Diversity, Continuity, and Change. – Oxford University Press. – 2012.

23 Lin C., Lin P., Song F. Property rights protection and corporate R&D: Evidence from China // *Journal of Development Economics*. – 2010. – Т. 93. – №. 1. – С. 49-62.

24 Kimura F., Ando M. Two-dimensional fragmentation in East Asia: Conceptual framework and empirics // *International Review of Economics & Finance*. – 2005. – Т. 14. – №. 3. – С. 317-348.

25 Чжоу Фанинь. Чжунго цзюэци, дун'я гэцзюй бяньцянь юй дун'я чжисюй дэ фачжань фансян // *Дандай ятай*. – 2012. – №. 5. – С. 4-32.

26 Линь Ифу, Жэнь Жэнь. Дун'я цзинци цзэнчжан моши сянгвань чжэнлунь дэ цайшэнь таньтао // *Цзинци яньцзю*. – 2007. – Т. 8. – №. 1. – С. 4-13.

China Economic Review, Journal of Asian Economics, Journal of World Business, East Asia: an International Quarterly и т.д.

Цель данной работы – изучить процесс изменений в экономических отношениях между КНР, Японией, Республикой Корея и Тайванем в период с 1990 по 2010 гг., связанных с экономическим подъемом Китайской Народной Республики.

Задачами работы являются:

1) Рассмотрение исторического контекста развития региона, состояния экономики Восточной Азии к началу изучаемого периода.

2) Анализ комплекса изменений экономической системы региона в период с 1990 по 2010 гг., определение роли КНР в этих процессах.

4) Описание новых принципов, определивших развитие экономических связей в регионе.

5) Изучение интеграционных процессов в Восточной Азии.

Объектом исследования является комплекс преобразований в экономической системе Восточной Азии, а также процессы экономического развития в Китайской Народной Республике, Японии, Республике Корея и Тайване.

Предметом исследования являются различные аспекты двустороннего и многостороннего экономического сотрудничества в регионе, экономические реформы в странах Восточной Азии, особенности становления экономического статуса региона на международной арене.

В данной работе будет рассмотрено то, как восточноазиатская экономика трансформировалась в период с 1990 по 2010 гг. Такой хронологический промежуток обусловлен рядом причин. К 1990 году Китай

вступил в современный этап своего экономического развития, когда всему миру стали очевидны успехи китайских «реформ и открытости», темпы роста стабилизировались и Китай подтвердил свое стремление к глубочайшей интеграции в мировую экономику. Кроме того, 1990 г. – год, последовавший за событиями на пл. Тяньаньмэнь, именно с этого момента развивается современная общественно-политическая система КНР, и страна полноценно начинает восхождение на пути к экономическому лидерству в регионе. Итог этого процесса был подведен в 2010 г., когда КНР заняла прочную позицию второй экономики мира и стала главной экономической силой Восточной Азии. Стремительный подъем Китая и резкое увеличение его роли в региональной и мировой экономике, на наш взгляд является одним из главных катализаторов перемен, произошедших в регионе в рассматриваемый период. Именно поэтому особое внимание в работе будет уделено экономике КНР. А под «трансформацией» экономической системы Восточной Азии будет пониматься процесс преобразования экономических отношений внутри региона и углубления интеграции Восточной Азии в мировую экономику в условиях быстрого экономического подъема Китая.

Важно отметить, что само определение региона Восточной Азии является предметом разногласий. В разное время под это определение попадали не только страны северо-восточной Азии, но и, например государства юго-востока региона, также зачастую в рамки региона включают и российский Дальний Восток. В западной литературе термин "Восточная Азия" в его современном понимании стал применяться с 1980-х гг., придя на смену "Дальнему Востоку"²⁷. Сегодня согласно классификации ООН²⁸ к

27 Klecha-Tylec K. Regionalism and Regionalisation in East Asia: Their Essence, Origin and Transformations // The Theoretical and Practical Dimensions of Regionalism in East Asia. – Springer International Publishing, 2017. – С. 69-115.

Восточной Азии относятся территории Монголии, КНР, КНДР, Республики Корея, Японии и Тайваня. Однако в данной работе термин «регион» будет пониматься в первую очередь как экономическая сущность, как территория, составляющие части которой объединены сложной системой общих экономических отношений. Таким образом, территориальные рамки исследования будут ограничены КНР, Республикой Корея, Японией и Тайванем. Это объясняется особенностями развития экономической интеграции в регионе – Монголия и КНДР вовлечены в эти процессы очень слабо. В свою очередь, под термином «экономическая система» в данной работе будет подразумеваться исторически сложившаяся совокупность принципов и правил, определяющих форму и содержание экономических отношений между элементами этой системы, в данном случае – между странами региона.

Учитывая экономическую направленность данного исследования, в рамках достижения поставленных целей будет проведен анализ различных статистических данных, на основе которого будут сделаны выводы об особенностях и тенденциях в развитии экономической системы региона. Анализ статистики позволит изучить историю развития внешнеэкономических стратегий стран региона, торгово-инвестиционного сотрудничества в Восточной Азии, определить этапы этих процессов. Для этого будут применены следующие методы: метод статистического наблюдения – на основе имеющихся данных будут описаны общие характеристики различных процессов, например, развития торговой кооперации, а также сводка материалов статистического наблюдения – путем обработки отдельных статистических показателей и их группировки будут

определены черты и закономерности изучаемых явлений, например процесса качественного изменения сотрудничества между странами региона

Тот факт, что в данном исследовании будет рассматриваться современный этап развития международных экономических отношений, определяет особенности подхода к выбору источников.

Статистические данные, которые будут использованы в работе можно разделить на две группы – официальные и неофициальные. Официальные источники статистики – это государственные порталы, сайты различных ведомств стран региона, предоставляющие в открытом доступе данные об объемах торговли, потоках инвестиций, динамике развития экономических отношений. Неофициальные источники – это данные внутригосударственных и международных общественных организаций, научных учреждений, ведущих экономическую статистику.

Также в работе будут использованы тексты международных соглашений и законодательных актов, размещенные на официальных порталах ведомств стран региона и находящиеся в открытом доступе. Эти источники представляют собой межправительственные договоры, торговые и инвестиционные соглашения, внешнеполитические документы, внутригосударственные указы и т.д.

Кроме того, при решении поставленных задач, будут изучаться материалы средств массовой информации. В западных периодических и интернет-изданиях проблемы, рассматриваемые в работе, поднимаются на порядок чаще, чем в отечественных СМИ, кроме того, материалы зарубежных изданий отличаются широтой мнений и подходов к рассматриваемой проблематике. В отечественной периодике проблемы настоящего исследования освещаются значительно реже, однако также заслуживают внимания, поскольку помогают понять существующие мнения среди российских исследователей. Материалы медиа стран Восточной Азии,

хотя часто и не представляют объективные мнения, все же помогают сформировать общую картину.

Значительная доля материалов и данных, приведенных и проанализированных в работе, были заимствованы на порталах изданий, независимых организаций и государственных органов в сети Интернет. Например, это материалы электронного издания газеты South China Morning Post, сайта Всемирного банка, это данные с сайтов Министерства финансов Японии, Министерства торговли КНР, сайта Корейской ассоциации внешней торговли, Азиатского банка развития и т.д.

В российских и зарубежных исследовательских центрах ежегодно публикуется широкий круг научных сборников и изданий, где анализируются проблематика настоящего исследования. Так как эти материалы выступают ценными источниками аналитической информации, их изучение является важным при разработке исследования. Среди подобных сборников необходимо назвать ежегодники «Япония» и «Восточная аналитика» института Востоковедения РАН, сборники «Основные показатели развития мировой экономики» института мировой экономики и международных отношений РАН, аналитические записки, рабочие тетради, брошюры Российского совета по международным делам и московского центра Карнеги, и т.д.

В целом, достаточность и доступность источников можно оценить высоко.

Специфика темы данной работы определяет и особенности методологического подхода. В целом методология данного исследования соответствует общим тенденциям в современной исторической науке и науке о международных отношениях. Так, в ее основе лежит системный подход, что в нашем случае означает рассмотрение системы межгосударственных

экономических отношений в Восточной Азии, как единой структуры, развитие и преобразование которой обусловлено стойкой взаимосвязанностью ее элементов. Таким образом, международные отношения в регионе будут рассматриваться, как целостное явление, в рамках которого существуют прочные связи между акторами. Кроме того, настоящее исследование также будет разрабатываться в рамках диалектического подхода, что подразумевает понимание существующего порядка отношений в регионе как динамической системы, постоянно находящейся в процессе изменений. Такой подход позволит объективно оценивать предпосылки, особенности и последствия перемен в экономической системе региона, отделять отдельные события от продолжительных процессов, имеющих далеко идущие последствия. Кроме того, для описания процессов трансформации экономической системы региона будут использоваться методы анализа, сравнения, индукции.

Учитывая экономическую направленность данного исследования, в рамках достижения поставленных целей будет проведен анализ различных статистических данных, на основе которого будут сделаны выводы об особенностях и тенденциях в развитии экономической системы региона. Анализ статистики позволит изучить историю развития внешнеэкономических стратегий стран региона, торгово-инвестиционного сотрудничества в Восточной Азии, определить этапы этих процессов. Для этого будут применены следующие методы: метод статистического наблюдения – на основе имеющихся данных будут описаны общие характеристики различных процессов, например, развития торговой кооперации, а также сводка материалов статистического наблюдения – путем обработки отдельных статистических показателей и их группировки будут определены черты и закономерности изучаемых явлений, например процесса качественного изменения сотрудничества между странами региона

Научная новизна работы заключается в том, что представляя собой исследование различных аспектов развития экономической системы Восточной Азии в период с 1990 по 2010 гг., она развивает базу для дальнейших исследований по данной тематике. Данную работу, а также выводы и обобщения, которые в ней будут содержаться, можно использовать для дальнейшего изучения вопросов развития многосторонних и двусторонних экономических отношений в Восточной Азии, а также преобразования экономической системы региона в целом.

Результаты исследования были апробированы в рамках выступлений на конференции «Ломоносов-2016», прошедшей в Московском государственном университете в апреле 2016 г., конференции «Российско-китайские отношения: сибирский аспект», прошедшей в Томском государственном университете в декабре 2016 г.

Структура работы представлена введением, тремя главами, заключением, списком использованных источников и литературы.

ГЛАВА 1. ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ ПРОЦЕССОВ МОДЕРНИЗАЦИИ В ВОСТОЧНОЙ АЗИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX В.

Для того, чтобы понимать, как происходила трансформация экономики Восточной Азии на рубеже XX и XXI вв., необходимо взглянуть на историю региона и проследить, как развивались местные экономики на протяжении второй половины XX в., в каком состоянии они подошли к началу 1990-х гг., и что из себя представляла система экономических взаимоотношений в Восточной Азии в этот период. Для достижения этой цели в хронологическом порядке будет рассмотрен процесс экономических преобразований в разных странах региона.

В середине XX в. экономика Восточной Азии только восстанавливалась от последствий Второй Мировой Войны. Доля региона в структуре мировой экономики в этот период не превышала 8-10%²⁹. Единой экономической системы в регионе также не существовало – связи между странами были подорваны, региональная торговля почти не велась, движение капиталов между странами оставалось очень слабым. Кроме того, в результате мировой войны и последовавших за ней событий, регион оказался расколот политически и идеологически.

В то же время, структура экономик стран региона в целом была похожей. Все восточноазиатские государства в этот период оставались преимущественно аграрными, промышленность, серьезно пострадавшая в период войны, фактически начинала новое развитие. Ни о какой экспортно-ориентированной модели развития на тот момент не могло быть и речи. Главной задачей для стран являлось обеспечение собственных базовых потребностей.

29 GDP (current US\$) [Электронный ресурс] / The World Bank Group. – 2017. URL: <http://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.МКТР.CD/>, режим доступа: свободный, дата обращения 26.05.2017.

Но конечно нельзя говорить о том, что в этот период все страны региона находились на одинаковом уровне развития. Так, до начала Второй мировой войны Япония уже была развитой экономикой с серьезным промышленным потенциалом. Хотя в 1946 году ВВП Японии составлял лишь 55% от уровня 1934 года³⁰, в стране существовала база для послевоенного восстановления и дальнейшего экономического развития.

Восстановление прежних промышленных мощностей стало одной из основ для подъема японской экономики. В период с 1945 по 1973 гг. ежегодный рост ВВП Японии составлял около 10%³¹. Особенностью развития страны в этот период и главным залогом ее вхождения в ряд крупнейших экономик мира стало долгое сохранение высочайших темпов экономического роста. После достижения в 1953 году довоенных экономических показателей, японская экономика еще двадцать лет показывала крайне высокие темпы развития.

Период быстрого экономического подъема Японии традиционно разделяется два этапа: первый – с 1945 по 1965, когда страна пережила экономический бум, связанный с проведением реформ и развитием международной торговли, и второй – с 1966 по 1973 г., когда Япония заняла место третьей экономики мира (после США и СССР) и развивалась стабильными темпами до «нефтяного шока» 1973 г.

После окончания войны территория Японии оставалось оккупированной американскими военными в течение почти семи лет. Под руководством оккупационных властей в стране был проведен целый ряд реформ, положивший основу для японского экономического чуда.

30 Duus P. (ed.). The Cambridge history of Japan: The twentieth century. // Cambridge University Press. – 1989. – С. 494.

31 Ibid.

Первым в ряду преобразований стало проведение демократизации и принятие новой конституции. Хотя эти реформы и не имели прямого отношения к экономике, однако они создали стабильную политическую основу, которая способствовала экономическому развитию страны. Кроме того, новая конституция закрепила отказ Японии от создания собственных вооруженных сил, вследствие чего военный бюджет страны был ограничен³². Это позволило не допустить направление чрезмерного объема средств в военную сферу и использовать капитал для развития невоенных секторов экономики.

Другой основой быстрого роста стала земельная реформа, также проведенная под надзором американских оккупационных властей. Реформа, проведенная в 1945-1946 годы, в результате национализации и дальнейшего перераспределения земель, привела к почти полной ликвидации помещичьего землевладения в стране. На смену натуральным повинностям, ранее отнимавшим у крестьян значительную часть урожая, пришла более низкая денежная плата. В результате реформы стала расти производительность сельского хозяйства, начал возрождаться и расти внутренний рынок.

Следующим этапом послевоенного преобразования японской экономики, стала ликвидация дзайбацу – крупных финансово-промышленных конгломератов, монополизировавших экономику и, по мнению оккупационных властей, сыгравших значительную роль в развитии захватнических амбиций японских милитаристов. Уже в октябре 1945 года было распущено высшее руководство ряда дзайбацу, и был начат процесс их реорганизации. В результате этих преобразований уровень концентрации капитала в японской промышленности серьезно снизился, что позволило

32 Забровская Л. В. Япония в борьбе за сохранение мирного характера конституции // Россия и АТР. – 2008. – №. 3.

снизить порог вхождения на рынок для мелких компаний, оживило конкуренцию и таким образом сыграло роль в послевоенном буме японской экономики. Благодаря новым возможностям, промышленные предприятия, не связанные с довоенными экономическими объединениями смогли быстро завоевать рынок и занять лидирующие позиции. Примерами таких компаний являются Toyota, Hitachi, Kawasaki Steel, Sony и другие. Тем не менее, дзайбацу так и не были уничтожены окончательно – после вывода оккупационных войск дзайбацу возродились в форме т.н. кэйрэцу. Однако такие объединения имели в своей верхушке не семейный альянс, а систему партнерских отношений между отдельными ассоциациями, что выгодно отличало их от старой формы конгломератов.

Заключительным этапом послевоенного реформирования японской экономики стало проведение в 1949 г. т.н. «Линии Доджа» – комплекса налоговых и бюджетных преобразований, осуществленных под руководством американского экономиста Джозефа Доджа. Эти меры, направленные на снижение послевоенной инфляции, стабилизацию японской иены и государственного бюджета, позволили стране улучшить состояние внешней торговли и остановить развитие послевоенного финансового кризиса.

После подписания в 1951 г. Сан-францисского мирного договора и вывода оккупационных войск, на территории Японии продолжили работу американские военные базы. В 1960 г. также был подписан договор о взаимном сотрудничестве и гарантиях безопасности между США и Японией, определивший границы и возможности размещения американских военных на территории Японии, а также основы отношений двух стран. Наличие «щита» в виде американских военных и союза с США помогло японским властям сосредоточиться на развитии невоенных сфер экономики.

До начала 60-х гг. внешняя торговля Японии, как и до войны, находилась под жестким государственным контролем³³. Главной причиной этого являлась сильная зависимость страны от ввоза сырья из-за рубежа. По мнению властей, в условиях восстановления экономики свободный рынок не мог способствовать оптимальному распределению ресурсов и мог вовсе поставить поставки необходимых товаров под угрозу. Но по мере восстановления и роста экономики японские власти испытывали все большее давление со стороны США, настаивавших на необходимости либерализации внешней торговли. За это выступали и ведущие японские экономисты. В результате было принято решение о либерализации внешней торговли и уже к 1962 г. 88% японской внешней торговли приходилось на свободный рынок. В 1963 г. Япония стала членом МВФ, а в 1964 г. членом ОЭСР, участие в этих организациях способствовало дальнейшей либерализации торговли и свободному движению капиталов.

В 1962 году торговля со странами Восточной Азии составляла лишь чуть более 3,5% от всей внешней торговли Японии. Ее основу составляли импорт сырьевых и экспорт промышленных товаров. Однако уже в 1973 году масштабы торговли с соседями выросли более чем в 14 раз (при общем росте японской внешней торговли в 4 раза) и стали составлять уже около 12% от всего объема³⁴.

В 1965 году произошла нормализация отношений между Японией и Южной Кореей³⁵, что открыло новые возможности для развития регионального экономического сотрудничества. Вслед за развитием контактов между Китаем и США, и визитом американского президента

33 Duus P. (ed.). The Cambridge history of Japan: The twentieth century. // Cambridge University Press. – 1989. – С. 525.

34 Ibid.

35 Oda S. The normalization of relations between Japan and the Republic of Korea //The American Journal of International Law. – 1967. – Т. 61. – №. 1. – С. 35-56.

Никсона в Пекин, в 1972 г. подписывается «Соглашение о мире и дружбе между Японией и КНР», и происходит восстановление официальных отношений с континентальным Китаем³⁶. В то же время, несмотря на формальное присоединение к принципу «единого Китая», экономические отношения Японии с Тайванем также активно развивались.

В 60-е гг. среднегодовой рост ВВП Японии превышал 8%. Однако из-за резкого повышения цен на энергоносители в результате нефтяного кризиса в 1973 г. в последующие десятилетия темпы роста снизились, но по-прежнему оставались высокими – в среднем более 5% в 70-е и около 4% в 80-е³⁷. Это позволило Японии в первой половине 70-х годов занять прочное место второй экономики в мире и стать одним из важнейших центров международной торговли. Главным залогом этого подъема стало развитие промышленных предприятий, ориентированных на выпуск продукции для экспорта и развитие внешней торговли. Быстрый рост японской экономики не только обозначил новое место Восточной Азии в мировой экономике, но и привел к изменению системы экономического сотрудничества в Восточной Азии.

В результате экономических преобразований и последовавшего за ними быстрого подъема экономики, Япония стала экономическим лидером региона. По мере развития японской экономики, расширялись торговые связи страны с разными уголками мира, но особенно быстро это происходило в Восточной Азии. По мере развития торговли с соседями, японский капитал

36 Joint Communique of the Government of Japan and the Government of the People's Republic of China [Электронный ресурс] / Ministry of Foreign Affairs of Japan. – 2017. URL: <http://www.mofa.go.jp/region/asia-paci/china/joint72.html/>, режим доступа: свободный, дата обращения 26.05.2017.

37 GDP (current US\$) [Электронный ресурс] / The World Bank Group. – 2017. URL: <http://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.CD?locations=JP/>, режим доступа: свободный, дата обращения 26.05.2017.

все глубже проникал в экономики стран региона. В определенной степени это стало катализатором экономического подъема «Азиатских тигров».

К началу 70-х гг. в Восточной Азии формируется новая группа стран, демонстрирующих высокие темпы развития. Южная Корея, Тайвань, Гонконг и Сингапур, одновременно обратившие на себя внимание бурным экономическим подъемом, получили неофициальное название «Четырех азиатских тигров» и впоследствии приобрели статус «Новых индустриальных стран» (НИС) первой волны. В рамках данной работы будет рассмотрен опыт развития Республики Корея и Тайваня.

Начало процессам модернизации и быстрого индустриального развития в этих странах также было положено еще в 50-е гг. Одной из особенностей социально-экономических преобразований в НИС стало то, что они происходили по модели догоняющего развития, их общий уровень благосостояния, серьезно отставал от уровня развитых капиталистических стран. Так по показателям ВВП на душу населения, в 50-е гг. Южная Корея находилась на одном уровне с беднейшими странами Африки³⁸, показатели Тайваня ненамного опережали корейские. Экономике обеих стран в этот период страдала от нехватки сырья и высокой инфляции. Серьезной проблемой оставалась коррупция. Обеим государствам пришлось преодолевать последствия тяжелых гражданских войн, а Тайвань (Китайская республика), предъявлявший права на территорию всего Китая, к 70 гг. оказалась в международной изоляции.

Тем не менее, в результате преобразований, Южной Корее и Тайваню удалось быстро восстановить довоенные уровни производства и перейти к

38 GDP (current US\$) [Электронный ресурс] / The World Bank Group. – 2017. URL: <http://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.PCAP.CD?locations=KR/>, режим доступа: свободный, дата обращения 26.05.2017.

быстрому подъему экономики. На протяжении 20 лет средние показатели ежегодного роста ВВП «тигров» находились на уровне 8-10%³⁹

Причины быстрого экономического роста «тигров» разделяют на несколько основных групп⁴⁰: благоприятные начальные условия, которыми страны НИС сумели эффективно воспользоваться – в частности большое количество дешевой рабочей силы; гибкая и продуманная экономическая стратегия правительств этих стран – в том числе таможенные ограничения и ориентация на экспорт; активная государственная политика в сферах образования и науки; а также экономическая поддержка США и японские инвестиции. Модель развития экономики Восточной Азии в этот период получила условное название «стаи диких гусей» – в ее главе встала Япония, а уже за ней устремились другие «птицы» в регионе⁴¹.

Также как и в случае с Японией, для развития Южной Кореи и Тайваня особую роль сыграло подписание соглашений о военном союзе с США. Корейско-американский договор был подписан еще в 1953 г.⁴², по его условиям на территории страны были размещены несколько американских военных баз. Договор о взаимной безопасности между США и Китайской республикой был подписан в 1954 г., но прекратил свое действие в

39 GDP (current US\$) [Электронный ресурс] / The World Bank Group. – 2017. URL: <http://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.PCAP.CD?locations=KR/>, режим доступа: свободный, дата обращения 26.05.2017.

40 Ивашенко А. С. Причины динамичного развития экономики новых индустриальных стран Юго-Восточной Азии (60-е гг. XX в.- начало XXI в.) // *Голос минувшего. Кубанский исторический журнал*. – 2013. – Т. 3. – С. 38-52.

41 Костюнина Г. М. Регионализация Восточной Азии: истоки и основные модели // *Вестник МГИМО Университета*. – 2011. – №. 1.

42 Mutual Defense Treaty Between the United States and the Republic of Korea [Электронный ресурс] / Lillian Goldman Law Library. – 2017. URL: http://avalon.law.yale.edu/20th_century/kor001.asp/, режим доступа: свободный, дата обращения 26.05.2017.

1979 г.⁴³, что было связано с установлением дипломатических отношений между Соединенными Штатами и КНР. Тем не менее, большая часть его положений нашла место в акте об отношениях с Тайванем, принятом в том же году американским Конгрессом⁴⁴.

Одним из главных залогов быстрого подъема в НИС стало строительство экономики, ориентированной на экспорт. Переориентация в Корею и на Тайване происходила похожим образом: на начальном этапе власти стимулировали инвестирование доходов из сельского хозяйства в промышленность и переход сельского населения на работу на предприятия, также использовалась система реализации государственных инфраструктурных проектов. В отношении новых отраслей промышленности проводилась политика благоприятствования и поддержки – предприятиям предоставлялись кредитные льготы, сокращались налоги.

Важным фактором модернизации в НИС стали иностранные инвестиции – прежде всего японские. С начала 70-х гг. японские компании стали активно выходить за рубеж, стремясь расширить свои рынки сбыта и сократить производственные издержки, размещая производство в других странах. «Азиатские тигры» стали важным направлением для японского капитала – роль сыграли и географическая близость, и многовековые контакты между странами, и экономическая политика НИС, направленная на привлечение инвестиций. Кроме того, все три страны имели тесные связи с США, что облегчало налаживание сотрудничества. Так, например, в 1972 г.

43 Mutual Defense Treaty between the United States of America and the Republic of China [Электронный ресурс] / Taiwan Documents Project. 2017. URL: <http://www.taiwandocuments.org/mutual01.htm/>, режим доступа: свободный, дата обращения 26.05.2017.

44 Taiwan Relations Act [Электронный ресурс] / American Institute in Taiwan. – 2017. URL: <http://www.ait.org.tw/en/taiwan-relations-act.html/>, режим доступа: свободный, дата обращения 26.05.2017.

в Республике Корея начало работу предприятие японской компании Toray Industries⁴⁵, а в 1975 г. была создана Hwashin Electronics – совместное предприятие корейской компании Hwashin и японской кооперации Sony⁴⁶. В то же время представительства японских компаний активно развивали деятельность и на Тайване. Развитие инвестиционного сотрудничества и создание совместных предприятий способствовало налаживанию торговых связей между странами региона и сокращению научно-технологического разрыва между Японией и НИС. Кроме того, именно в этот период была заложена основа развития трансграничных производственных сетей в Восточной Азии.

Особенностью быстрого экономического подъема Республики Корея и Тайваня стало то, что в отличие от Японии, преобразования здесь проводились без прямого участия внешних сил, а кроме того, определяющую роль в экономическом успехе сыграла роль государства – реформы в обоих случаях проводились в условиях авторитаризма. Государство стало главным "строителем капитализма" в этих странах, и на определённом этапе развития политические свободы были отданы в жертву быстрому экономическому развитию и росту материального благосостояния населения. Можно выделить несколько сфер, в которых государственное вмешательство проводилось наиболее активно: в первую очередь это сфера промышленности, где правительства делали упор на развитие определенных отраслей (главным образом экспортных) и сфера внешней торговли, где власти создавали условия для успешного выхода их товаров на зарубежные рынки. Общей чертой экономических преобразования в Японии и НИС стало активное заимствование западных научных и технологических достижений.

45 Chow P. C. Y. (ed.). Taiwan in the global economy: From an agrarian economy to an exporter of high-tech products. // Greenwood Publishing Group. – 2002. – С. 60

46 Rhyu S. The Origins of Korean Chaebols and their Roots in the Korean War // Korean Journal of International Studies. – 2005. – Т. 3. – №. 1. – С. 203-230.

Кроме того, в Южной Корее, как и в Японии, серьезную роль в экономическом подъеме сыграла деятельность крупных корпоративных конгломератов – чеболей, наиболее крупными из которых стали Samsung, Hyundai, Lotte, LG Group. Эти компании стали пионерами в развитии экспортной модели, а также первыми стали заимствовать и применять новые технологии. Хотя структура чеболей была очень похожа на традиционные японские дзайбацу (сами слова «чеболь» и «дзайбацу» – это корейский и японский вариант прочтения одних и тех же иероглифов – 財閥) их деятельность не оказывала негативного влияния на экономику, напротив, они оказались более восприимчивы к переменам и стали флагманом экономического развития страны.

Японии и «Азиатским тиграм» быстрее других государств в мире удалось сократить отставание от развитых экономик запада (например, в отличие от стран Латинской Америки или Южной Европы). За короткий промежуток странам региона удалось перейти от выпуска примитивных промышленных товаров к производству высокотехнологичной продукции. Экономика Восточной Азии, как единое целое, стала обретать глобальный вес, постепенно перемещаясь с периферии мировой экономики в ее центр. Важную роль в этом сыграли развитие экономической интеграции и рост взаимозависимости стран региона.

Экономика Китайской народной республики в этот период находилась на совершенно ином этапе развития. Китай переживал последствия тяжелых потрясений, оказавших глубокое влияние на динамику развития страны – Большого скачка и Культурной революции, формально продолжавшейся вплоть до смерти Мао Цзэдуна в 1976 г. В результате политики, проводившейся в этот период, серьезно пострадали почти все сферы экономической жизни страны – от промышленности и сельского хозяйства, до состояния международной торговли. К концу 70х гг. страна, население

которой составляло около 1 млрд человек, по общим объемам ВВП уступала Нидерландам, Испании, Канаде и другим значительно меньшим странам⁴⁷. ВВП Японии на тот момент превышал китайский более чем в 6 раз⁴⁸.

Экономическая стратегия Китая, разрабатывавшаяся под контролем Коммунистической партии, развивалась в рамках пятилетних планов. Подобно СССР, китайские власти делали главную ставку на развитие тяжелой промышленности. Начиная с первой пятилетки, стартовавшей в 1953 году, и до конца 70-х гг. тяжелая индустрия оставалась главным экономическим приоритетом страны, этот подход оставался неизменным и после разлада отношений с СССР, и в условиях внутренних потрясений.

Одновременно с развитием плановой экономики, страна оставалась закрытой для внешнего экономического сотрудничества, особенно со странами, не входящими в социалистический блок. Объем внешней торговли оставался крайне низким, не превышая нескольких процентов ВВП⁴⁹.

Последствиями такой экономической политики стали экономический дисбаланс как в ежегодных показателях, так в и уровне развития отдельных секторов народного хозяйства. Особый отпечаток накладывали отсутствие политической стабильности в стране и борьба внутри коммунистической партии. В том числе это приводило к принятию нереалистичных планов, завышению показателей, одобрению неадекватных прогнозов экономического развития.

47 GDP (current US\$) [Электронный ресурс] / The World Bank. – 2017. URL: http://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.CD?end=1988&start=1978&year_low_desc=true, режим доступа: свободный, дата обращения 26.05.2017.

48 Ibid

49 Lardy N. R. The role of foreign trade and investment in China's economic transformation // The China Quarterly. – 1995. – Т. 144. – С. 1065-1082.

К концу 70-х гг., после смерти Мао Цзэдуна и долгой внутривластной борьбы, фактическим лидером Китая становится Дэн Сяопин. Никогда не занимавший высших государственных постов и формально находясь на должности вице-премьера Госсовета КНР, Дэн смог сосредоточить в своих руках всю полноту власти в стране. Именно он выступил инициатором преобразований, благодаря которым экономическое чудо Китая стало реальным, а вся Восточная Азия стала тем регионом, который мы знаем сегодня. Дэн Сяопин стал главным идеологом реформ в политической и экономической сферах жизни Китая, произошедших на рубеже 70-80-х гг. Встав во главе государства, он провозгласил отказ от целого ряда идеологических постулатов прошлого (при этом деятельность Мао была признана на 70% правильной и лишь на 30% ошибочной⁵⁰) и призвал к решению актуальных проблем, мешающих движению страны вперед.

Одной из первоочередных задач стало преодоление последствий культурной революции и начало перехода к реальному экономическому развитию страны. В 1977-1979 гг. рамках кампании, получившей название «Пекинская весна», была ослаблена пропаганда, разрешена открытая критика периода Культурной революции, была начата подготовка экономических реформ. Переломным моментом стал декабрь 1978 г., когда пленум ЦК КПК одиннадцатого созыва принял решение о начале масштабных экономических преобразований и объявил о начале реализации программы «реформ и открытости».

Способом достижения экономического успеха, быстрой модернизации и индустриализации страны стало развитие «рыночной социалистической экономики» и реализация программы построения «социализма с китайской спецификой». Эти стратегии, выдвинутые Дэн Сяопином, предполагали, что

50 Vogel E. F. Deng Xiaoping and the transformation of China. // Belknap Press of Harvard University Press. – 2011.

Китаю следует использовать успешный опыт зарубежных государств и, в частности, внедрять в социалистическую экономику элементы рынка.

Для осуществления задачи общего экономического подъема страны была одобрена программа «Четырех модернизации», впервые выдвинутая премьером Госсовета КНР Чжоу Эньлаем еще в 1963 г. Согласно этой концепции первыми сферами, которые подлежат модернизации, должны стать национальная оборона, сельское хозяйство, промышленность, а также сфера науки и технологий. В своих выступлениях Дэн заявлял, что к концу XX в. Китай должен войти в число наиболее развитых государств мира. Как отмечают исследователи⁵¹, многие факторы указывают на то, что экономические преобразования были начаты руководством Китая под впечатлением от успехов своих соседей – Японии и «Тигров». Так, Дэн Сяопин неоднократно ставил Японию в пример Китаю и призывал использовать японский опыт для проведения реформ в КНР⁵².

Особенностью китайских реформ стала особая идеологическая подоплека преобразований. Официально компартия Китая провозгласила курс на построение «социализма с китайской спецификой», что подразумевало под собой сохранение прежней политической системы, опирающейся на принципы социализма, при ограниченном внедрении рыночных принципов в экономике. На практике это означало серьезные ограничения при проведении реформ. Так, на начальном этапе преобразования затронули только прибрежные районы страны, в то время как внутренние регионы не сразу почувствовали на себя эффект от «реформ и открытости». Кроме того, китайское правительство сохранило за собой

51 Гельбрас В. Г. 30 лет реформ открытости Китая // *Общественные науки и современность*. – 2009. – №. 3. – С. 109-117.

52 Vogel E. F. *Deng Xiaoping and the transformation of China*. // Belknap Press of Harvard University Press. – 2011.

широкий круг секторов экономики, ограничив пределы экономической либерализации. Главным образом это коснулось крупных промышленных и добывающих предприятий, банков. Частная инициатива стимулировалась только в сферах среднего и малого бизнеса, а некоторые юридические нюансы оставались неурегулированными вплоть до начала 2000-х гг.

В рамках достижения поставленных целей, одной из важнейших задач экономической модернизации в КНР стало привлечение иностранных инвестиций. Для привлечения зарубежных капиталов был проведен целый комплекс мероприятий, главным из которых стало начало создания особых экономических зон. В 1980 г. три первые особые экономические зоны были созданы на территории провинции Гуандун (Шэнчжэнь, Чжухай, Шаньтоу), в непосредственной близости от Гонконга. В 1984 г. была создана еще одна зона в провинции Фуцзянь (Сямэнь). В 1988 г., одновременно с созданием провинции Хайнань, вся ее территория вошла в состав пятой особой экономической зоны. На территории особых зон был упрощен процесс регистрации новых компаний, сокращена налоговая нагрузка и отменены экспортные пошлины. Первые особые экономические зоны не только сыграли важнейшую роль в процессе открытия Китая миру, но и стали первыми территориями страны, где был «опробован» рынок.

Следующим шагом на пути создания особых инвестиционных районов, стало «открытие» 14 прибрежных городов. В 1984 г. особые условия для международной торговли и зарубежных инвесторов были созданы в портах на территориях 8 провинций восточного побережья КНР, а также в городах Тяньцзинь и Шанхай. В последующие годы продолжилось создание новых видов особых экономических зон, стала складываться сложная система специальных инвестиционных территорий.

На начальном этапе развитие особых экономических районов осложнялось отсутствием необходимой инфраструктуры и опыта у местных

властей и бизнесменов, несовершенством законодательства и просто неготовностью иностранного бизнеса работать с Китаем. Вложения в страну, которая всего несколько лет была оплотом коммунистической идеологии и отвергала всякую возможность развития рыночных механизмов, представлялись зарубежным инвесторам крайне рискованным предприятием. Из-за этого, главным источником инвестиций на этих территориях формально стал Гонконг, в тот период остававшийся территорией Великобритании. Гонконгские предприниматели, хорошо знакомые со спецификой развития Китая и имевшие прочные связи с зарубежными бизнесменами, часто выступали посредниками при выходе иностранных инвесторов на китайский рынок. Основным способом проникновения иностранного капитала стало создание совместных предприятий. К концу 80-х гг. количество предприятий, созданных с участием зарубежного капитала, превысило 16 тыс.⁵³

Несмотря на сложности, роль особых экономических районов сыграла решающую роль в подъеме Китая. По оценкам, до конца 80-х гг. до 90% от всего объема иностранных инвестиций в китайскую экономику приходились на эти территории. За период 80-х гг. была заложена прочная основа развития китайской промышленности, опирающейся на сотрудничество с зарубежными партнерами. КНР стала важной частью мировой торговли.

Одними из первых активно развивать сотрудничество с Китаем стали непосредственные соседи КНР уже достигшие экономического успеха – Япония, Южная Корея и Тайвань. Несмотря сложные отношения в политике, экономическое сотрудничество между странами стало развиваться быстрыми темпами.

53 An C. China's Special Economic Zones and Coastal Port Cities: Their Development and Legal Framework // The Voice from China. – Springer Berlin Heidelberg. – 2013. – С. 483-546.

Япония, будучи одной из главных экономик мира и лидером Восточной Азии, быстро включилась в работу по развитию сотрудничества с Китаем. Этому также поспособствовала поддержка реформ, которой КНР удалось заручиться у японских властей (Дэн Сяопин нанес визит в Японию еще в 1978 г.). В 80-е гг. японская экономика находилась на пике подъема и производители искали пути для поддержания конкурентных преимуществ своих экспортных товаров. Выходом стал перенос трудоемкого производства в страны с более выгодными условиями производства. Если в 70-е гг. эти процессы активно развивались в отношениях с Республикой Корея и Тайванем, то в 80-е гг. в них включился Китай. К началу 90-х гг. была заложена основа развития трансграничных производственных сетей в регионе, а уже в следующем десятилетии они стали основой развития экономического сотрудничества во всей Восточной Азии. Для более четкого регулирования движения капиталов между странами, в 1988 г. Япония и КНР подписали соглашение о двустороннем инвестиционном сотрудничестве⁵⁴.

До 1992 г. КНР и Республика Корея не имели официальных отношений на высшем уровне, однако это не мешало корейским инвестициям активно проникать в Китай. В 80-е гг. компании из Южной Кореи активно выходили на новые рынки, вступая в борьбу с японскими, американскими и европейскими производителями. Развитие производства в Китае для Кореи, также как и для Японии, стало способом сокращения издержек и повышения конкурентоспособности своих товаров. Укреплению контактов между странами также способствовало наличие в КНР крупной корейской диаспоры. Хотя официальная статистика инвестиционного и торгового взаимодействия между двумя государствами в этот период отсутствует, очевидно, что с середины 80-х гг. объемы кооперации росли быстрыми

54 Schott J. J., Cimino C. The China-Japan-Korea Trilateral Investment Agreement: Implications for US Policy and the US-China Bilateral Investment Treaty // Toward a US-China Investment Treaty. – 2015. – Т. 50. – №. 24.9. – С. 6.

темпами. А дальнейшее расширение сотрудничества с Китаем сыграло важную роль в дальнейшей мировой экспансии южнокорейских компаний.

Экономические реформы в КНР стали катализатором позитивных перемен в отношениях между Китаем и Тайванем. В течение нескольких десятилетий всякие контакты между странами практически отсутствовали, и развитие сотрудничества с Китаем долгое время оставались табу для тайваньских бизнесменов. Однако экономические успехи Тайваня, а также меняющееся положение острова в международной политике, способствовали переменам в отношении тайваньских властей к развитию связей с континентальным Китаем. С началом реформ в КНР, тайваньские власти стали постепенно отходить от прежнего принципа «нет контактов, нет переговоров, нет компромиссов» и начали движение навстречу развитию экономического сотрудничества с Китаем. В 1984 г. были сняты ограничения на торговлю с КНР через Гонконг и Макао, а через три года тайваньские граждане получили право совершать частные визиты в КНР⁵⁵. Для того чтобы избежать негативных последствий развития связей с материковым Китаем, а также чтобы отделить сферы экономики и политики, власти Тайваня ограничили круг отраслей в которые могли быть направлены инвестиции тайваньских бизнесменов. Главным образом это были производственные сферы с высоким уровнем трудоемкости.

Начиная экономические реформы, Китай обладал рядом преимуществ, по сравнению с другими странами Восточной Азии. Во-первых, это огромное количество дешевой рабочей силы. К началу 80-х гг. население КНР уже

55 Lin T. Taiwan's investment policy in mainland China a domestic perspective // Journal of Chinese political science. – 1997. – Т. 3. – №. 2. – С. 25-45.

перевалило за 1 млрд человек⁵⁶. В результате стимулирующих мер все больше людей переселялось в городские районы и приступало к работе на промышленных предприятиях. Размеры заработной платы, особенно в долларовом эквиваленте оставались крайне низкими и росли медленно. По сравнению с другими странами региона, где в результате роста благосостояния населения серьезно выросла стоимость рабочих рук, стоимость производства в КНР была очень выгодной для инвесторов. Несмотря на низкую квалификацию большинства китайских рабочих, и как следствие, невысокое качество производимых товаров, к концу 80х гг. крупнейшие компании со всего мира начали работать с Китаем. Кроме того, к концу 70-х – началу 80-х гг. КНР могла опираться на успешный опыт своих соседей, учитывать их ошибки и достижения, при проведении реформ. Особую роль также сыграла обширная китайская диаспора за рубежом – «хуацяо». Китайцы, проживающие в других странах стали проводниками экономических интересов страны и одними из первых стали активно работать с Китаем.

С конца 70-х годов ВВП Китая рос ежегодно более чем на 8%, теми же темпами рос приток инвестиций. Однако даже с таким уровнем роста, во второй половине 80-х годов экономика Китая по-прежнему находилась на уровне экономики Южной Кореи середины 60-х гг., а большая часть рабочей силы все еще была занята в сельском хозяйстве. До конца 80-х годов объемы иностранных инвестиции, в том числе из восточноазиатских стран, оставались сравнительно невысокими из-за сложностей, связанных с работой на китайском рынке и неготовностью зарубежных инвесторов активно вкладывать в Китай. Тем не менее, прогресс был очевиден, а реформы доказали свою эффективность.

56 Population, total [Электронный ресурс] / The World Bank. – 2017. URL: <http://data.worldbank.org/indicator/SP.POP.TOTL?locations=CN/>, режим доступа: свободный, дата обращения 26.05.2017.

Одной из особенностей развития рыночной экономики в КНР стал особый подход властей страны к формированию курса национальной валюты. С 1974 г. применялась практика ежедневной котировки китайского юаня (жэньминьби) к доллару и другим валютам. Так, в середине 70-х гг. курс находился около отметки в 1,5 юаня за доллар США⁵⁷. Однако по ходу реформ, вслед за развитием производства и расширением международной торговли, власти страны стали постепенно опускать курс валюты. К 1985 г. один доллар стоил уже около трех юаней, а к концу десятилетия его цена превысила отметку в 4 юаня⁵⁸. Повышение курса национальной валюты создало преимущество для китайских производителей, экспортирующих товары за рубеж, способствовало развитию международной торговли Китая и поддерживало высокие темпы роста ВВП.

Таким образом, в 80-е гг. Восточная Азия в полной мере стала регионом,двигающимся на пути модернизации. Все страны к этому периоду перешли к быстрому развитию, основывавшемся на нескольких общих факторах. Так, для стимулирования экономического подъема все страны региона обратились «вовне» и стали строить экономику, ориентированную на экспорт. Кроме того, все государства Восточной Азии в той или иной форме получали денежные вливания извне: Япония в виде помощи от США, Корея и Тайвань в виде той же американской помощи, а в дальнейшем в виде инвестиций из Японии и других государств, КНР в виде иностранных инвестиций. Итогом преобразований в странах региона стало то, что менее чем за пол века всем им удалось пройти путь от аграрных экономик, до

57 Chinese Yuan 1981-2017 Data [Электронный ресурс] / Trading Economics. – 2017. URL: <https://tradingeconomics.com/china/currency/>, режим доступа: свободный, дата обращения 26.05.2017.

58 Chinese Yuan 1981-2017 Data [Электронный ресурс] / Trading Economics. – 2017. URL: <https://tradingeconomics.com/china/currency/>, режим доступа: свободный, дата обращения 26.05.2017.

развитых индустриальных и постиндустриальных обществ. По мере развития торговых связей каждой из стран региона, объем их торговли с остальным миром рос медленнее, чем с другими странами Восточной Азии.

В то же время, важнейшим игроком на пространстве Восточной Азии на протяжении второй половины XX в. оставались США. Изменение роли Соединенных Штатов в экономическом сотрудничестве со странами региона сыграло важную роль в трансформации экономической системы Восточной Азии. После второй мировой войны экономика региона фактически попадает в зависимость от Соединенных штатов. Это проявлялось в экономической помощи, давшей старт экономическому подъему Японии, Южной Кореи и Тайваня, а впоследствии это стало проявляться в поддержке экономических реформ в Китае и в инвестициях, направляемых в регион. К концу 70-х гг. США были одним из главных торговых партнеров для всех восточноазиатских стран.

В период холодной войны политика США в отношении Восточной Азии определялась положением сил на международной арене и, в первую очередь состоянием американо-советских отношений. Однако противостояние в Восточной Азии не отличалось сложной структурой, как в некоторых других регионах мира. Все рассматриваемые нами страны в период наиболее острого противостояния между СССР и США находились в «орбите» Соединенных Штатов. Даже коммунистический Китай после ухудшения отношений с Советским Союзом смог наладить сотрудничество с Соединенными Штатами и впоследствии заручиться поддержкой лидера западного мира при проведении реформ. В то же время, Восточная Азия не являлась главным приоритетом для США ни в стратегическом, ни в экономическом смысле – основным экономическим центром оставалась Европа. Однако с ослаблением противостояния двух сверхдержав меняется значение и роль Америки в регионе. Главной сферой взаимоотношений безоговорочно становится экономика. Американский капитал устремляется в

регион в постоянно растущих объемах и тем самым вносит свой вклад в преобразование экономической системы региона. К концу 80-х гг. была заложена основа инвестиционного сотрудничества США и Восточной Азии, а в последующие десятилетия сфера торговли и инвестиций стала основой развития контактов между странами региона и крупнейшей мировой экономикой.

Опыт преобразований в странах Восточной Азии показал зависимость между расширением международной торговли и ростом кооперации внутри региона. Экономика становится основой развития сотрудничества между государствами, что приводит к росту взаимосвязанности процессов, происходящих в отдельных странах. Одновременно с увеличением объемов торговли и расширением инвестиционных потоков, складывается современная экономическая система региона. На рубеже 80-х и 90-х гг. Китаю занимает в ней второстепенное значение, но в последующие годы ситуация меняется.

ГЛАВА 2. 1990-Е ГГ. ОТ КРИЗИСОВ К РАЗВИТИЮ РЕГИОНАЛЬНЫХ ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ СЕТЕЙ

В период 1990-х Восточная Азия стала одним из главных центров мировой экономики. Доля региона в мировом ВВП к 1999 г. достигла почти 20%. Япония в 90-е гг. прочно закрепилась на месте второй экономики мира⁵⁹. В то же время, КНР вступила в фазу наиболее быстрого роста. Если в 1990 г. китайский ВВП вырос только на 3,9%, то уже в 1992 г. рост превысил 14%. К 1999 г. ВВП Китая превышал показатель десятилетней давности почти в три раза. Так же активно росла и внешняя торговля Китая. Доля КНР в мировой экономике за десять лет выросла с 1% до 5%⁶⁰. Развитие экономики Китая и увеличение объемов международной торговли привело к расширению взаимодействия с соседями по региону. Постепенно Китай стал одним из главных торговым партнеров для стран Восточной Азии. Так, к концу десятилетия Китай стал главным партнером Японии по импорту и вторым (после США) по экспорту⁶¹, похожие позиции Китай занял и среди торговых партнеров Южной Кореи и Тайваня⁶². Фактор развития торговых и инвестиционных связей между Китаем и странами региона стал основополагающим для развития всей Восточной Азии.

До конца 80-х гг. экономики всех стран Восточной Азии планомерно двигались вверх, незначительно подвергаясь влиянию неурядиц, возникавших на Западе. Но несмотря на впечатляющие успехи, такой подъем не мог продолжаться бесконечно. Экономическая политика стран региона,

59 GDP (current US\$) [Электронный ресурс] / The World Bank Group. – 2017. URL: <http://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.CD/>, режим доступа: свободный, дата обращения 26.05.2017.

60 Ibid.

61 Gaulier G., Lemoine F., Ünal-Kesenci D. China's integration in East Asia: Production sharing, FDI & high-tech trade // Economic Change and Restructuring. – 2007. – Т. 40. – №. 1-2. – С. 27-63.

62 Ibid

при всех позитивных результатах, не была сбалансирована на 100% и к рубежу 80-90-х гг. просчеты и ошибки прежних лет стали приводить к последствиям.

С самого начала экономических реформ власти Японии поддерживали высокий курс иены и стимулировали накопление средств среди населения. Эти меры, делавшие экспорт выгодным для японских предприятий и повышавшие устойчивость экономической системы к внешним рискам, с одной стороны привели к высокому торговому профициту страны, а с другой привели избытку средств в банковской системе. Большие сбережения увеличили доступность кредитования, а высокий курс валюты сделал биржевые инструменты чрезвычайно прибыльными.

С середины 80-х гг. японские компании просто «сорили деньгами». Бизнесмены вкладывались в высокорисковые активы, принимали предложения с крайне завышенными ценами (так, например в 1985 г. Mitsubishi Group выкупила здание Рокфеллеровского центра в Нью-Йорке по цене в два раза превышающей рыночную⁶³). Банки, подвергнувшись той же тенденции, стали чаще выдавать ненадежные кредиты. Эйфория относительно перспектив японской экономики, недооценка рисков финансовыми институтами и компаниями, а также несвоевременные меры Банка Японии запустили процесс раздувания спекулятивного «пузыря» на финансовом рынке и рынке недвижимости.

В результате агрессивных спекуляций индекс Nikkei 225 (важнейший фондовый индекс Японии, отражающий показатели 225 крупнейших компаний страны) достиг своего исторического максимума в 1989 г. В том же году на пике оказались цены на недвижимость в Токио. Так, стоимость

63 Japanese scrap \$2 billion stake in Rockefeller [Электронный ресурс] / The New York Times. – 1995. URL: <http://www.nytimes.com/1995/09/12/business/japanese-scrap-2-billion-stake-in-rockefeller.html?pagewanted=all&mcubz=0/>, режим доступа: свободный, дата обращения 26.05.2017.

одного квадратного метра в районе Гиндза достигала 1 млн долларов. Цены на объекты недвижимости в Токио были в 350 раз выше цен на одинаковые по классу объекты в Нью-Йорке.

«Перегрев» японской экономики оказался неизбежен и уже в 1990 году «пузырь» стал лопаться. Достигнув максимальной отметки, маятник цен на японском рынке недвижимости и в сфере финансов качнулся вниз. Падение цен спровоцировало панику среди инвесторов и вызвало лавину продаж. К августу 1991 г. индекс Nikkei упал в половину от своих максимальных значений и продолжил снижение в последующие несколько лет. То же самое произошло с ценами на недвижимость. Курс иены вырос до исторического максимума, что пошатнуло позиции японских экспортеров⁶⁴. Эйфория сменилась затяжной экономической депрессией, а 90-е гг. получили название «Потерянного десятилетия»⁶⁵. С этого момента в Японии наблюдался уникальный феномен «стагфляции наоборот», когда при общем замедлении экономики, цены на товары также падали. В результате, темпы роста японского ВВП с 1992 г. лишь в редкие годы превышали 2%, а зачастую оказывались отрицательными. Хотя Япония еще более чем полтора десятка лет оставалась второй экономикой мира, ее отрыв от конкурентов и, в первую очередь от Китая, стремительно сокращался.

Последствия краха японской «экономики пузыря» оказали влияние на развитие не только Японии, но и других стран Восточной Азии. Больше остальных от этого кризиса пострадал Тайвань, для которого Япония в этот период являлась главным торговым партнером. В результате сокращения объемов внешней торговли серьезное давление оказывалось на тайваньскую

64 Japanese Yen 1972-2017 [Электронный ресурс] / Trading Economics. – 2017. URL: <https://tradingeconomics.com/japan/currency/>, режим доступа: свободный, дата обращения 01.06.2017.

65 Hayashi F., Prescott E. C. The 1990s in Japan: A lost decade // Review of Economic Dynamics. – 2002. – Т. 5. – №. 1. – С. 206-235.

валюту. Так, в 1992 г. новый тайваньский доллар достиг самой низкой отметки в истории⁶⁶. Кроме того, можно говорить о том, что японский кризис стал одним из катализаторов углубления экономического сотрудничества между Тайванем и КНР. Сокращение торговли с Японией заставило также и корейские компании обратить большее внимание на развитие контактов с Китаем⁶⁷. Крах японского «пузыря» показал растущий уровень взаимозависимости экономик Восточной Азии. Несмотря на то, что прямым образом от кризиса пострадала только Япония, эхо этого катаклизма прокатилось по всему региону.

Однако уроки краха японской экономики «пузыря» не были учтены правительствами других азиатских стран, что всего через несколько лет привело к новым проблемам в регионе. Азиатский финансовый кризис 1997-1998 гг. также начался с раздувания пузыря и в целом, его предпосылки были похожи на причины японского обвала на рубеже 80-90-х гг. Этот кризис оказал влияние на экономики всех стран Азиатско-Тихоокеанского региона, но в первую очередь от него пострадали страны Юго-Восточной Азии – Таиланд, Индонезия и Малайзия. В Восточной Азии больше остальных подверглась его действию Южная Корея, в меньшей, но также значительной степени кризис повлиял на Китай, Тайвань и Японию.

К началу второй половины 1990-х гг. на фоне высоких темпов роста экспортных доходов, а также увеличивающихся объемов иностранных инвестиций, в финансовой среде «Азиатских тигров» и НИС Юго-Восточной Азии царил эйфория. Цены на недвижимость достигали заоблачных высот, бизнесмены вкладывались в высокорисковые активы, государственные

66 Taiwanese Dollar 1979-2017 Data [Электронный ресурс] / Trading Economics. – 2017. URL: <http://www.tradingeconomics.com/taiwan/currency/>, режим доступа: свободный, дата обращения 26.05.2017.

67 Gold T. B. The Taiwan-China Connection: Democracy and Development Across the Taiwan Straits //Political Science Quarterly. – 1997. – Т. 112. – №. 3. – С. 515-517.

власти щедро финансировали затратные инфраструктурные проекты, которые, как и рыночные сделки, часто финансировались из заемных банковских средств⁶⁸.

Но, как и в случае с Японией, такой процесс не мог продолжаться долго и в результате «пузырь» лопнул. Триггером стал крах тайского рынка недвижимости и банкротство крупнейшего банка страны, произошедшие в начале 1997 г., что привело к стремительному падению курса национальной валюты Таиланда – бата. В последующие несколько месяцев похожие события произошли и в ряде других стран Юго-Восточной Азии. Последствия Азиатского финансового кризиса отразились на множестве экономик мира, в том числе и на российской.

Южная Корея ощутила на себе удар кризиса к концу 1997 г. Это прямым образом сказалось на состоянии внешней торговли Кореи, а итогом стало падение корейского ВВП в 1998 г. более чем на 5%⁶⁹. Среди причин резкого усугубления экономической ситуации в Корее выделяют ошибки в управлении крупных промышленных конгломератов и коррумпированность их руководства, а также просчеты государственной экономической политики. К моменту начала кризиса почти три четверти крупнейших южнокорейских компаний фактически были неспособны покрыть собственные издержки, при этом руководство компаний, имея легкий доступ к заемным средствам, не предпринимало действий для выхода из этой ситуации. Неэффективность управления также была вызвана неравномерным распределением голосов в советах директоров компаний. В 1996 г. 68% голосов в чеболях

68 Corsetti G., Pesenti P., Roubini N. What caused the Asian currency and financial crisis? // Japan and the world economy. – 1999. – Т. 11. – №. 3. – С. 305-373.

69 GDP (current US\$) [Электронный ресурс] / The World Bank Group. – 2017. URL: <http://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.CD/>, режим доступа: свободный, дата обращения 26.05.2017.

контролировались акционерами, владевшими лишь 23% акций⁷⁰. Такое положение вещей не стимулировало руководство компаний к разрешению насущных проблем, а советы директоров фактически занимались «перекачкой денег», загоняя компании в долги. В то же время, корейское правительство искусственно поддерживало высокий курс национальной валюты – воны, опираясь на валютные резервы. Однако ухудшение ситуации на зарубежных рынках привело к резкому обострению проблем в корейской экономике. С одной стороны, ухудшение конъюнктуры ударило по чеболям (в частности, в результате кризиса обанкротилась одна из крупнейших компаний Южной Кореи – Daewoo⁷¹), с другой стороны перемены на мировых рынках и сокращение национальных резервов вынудили корейское руководство отпустить вону в свободное плавание. В результате, всего за несколько дней ноября-декабря 1997 г. курс корейской воны упал почти в два раза⁷², резко возросла инфляция.

Благодаря своевременной помощи Международного валютного фонда, тяжелых последствий Азиатского финансового кризиса удалось избежать. Для стабилизации валют наиболее пострадавшим странам, в том числе Южной Корее были предоставлены краткосрочные займы. Кроме того, МВФ обязал правительства этих государств внести коррективы в экономическую политику, повысить налоги и ограничить бюджетные траты. В результате, уже концу 1999 г. пострадавшие государства смогли восстановиться от

70 Kim E. H., Kim W. Changes in Korean corporate governance: a response to crisis //Journal of Applied Corporate Finance. – 2008. – Т. 20. – №. 1. – С. 47-58.

71 The death of Daewoo [Электронный ресурс] / The Economist. – 1999. URL: <http://www.economist.com/node/233562/>, режим доступа: свободный, дата обращения 26.05.2017.

72 South Korean Won 1981-2017 Data [Электронный ресурс] / Trading Economics. – 2017. URL: <http://www.tradingeconomics.com/south-korea/currency>, режим доступа: свободный, дата обращения 26.05.2017.

последствий экономических потрясений. Так, ВВП Кореи в 1999 г. вырос более чем на 10% ⁷³.

Кризис стал причиной серьезных перемен в политической и экономической сферах Республики Корея. В корейском обществе вырос запрос на реформы, на очередных президентских выборах в декабре 1997 г. к власти пришел оппозиционный кандидат Ким Дэ Чжун, ставший лидером преобразований, выведших страну из кризиса. Кроме того, была реформирована юридическая база деятельности чеболей. Их активность стала более прозрачной для властей и общественности. Одним из средств достижения этой цели стало снижение барьеров для иностранных компаний при входе на корейский рынок и упрощение условий для приобретения иностранцами долей в корейских компаниях.

Хотя и в меньшей степени, но кризис отразился также и на других странах региона. Япония, переживавшая последствия провала «экономики пузыря» в период кризиса испытывала трудности в международной торговле и, несмотря на призывы стран региона к увеличению объемов торговли, не смогла сыграть роль в стабилизации экономических процессов на пространстве Восточной Азии. Как в 1997 г. заявил премьер-министр Японии Рютаро Хасимото: «Японии следует позаботиться о своих проблемах. Мы не настолько самоуверенны, чтобы взять на себя роль локомотива азиатской экономики» ⁷⁴.

73 GDP (current US\$) [Электронный ресурс] / The World Bank Group. – 2017. URL: <http://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.CD/>, режим доступа: свободный, дата обращения 26.05.2017.

74 China's Decisive Role in the Asian Financial Crisis [Электронный ресурс] / Boston University. – 1998. URL: <https://www.bu.edu/globalbeat/pubs/ib24.html/>, режим доступа: свободный, дата обращения 26.05.2017.

Тайваню также не удалось избежать последствий кризиса. Являясь одним из крупнейших иностранных инвесторов в Юго-Восточной Азии, Тайвань ощутил на себе удар в период разгара кризиса в этих странах. Сокращение показателей международной торговли и падение курса национальной валюты (новый тайваньский доллар в период кризиса достиг одного из самых низких показателей в истории⁷⁵) стали главными результатами падения торговли со странами АСЕАН. Но тем не менее, даже в пик кризиса, рост ВВП Китайской республики не принимал отрицательных значений. Причиной такого иммунитета Тайваня стало то, что, несмотря на высокие темпы роста экономики и развитие международной торговли, властям острова удалось не допустить высокой доли спекулятивных операций и возникновения «пузыря» в финансовой сфере страны.

Падение на азиатских рынках сказалось и на экономике КНР. В 1998 г. экспорт из Китая почти не вырос, в то время как годом ранее, рост этого показателя превысил 20%⁷⁶. Подорожание импорта привело к росту торгового дефицита КНР со странами Азии. Но в то же время, ухудшение экономической ситуации в НИС позволило Китаю потеснить их позиции на американском и других рынках. По той же причине Китаю удалось «перетянуть на себя» часть иностранных инвестиций из западных стран. Кроме того, в период кризиса КНР впервые выступил как один из лидеров региона. Будучи, к моменту кризиса уже второй экономикой Азии, Китай оказывал значительное влияние на состояние дел в регионе. Твердое положение китайской валюты (и как следствие сохранение цен на китайские экспортные товары), позволило сохранить конкурентоспособность

75 Taiwanese Dollar 1979-2017 Data [Электронный ресурс] / Trading Economics. – 2017. URL: <http://www.tradingeconomics.com/taiwan/currency/>, режим доступа: свободный, дата обращения 26.05.2017.

76 Fang Z., Xiao G. China in the Context of the Asian Financial Crisis // China Review. – 1999. – С. 165-178.

пострадавших от кризиса экономик, торговавших с Китаем. Как отмечал занимавший должность вице-премьер Госсовета КНР Лун: «Если бы Китай девальвировал валюту, это привело бы к катастрофе»⁷⁷.

Азиатский финансовый кризис стал важной вехой на пути развития экономики Восточной Азии. Несмотря на негативные последствия, кризис показал растущую взаимосвязанность экономик региона. Кроме того, события кризиса стали сигналом о перемещении экономического центра в Восточной Азии.

Другим фактором становления Китая в качестве мощной региональной державы, стало возвращение под свой контроль Гонконга и Макао. В 1997 г. под юрисдикцию КНР передается британский Гонконг португальская, а в 1999 г. под китайское управление переходит колония Макао. Хотя соглашения о передаче этих территорий были заключены еще в 80-е гг., существовали опасения, что этот процесс может осложниться и привести к ухудшению отношений между Китаем и Западом. Однако передача власти прошла относительно гладко, Гонконг и Макао на 50-ти летний срок получили статус особых административных районов, сохранив автономию. Переход под контроль КНР привел к еще большей интеграции этих территорий в китайскую экономику, а сохранение их политической автономии подтвердило стремление Китая к развитию сотрудничества с остальным миром, что оказало позитивное влияние на инвестиционную привлекательность страны.

Одной из главных особенностей развития экономики Восточной Азии в 90-е гг. стало развитие процессов трансграничного раздела производства и

77 China's Decisive Role in the Asian Financial Crisis [Электронный ресурс] / Boston University. – 1998. URL: <https://www.bu.edu/globalbeat/pubs/ib24.html/>, режим доступа: свободный, дата обращения 26.05.2017.

создания международных производственных сетей ⁷⁸. Трансграничный раздел производства – это процесс переноса компаниями своих производственных мощностей за рубеж, обусловленный стремлением сократить производственные, транспортные и другие издержки, в результате такого переноса возникают международные производственные сети. Такие сети, как одна из особенностей международного разделения труда, стали интенсивно развиваться с конца 60-х гг.⁷⁹. Изначально они возникли в секторах электронной и текстильной промышленности, но постепенно распространились на многие другие сферы. На 90-е гг. пришелся резкий подъем развития процессов трансграничного раздела производства. В 1992 г. мировой рынок «полуфабрикатов» - компонентов и частей, используемых в дальнейшем производстве, оценивался в \$337млрд., а уже в 2000 г. он превысил \$1 трлн. Ежегодный прирост за этот период в среднем составлял 18%. К 2000 г. такие товары составляли четверть мировой торговли.

Восточная Азия стала эпицентром развития этих процессов. Начало участия стран региона в международном разделе производства было положено задолго до 90-х гг. Так, например, в 1982 г. в Соединенных Штатах начался выпуск японских автомобилей Honda, а в 1984 г. там же начал работу завод южнокорейской компании Samsung. Однако именно в 90-е гг. такая практика получила широкие масштабы, и во многом это было связано с развитием экономики Китая.

Катализаторами процесса трансграничного раздела производства в Восточной Азии стали несколько факторов. Во-первых, это удобное географическое расположение и гетерогенность экономик региона – т.е.

78 Kimura F. International production and distribution networks in East Asia: Eighteen facts, mechanics, and policy implications //Asian Economic Policy Review. – 2006. – Т. 1. – №. 2. – С. 326-344.

79 Athukorala P. Product fragmentation and trade patterns in East Asia //Asian Economic Papers. – 2005. – Т. 4. – №. 3. – С. 1-27.

разные страны обладали разными экономическими преимуществами. Во-вторых, это колебания валютных курсов развитых стран региона. Из-за повышения курсов национальных валют в конце 80-90х гг. производство в Японии, Южной Корее и Тайване стало дорожать, а конкурентоспособность товаров, произведенных в этих странах сокращаться. Решением этой проблемы стал перенос производства в страны с более выгодными экономическими условиями. И в-третьих, этому способствовали перемены в стратегиях экономического развития в Китае и странах Юго-Восточной Азии, а именно работа по расширению международной торговли и привлечению иностранных инвестиций.

Процесс трансграничного раздела производства развивался по-разному в каждой из стран региона. Если Японии удалось создать собственную базу высокотехнологичного производства, то Южной Корее и Тайваню в 90-е гг. по-прежнему часто приходилось опираться на зарубежные разработки. Это обстоятельство обусловило различия при переносе производства из этих государств в Китай и другие страны: Корея и Тайвань переносили более техноемкое производство, чем Япония. В то же время, предприятия всех этих стран объединяло то, что главным стимулом переноса производства для них изначально являлось сокращение издержек при производстве экспортных товаров, а не, например, облегчение доступа на внутренний китайский рынок или сокращение таможенных сборов и налоговой нагрузки.

Развитие международных производственных сетей стало одной из основ быстрого подъема промышленности в Китае, стало катализатором развития собственного производства в стране, а благодаря увеличению производства экспортных товаров, объемы международной торговли КНР стали быстро расти. Китай стал «перевалочным пунктом» для японских, корейских и тайваньских производителей: предприятия этих стран экспортировали в Китай части и компоненты собственных товаров, впоследствии уже готовые изделия экспортировались из Китая обратно в

страны региона, а также на другие мировые рынки. Вовлечение Китая в торгово-производственную структуру восточноазиатских компаний стало важным фактором дальнейшей торговой экспансии Китая. К середине 90-х гг. около 46% всего китайского экспорта составляли товары иностранных компаний, произведенные на территории КНР⁸⁰. На протяжении 90-х гг. этот показатель продолжал расти и к 2000 г. превысил 55%⁸¹. Примерно ту же долю комплектующие составляли и в структуре китайского импорта. Очевидно, что не весь экспорт и импорт из этой категории приходился на компании из стран Восточной Азии, тем не менее, именно соседи Китая по региону стали главной силой в развитии «полуфабрикатного» производства в КНР. В середине 90-х гг. доля компонентов и полуфабрикатов в общей торговле Китая с НИС составляла более 60%, в торговле с Японией – 40%⁸² (в то время как в торговле с Европой и Америкой этот показатель колебался на уровне около 10%).

Кроме того, углубление процесса трансграничного раздела производства стало способом развития технологического потенциала КНР. Одновременно с увеличением объемов торговли компонентами и ростом экспорта технологичных товаров, местные производители накапливали опыт. В начале 90-х гг. доля Китая в общемировом экспорте высокотехнологичных товаров колебалась на уровне 0%, а уже к концу десятилетия на КНР приходилось около 5%. При этом более 70% высокотехнологичного импорта Китая приходилось на страны Восточной Азии, большую часть которого

80 Gaulier G., Lemoine F., Ünal-Kesenci D. China's integration in East Asia: Production sharing, FDI & high-tech trade // *Economic Change and Restructuring*. – 2007. – Т. 40. – №. 1-2. – С. 27-63.

81 Ibid

82 Liu X., Wang C., Wei Y. Causal links between foreign direct investment and trade in China // *China economic review*. – 2001. – Т. 12. – №. 2. – С. 190-202.

составляли части и комплектующие для дальнейшего производства⁸³. Таким образом, развитие сотрудничества с соседями по региону стало определяющим в процессе технологического развития Китая. Но стоит отметить, что развитие собственных мощностей в Китае происходило не такими высокими темпами. К началу 2000-х гг. менее трети всего высокотехнологичного экспорта КНР приходилось на китайские компании.

Вовлечение Восточной Азии в трансграничные производственные сети увеличилось и за пределами региона. К 2000 г. доля Восточной Азии в общемировом экспорте производственных компонентов увеличилась почти до 40%.⁸⁴

В целом трансграничный раздел производства стал основой развития экономического сотрудничества между странами Восточной Азии. Строительство международных производственных сетей привело к повышению уровня взаимозависимости экономик региона. Можно говорить о том, что эта сфера экономической интеграции стала залогом подъема и сбалансированного развития для всего региона. Расширение производственных сетей и, как следствие, повышение конкурентоспособности, позволили компаниям из региона выйти на новый уровень. Удешевление производства упростило выход восточноазиатских компаний на мировой рынок.

Развитие международных производственных сетей в регионе серьезно повысило роль Восточной Азии в общемировой торговле, но это привело также и к перераспределению торговых потоков из региона. Рост поставок

83 Haddad M. Trade integration in East Asia: the Role of China and production networks. // The World Bank. – 2007. – №. 4160.

84 Athukorala P. Product fragmentation and trade patterns in East Asia // Asian Economic Papers. – 2005. – Т. 4. – №. 3. – С. 1-27.

дешевой китайской продукции на мировые рынки привел к оттеснению позиций Японии и НИС, и росту доли Китая в мировой торговле.

Сокращение роста и падение уровня промышленного производства в отдельных сферах в Японии, Южной Корее и на Тайване стало прямым следствием развития процессов переноса производства. Вследствие того, что значительная часть трудоемких технологических процессов была перенесена на зарубежные предприятия – в первую очередь Китай и страны Юго-Восточной Азии, компании стали сокращать мощности в «родных» странах. Это обстоятельство стало причиной развития общественно-политических дискуссий в странах региона. Некоторые эксперты связывали замедление сферы промышленности с возможным риском сокращения темпов экономического роста в регионе, возникновения негативных последствий для рынка рабочей силы, финансовой и налоговой сферы, деиндустриализацией и последующим развитием отрицательных социальных тенденций. Тем не менее, наиболее технологичные производства за рубеж не переносились, а развитие международной торговли и связанных с ней отраслей, привело к подъему секторов экономики, не связанных с промышленным производством. Кроме того, развитие международных производственных сетей, позволило компаниям из Восточной Азии повысить свою конкурентоспособность на мировых рынках и занять лидирующие позиции в своих отраслях.

Одновременно с этим ряд экспертов высказывали опасения, связанные с чрезмерно интенсивным развитием процессов переноса зарубежных производственных мощностей в Китай⁸⁵. Это создавало трудности для местных производителей, не обладавших опытом и технологическим потенциалом своих иностранных конкурентов, что могло привести к

85 Lemoine F., Ünal-Kesenci D. Assembly trade and technology transfer: the case of China // World development. – 2004. – Т. 32. – №. 5. – С. 829-850.

углублению технологического разрыва между Китаем и развитыми странами Азии. Разумеется, китайские производители вели собственные разработки и уже тогда внедряли инновации, однако темпы технологического прогресса в Китае серьезно уступали ведущим странам мира. Однако здесь сыграло роль наличие у КНР тех конкурентных преимуществ, которые позволили стране в короткий срок перейти к быстрому экономическому росту, а также политика правительства, стимулировавшего предпринимательскую инициативу среди граждан. С одной стороны, в условиях экономической модернизации и роста промышленности, с каждым годом в китайские города прибывало все большее число рабочих, пополнявших трудовую армию, как иностранных предприятий, так и китайских компаний. В условиях наличия большого количества дешевой рабочей силы и недостатка собственных технологических разработок, решением для китайских бизнесменов стало копирование товаров иностранных компаний. Это породило феномен знаменитых китайских подделок, надолго закрепивших за Китаем славу главного в мире источника низкокачественной продукции массового потребления. Особую роль в этом процессе сыграло несовершенство законодательства в сфере интеллектуальной собственности⁸⁶. Это обстоятельство сильно било по имиджу китайской экономической системы за рубежом и мешало развитию сотрудничества с иностранными партнерами, но этот период стал переходным этапом на пути к возникновению собственной сферы R&D в Китае. Благодаря расширению сотрудничества китайских производителей с зарубежными компаниями – зачастую крупнейшими мировыми корпорациями, лидерами в своих областях, китайские компании накапливали бесценный опыт развития производства и внедрения инноваций.

86 Bosworth D., Yang D. Intellectual property law, technology flow and licensing opportunities in the People's Republic of China // *International Business Review*. – 2000. – Т. 9. – №. 4. – С. 453-477.

Другие опасения о будущем китайской экономики также были связаны с развитием технологий. На рубеже веков некоторые эксперты выдвигали прогнозы о скором массовом внедрении производственных роботов и автоматизации производства в развитых странах, что должно было значительно снизить стоимость производства товаров благодаря сокращению количества необходимой рабочей силы⁸⁷. Это также помогло бы снизить издержки на логистические расходы, поскольку пропала бы необходимость в переносе капиталоемких производств в развивающиеся страны. Однако с ходом времени стало понятно, что таких быстрых и революционных изменений не произойдет. Внедрение промышленных роботов зачастую не оправдывало издержек, и поэтому дешевая рабочая сила Китая и других развивающихся стран на долгие годы стала главным двигателем мирового производства. А развитие международных производственных сетей осталось основой развития торгово-инвестиционных отношений в Восточной Азии.

Благодаря укреплению экономического сотрудничества доля внутрирегиональной торговли в Восточной Азии к 2000 г. превысила 52%⁸⁸. При этом большая доля этой торговли приходилась на импорт – он превысил 64% от общего объема импорта региона. Доля внутрирегионального экспорта оказалась скромнее – 45% от общего объема экспорта региона, однако это объяснялось тем, что все страны Восточной Азии были ориентированы на экспорт, значительная часть которого направлялась в развитые страны Запада. Одновременно с этим объемы торговли КНР с Южной Кореей и

87 Athukorala P. Product fragmentation and trade patterns in East Asia //Asian Economic Papers. – 2005. – Т. 4. – №. 3. – С. 1-27.

88 Athukorala P. Product fragmentation and trade patterns in East Asia //Asian Economic Papers. – 2005. – Т. 4. – №. 3. – С. 1-27.

Японией продолжали расти быстрее, чем с остальным миром⁸⁹. Одной из причин этого стало увеличение объемов импорта в КНР из Кореи и Японии, при этом рост корейского импорта значительно опережал японский. Так, первой половине 90-х гг. ежегодные темпы роста импорта из Южной Кореи в Китай в среднем превышали 60%, а из Японии – 20%⁹⁰.

Структура внутрирегионального товарооборота также подверглась изменениям, связанным с развитием трансграничных производственных сетей: в ней сократилась доля сырья, товаров текстильной и пищевой промышленности, выросла доля товаров машиностроения и электронной промышленности⁹¹

Развитию международных производственных сетей и расширению торгового сотрудничества между странами Восточной Азии способствовали растущие объемы региональных инвестиционных потоков. Настоящим магнитом для иностранных инвестиций стал Китай – это напрямую связано с увеличением объемов производства и укреплением индустриального потенциала страны, а также с целенаправленной политикой властей по привлечению иностранного капитала.

Для поддержания и расширения объемов иностранных инвестиций Китай продолжил политику создания особых экономических зон. В начале 90-х гг. Началось создание промышленных зон высокотехнологического развития, зон с особыми условиями таможенных сборов и налогообложения,

89 Chan S., Kuo C. C. Trilateral Trade Relations among China, Japan and South Korea: Challenges and Prospects of Regional Economic Integration //East Asia: An International Quarterly. – 2005. – Т. 22. – №. 1.

90 Ibid.

91 Chan S., Kuo C. C. Trilateral Trade Relations among China, Japan and South Korea: Challenges and Prospects of Regional Economic Integration //East Asia: An International Quarterly. – 2005. – Т. 22. – №. 1.

были созданы первые особые приграничные районы, «открытые» порты на реке Янцзы. Таким образом сложилась сложная система особых экономических районов, расширилась география иностранных инвестиций в стране, стал сокращаться разрыв между прибрежными и внутренними районами, но особые зоны продолжили оставаться главным получателем инвестиций в стране, на остальные районы Китая приходилось менее четверти от всего объема вложений⁹².

Благодаря такой политике и вовлечению в международные производственные сети, на протяжении 90-х гг. объемы иностранных инвестиций в китайскую экономику росли быстрыми темпами. Так, если еще в конце 80-х - начале 90-х гг. по общему объему принятых иностранных инвестиций КНР в мировом рейтинге не входила даже в десятку, то уже к середине десятилетия, Китай занимал вторую строчку в этом списке⁹³. В 1993 г. Китай стал крупнейшим получателем ПИИ среди развивающихся стран (и сохраняет эту позицию до сегодняшнего дня). В 1995 г. общий объем иностранных инвестиций в КНР превышал показатель в 5% ВВП⁹⁴. Азиатский финансовый кризис на некоторое время сократил темпы прироста ПИИ, но в дальнейшем их поток увеличивался вплоть до кризиса 2008 г.

Развитие трансграничных производственных каналов также стало причиной увеличения числа предприятий, открываемых иностранными

92 Cheng L. K., Kwan Y. K. What are the determinants of the location of foreign direct investment? The Chinese experience // Journal of international economics. – 2000. – Т. 51. – №. 2. – С. 379-400.

93 Foreign direct investment, net inflows (BoP, current US\$) [Электронный ресурс] / The World Bank Group. – 2017. URL: http://data.worldbank.org/indicator/BX.KLT.DINV.CD.WD?end=2004&start=1970&year_high_desc=true/, режим доступа: свободный, дата обращения 26.05.2017.

94 Foreign direct investment, net inflows [Электронный ресурс] / The World Bank. – 2017. URL: <http://data.worldbank.org/indicator/BX.KLT.DINV.CD.WD/>, режим доступа: свободный, дата обращения 26.05.2017.

бизнесменами. До начала девяностых годов лишь несколько процентов от общего объема инвестиций приходились на предприятия со 100% участием иностранного капитала. Однако в 90-е гг. доля таких инвестиций серьезно возросла и к середине десятилетия такие проекты составляли уже 37% от общего объема инвестиций⁹⁵.

Росли и объемы инвестиций в КНР, поступающие из соседних стран Восточной Азии. Такие инвестиции первую очередь направлялись в производственную сферу с целью сокращения издержек и повышения конкурентоспособности товаров на мировом уровне. Завоевание внутреннего китайского рынка оставалось второстепенной задачей. Это объясняет факт того, что прямые иностранные инвестиции на протяжении всех 90-х гг. составляли более 90% всех иностранных вложений в китайскую экономику. Доля портфельных инвестиций и зарубежных займов не превышала нескольких процентов⁹⁶.

В 90-е гг. более 60% всех иностранных инвестиций поступали в КНР из Восточной Азии. Однако такие показатели достигались не за счет высокой роли Японии, Южной Кореи или Тайваня, а за счет того, что источником более половины всех капиталовложений из региона являлся Гонконг⁹⁷. Как и в предыдущий период этот город занял «промежуточную» роль между Китаем и остальным миром. Гонконгские компании имели богатый опыт работы, как с китайскими, так и мировыми бизнесменами, и смогли занять важное место в цепочках производственных сетей. После перехода Гонконга под контроль КНР стала расти доля реинвестиций в КНР. Китайские бизнесмены стали использовать Гонконг как «тихую гавань» для своих

95 Pan Y. Influences on foreign equity ownership level in joint ventures in China // *Journal of International Business Studies*. – 1996. – С. 1-26.

96 Françoise L. FDI and the Opening Up of China's Economy // *Document de travail du CEPII*. – 2000. – №. 2000-11.

97 Ibid.

капиталов: доходы выводились с территории КНР в Гонконг, а после фиксации прибылей в виде инвестиций возвращались в китайскую экономику. Похожие процессы, но в меньших масштабах, развивались в Сингапуре.

Японские компании в этот период активно расширяли производственную базу в КНР. Активно создавались совместные предприятия, участие японского капитала расширялось в самых разных сферах, от электроники до обрабатывающей промышленности. На протяжении 90-х гг. Япония оставалась вторым крупнейшим источником инвестиций в КНР (После Гонконга)⁹⁸. Хотя важность внутреннего рынка Китая по-прежнему была невысокой, в этот период японские компании уделяют этому направлению все больше внимания. Вместе с ростом китайской экономики, росло и благосостояние местного населения и, как следствие, спрос на потребительские товары. В КНР начинают работу предприятия японских автогигантов, компании других специализаций все больше ориентируются на местный рынок. Замедление, вызванное крахом «экономики пузыря» не помешало выходу японского капитала в Китай, а в определенной мере даже поспособствовало этому – компании из Японии более активно включились в процессы трансграничного переноса производства.

Увеличение объема инвестиций из Южной Кореи было обусловлено не только укреплением позиций корейских компаний на международных рынках, но и с началом официального экономического сотрудничества Между Республикой Корея и Китаем. Дипломатические отношения между

98 Ali S., Guo W. Determinants of FDI in China // Journal of global business and technology. – 2005. – Т. 1. – №. 2. – С. 21-33.

двумя странами были установлены в 1992 г.⁹⁹. Тогда же южнокорейские инвестиции стали официально поступать в Китай. На протяжении 90-х гг. объемы корейского капитала, поступающего в КНР, оставались сравнительно невысокими – по этому показателю Корея отставала от Японии и Тайваня. Это объяснялось, как продолжающимся становлением крупнейших корейских компаний, так и последствиями финансового кризиса 1997-1998 гг., серьезно ударившего по корейской экономике. Однако, как и в случае с торговлей, инвестиционные потоки между Кореей и Китаем росли быстрее, чем между другими странами региона, и уже через несколько лет Республика Корея заняла место одного из главных источников инвестиций в китайскую экономику.

Правительство Тайваня в 90-е гг. продолжило постепенное ослабление ограничений для своих бизнесменов и они стали получать больше возможностей для вложения капитала в континентальный Китай. Если до начала 90-х гг., по данным тайваньской статистики в КНР поступало 0% всех зарубежных инвестиций Тайваня, то уже в 1994 этот показатель превысил 33%¹⁰⁰, а Китай стал главным получателем инвестиций с острова. В тот же период на Тайвань приходилось около 8% всех ПИИ в Китае¹⁰¹. Главной отраслью, в которую поступали инвестиции с острова, стала сфера

99 Zhonghan guangxi [Электронный ресурс] / Zhonghua renmin gongheguo zhuda hanminguo dashiguan. – 2017. URL: <http://www.chinaemb.or.kr/chn/zhgx/shuangbian/t720117.htm/>, режим доступа: свободный, дата обращения 26.05.2017.

100 Zhang K. H. Why does so much FDI from Hong Kong and Taiwan go to Mainland China? // China Economic Review. – 2005. – Т. 16. – №. 3. – С. 293-307.

101 Françoise L. FDI and the Opening Up of China's Economy // Document de travail du CEPII. – 2000. – №. 2000-11.

электроники¹⁰² – тайваньский капитал сыграл важную роль в становлении высокотехнологичного потенциала КНР.

Оставаясь крупнейшим получателем прямых иностранных инвестиций в регионе, в 90-е гг. Китай постепенно принимает на себя роль источника инвестиций, а китайские компании начинают выход на мировые рынки. Например, в 1994 г. в Соединенных Штатах открылся завод компании Fuyao Glass Industry Group – крупнейшего китайского производителя автостекла, а в том же году в США начало работу предприятие компании Wanxiang Group¹⁰³ – крупнейшего китайского производителя автомобильных запчастей. Эти вложения стали лишь началом большого «похода» китайских бизнесменов по миру, который развернулся в последующих десятилетиях. Развитие международных контактов китайского бизнеса не только помогало накапливать опыт и перенимать новые технологии, но также укрепляло вовлечение всего региона в мировую экономику. Компании из Восточной Азии расширяли свое представительство на мировых рынках, благодаря чему доля и значение региона в глобальной экономике увеличивались.

Таким образом, в 90-е гг. структура инвестиционных потоков в регионе приобретает все более сложную структуру. С одной стороны, несмотря на кризисные явления, развивавшиеся в странах Восточной Азии в разные периоды, инвестиционное сотрудничество интенсифицируется. В то же время, главную роль в системе этих отношений занимает Китай – он становится главным получателем инвестиций и занимает место главного инвестиционного партнера для всех стран региона. Взаимозависимость

102 Zhang K. H. Why does so much FDI from Hong Kong and Taiwan go to Mainland China? // China Economic Review. – 2005. – Т. 16. – №. 3. – С. 293-307.

103 Wangxiang Technical Center [Электронный ресурс] / Wangxiang America Corporation. – 2017. URL: <http://www.wanxiang.com/powrepoint.html/>, режим доступа: свободный, дата обращения 26.05.2017.

экономик региона продолжает расти, а роль Восточной Азии в движении общемировых инвестиционных потоков увеличивается.

Для защиты внутренних рынков от конкуренции зарубежных товаров, а также для поддержания роста производства все страны Восточной Азии в той или иной мере прибегали к селективной торговой политике. Это проявлялось в высоких таможенных пошлинах на определенные группы товаров с одной стороны, и стимулировании экспортоориентированных отраслей с другой. Китай с самого начала реформ придерживался такой политики, однако применялась она с учетом особенностей развития китайской экономики. Так, одновременно с установлением высоких таможенных пошлин на определенные виды товаров, продукция, ввозимая для использования в дальнейшем производстве готовых товаров (комплектующие, части и т.д.) освобождалась от пошлин, либо облагалась по сниженной ставке¹⁰⁴. Хотя на протяжении 90-х гг. китайское правительство последовательно снижало таможенные пошлины (с 1992 по 1998 гг. средняя ставка пошлины снизилась с 41% до 16.8%¹⁰⁵), такая политика стала одним из факторов подъема промышленного производства и развития новых отраслей в стране, стимулировала приток капитала из-за рубежа.

В то же время власти Китая продолжили политику девальвации национальной валюты. С 1990 г. до середины десятилетия, курс юаня понизился более чем в половину, и составлял уже более 8 юаней за доллар. В 1994 г. был установлен исторический минимум – курс юаня достиг отметки в 8,62 за доллар. Расширение масштабов международной торговли и стабильно высокие темпы роста ВВП позволили китайским властям зафиксировать курс

104 Chen B., Feng Y. Openness and trade policy in China: an industrial analysis // *China Economic Review*. – 2002. – Т. 11. – №. 4. – С. 323-341.

105 Gaulier G., Lemoine F., Ünal-Kesenci D. China's integration in East Asia: Production sharing, FDI & high-tech trade // *Economic Change and Restructuring*. – 2007. – Т. 40. – №. 1-2. – С. 27-63.

национальной валюты. Почти десятилетие – с 1997 по 2005 г. цена китайского юаня оставалась неизменной – 8,27 за доллар. Такая экономическая стратегия постоянно вызывала критику со стороны торговых партнеров Китая – это приводило к дисбалансу в торговле с КНР (страны, много экспортировавшие из Китая, имели отрицательное сальдо внешней торговли). В то же время, стабильность юаня, особенно в сравнении с валютами соседних стран, способствовала укреплению торгово-инвестиционного сотрудничества, в том числе внутри региона.

Перемены, происходившие в экономической системе региона, оказали влияние и на развитие связей между Восточной Азией и крупнейшей экономикой мира – США. В период холодной войны политика Соединенных Штатов в отношении региона определялась состоянием американо-советских отношений. Однако развал Советского Союза поменял расстановку сил, как во всем мире, так и в Восточной Азии, и старые методы продвижения интересов в регионе перестали быть актуальными. Резкая перемена международной обстановки привела к появлению целого ряда гипотез о дальнейшем развитии международных отношений – от «конца истории» до «столкновения цивилизаций». Дискуссии о формировании новой системы МО в Восточной Азии продолжаются до сих пор, однако очевидным является то, что главным фактором развития связей внутри региона и за его пределами стала экономика.

Если раньше это был один из регионов, где разворачивалась борьба между сверхдержавами, и развитие экономического сотрудничества с восточноазиатскими государствами не было первостепенной задачей для американского руководства, то в 90-е экономика вышла на первое место. Хотя в стратегическом смысле значение региона для США сокращается, (на

первое место выходит Ближний Восток¹⁰⁶), состояние сотрудничества между Восточной Азией и Соединенными Штатами постепенно становится определяющим фактором для развития всей мировой экономики.

Главным залогом укрепления контактов между двумя сторонами стало развитие все тех же трансграничных производственных сетей. Крупнейшие американские компании, будучи мировыми лидерами в своих отраслях и обладая мощнейшим технологическим потенциалом, активно включились в процессы международного переноса производства. В 90-е гг. на территории КНР уже работали производства практически всех крупных американских фирм, производственные сети развивались в сферах электроники, производства одежды и обуви, различных потребительских товаров. Благодаря развитию этих процессов, растет доля Восточной Азии в мировой торговле, увеличивается взаимозависимость экономики региона и остального мира, а процессы, развивающиеся в рамках региона, приобретают все большее значение для всего мира.

В 90-е гг. сохранился тренд на увеличение объемов региональной торговли и инвестиций, следующих за развитием экономик Восточной Азии. Продолжилось углубление взаимозависимости стран и вовлечение экономической системы региона в глобальные сети. Но главным итогом этого десятилетия наряду с построением трансграничных производственных сетей, стало начало перемещения экономического центра Восточной Азии. Затяжной кризис и феномен «потерянного десятилетия» пошатнули позиции Японии и привели к повышению доли остальных стран в региональной экономике. К концу XX в. продолжение быстрого подъема КНР было очевидным, и в новое тысячелетие Китай входил уже в статусе будущего

106 Christensen T. J. Fostering stability or creating a monster? The rise of China and US policy toward East Asia // International security. – 2006. – Т. 31. – №. 1. – С. 81-126.

лидера Восточной Азии. Эти факторы стали основой трансформации, развернувшейся в экономической системе региона в последующие годы.

ГЛАВА 3. 2000-Е ГГ. НА ПУТИ К ЛИДЕРСТВУ КИТАЯ

Став одной из основ развития интеграции в Восточной Азии, международные производственные сети продолжили быть главным катализатором развития экономики региона. Объемы торговли компонентами и полуфабрикатами между восточноазиатскими странами росли быстрее, чем торговля обычными товарами. Доля такой продукции в структуре торговли региона была выше чем в других частях мира¹⁰⁷. Фактически развитие международных производственных сетей стало специализацией Восточной Азии. Главной причиной этого стала быстрая интеграция Китая в региональные производственные цепочки.

С одной стороны трансграничный раздел производства привел к росту взаимозависимости экономик региона. К 2005 г. доля внутрирегиональной торговли составляла уже 55%¹⁰⁸ (в то же время в ЕС этот показатель был на уровне 60%, а в НАФТА 45%¹⁰⁹). С другой, став толчком к экономическому развитию и расширению торговли, рост внутрирегионального сотрудничества привел к повышению роли Восточной Азии в мировой экономике. Наряду со статусом производственной базы мирового масштаба, регион становится одним из главных центров международной торговли, важным центром развития и внедрения высоких технологий. В 2001 г. на Восточную Азию приходилось около 20% мировой товарной торговли¹¹⁰.

107 Haddad M. Trade integration in East Asia: the Role of China and production networks. – The World Bank, 2007. – №. 4160.

108 Потапов М. А. Мировой экономический кризис и Восточная Азия // Мировая экономика и международные отношения. – 2009. – №. 12. – С. 19-25.

109 Там же.

110 Moneta F., Rüffer R. Business cycle synchronisation in East Asia // Journal of Asian Economics. – 2009. – Т. 20. – №. 1. – С. 1-12.

К началу 2000-х гг. доля товаров, произведенных из компонентов и полуфабрикатов в общем объеме китайского экспорта выросла до 55%¹¹¹. Стимулами для размещения производства в КНР продолжили оставаться те же причины, что и в 90-е гг. В первую очередь это сравнительно низкие производственные издержки, позволявшие компаниям сохранять конкурентоспособность на международных рынках. Продолжила развиваться «треугольная модель» торговли, в которой Китай занимал промежуточное положение между развитыми странами Восточной Азии, Европы и Северной Америки и мировыми рынками.

В то же время, деятельность международных производственных сетей в Китае претерпевает изменения. Если в 90-е гг. и ранее Китай был почти исключительно базой дешевой рабочей силы и в страну поставлялись полуфабрикаты высокой степени готовности, то с ростом технологического потенциала КНР, международные производственные сети в стране стали приобретать более сложную структуру, а китайские предприятия стали заниматься более сложным производством.

Постепенно менялись и особенности иностранных инвестиций в китайскую экономику. Хотя относительная выгода производства на территории КНР продолжала быть основной причиной для инвестирования в Китай, по мере развития китайской экономики и роста благосостояния местного населения, все большее значение приобретает важность выхода на внутренний китайский рынок. Восточноазиатские и западные компании уделяют больше внимания этому направлению, зарубежные инвесторы наращивают вложения в предприятия, ориентированные на выпуск неэкспортной продукции. Такое развитие событий подстегнуло

111 Moneta F., Rüffer R. Business cycle synchronisation in East Asia //Journal of Asian Economics. – 2009. – Т. 20. – №. 1. – С. 1-12.

конкурентную борьбу на китайском рынке и внесло вклад в увеличение темпов роста экономики КНР в целом.

Объемы вложений в китайскую экономику росли быстрыми темпами, и уже в 2002 г. Китай получил 8% всех мировых прямых иностранных инвестиций¹¹² и стал крупнейшим в мире получателем ПИИ¹¹³. В этот период объем иностранных вложений в экономику КНР составлял около 3,5% ВВП страны¹¹⁴.

В XXI в. продолжился процесс выхода китайских инвесторов на международные рынки. При этом в новом веке объемы китайских вложений за рубежом быстро росли. Только за 4 года – с 2002 по 2006 гг. общий объем зарубежных инвестиций из Китая вырос почти в 8 раз¹¹⁵. С одной стороны это объясняется расширением международной деятельности китайских компаний, а с другой – новой политикой правительства, стимулировавшего бизнес к выходу за рубеж. В начале 2000-х гг. китайские власти выдвинули стратегию «выхода вовне», предполагавшую стимулирование выхода китайских компаний на международные рынки и продвижение иностранных инвестиций¹¹⁶. Символом «марша» китайского бизнеса на мировой рынок

112 Gaulier G., Lemoine F., Ünal-Kesenci D. China's integration in East Asia: Production sharing, FDI & high-tech trade // *Economic Change and Restructuring*. – 2007. – Т. 40. – №. 1-2. – С. 27-63.

113 Deng P. Outward investment by Chinese MNCs: Motivations and implications // *Business horizons*. – 2004. – Т. 47. – №. 3. – С. 8-16.

114 Foreign direct investment, net inflows (BoP, current US\$) [Электронный ресурс] / The World Bank Group. – 2017. URL: http://data.worldbank.org/indicator/BX.KLT.DINV.WD.GD.ZS?end=2015&start=2001&year_low_desc=true/, режим доступа: свободный, дата обращения 26.05.2017.

115 He W., Lyles M. A. China's outward foreign direct investment // *Business Horizons*. – 2008. – Т. 51. – №. 6. – С. 485-491.

116 Foreign direct investment, net outflows (BoP, current US\$) [Электронный ресурс] / The World Bank Group. – 2017. URL: <http://data.worldbank.org/indicator/BM.KLT.DINV.CD.WD/>, режим доступа: свободный, дата обращения 26.05.2017.

стало приобретение в конце 2004 г. китайской компанией Lenovo подразделения персональных компьютеров американской компании IBM – одного из лидеров технологической отрасли США и всего мира¹¹⁷. Правительство КНР играло важнейшую роль в распределении зарубежных инвестиционных и по другой причине. Крупнейшими инвесторами среди китайских компаний оставались государственные корпорации. На рубеже веков, из 500 крупнейших компаний-доноров, только 1 была частной¹¹⁸.

В отличие от своих соседей, китайские инвесторы вкладывали в другие страны региона лишь малую часть от общего объема инвестиций. С одной стороны это объясняется тем, что остальные государства Восточной Азии, достигнув высокого уровня экономического и технологического развития, перешли к экспорту технологий и переносу трудоемкого производства в страны с более выгодными условиями, одной из которых и стал Китай. Однако наличие огромного количества дешевой рабочей силы внутри страны позволяло КНР наращивать объемы производства без существенного удорожания процесса. Кроме того, к концу 90 – началу 2000-х гг. в Китае по-прежнему было мало компаний, способных внедрять свои технологии за рубежом. Другой причиной стало то, что главной сферой, в которую направлялись зарубежные инвестиции из Китая, стала добывающая промышленность. Другие направления, такие как инвестиции, в технологии, расширение международных рынков, диверсификация торговых потоков и т.д. занимали меньшую долю в структуре исходящих инвестиций из КНР¹¹⁹.

117 Lenovo to Acquire IBM Personal Computing Division [Электронный ресурс] / Lenovo. – 2004. URL: http://www.lenovo.com/news/us/en/2005/04/ibm_lenovo.html/, режим доступа: свободный, дата обращения 26.05.2017.

118 Deng P. Outward investment by Chinese MNCs: Motivations and implications // *Business horizons*. – 2004. – Т. 47. – №. 3. – С. 8-16.

119 Ibid.

В то время, как китайские инвесторы при выходе за рубеж руководствовались, прежде всего, стремлением обеспечить доступ к ресурсам или новым технологиям, инвесторы из других восточноазиатских стран вкладывали свои капиталы с целью сокращения издержек, повышения конкурентоспособности, облегчения выхода на новые рынки и расширения международной торговли. Разными были и причины для стимулирования притока инвестиций в страны.

Например, власти Южной Кореи для преодоления последствий Азиатского финансового кризиса упростили условия деятельности зарубежных бизнесменов в стране. Это привело к увеличению притока иностранных инвестиций и повышению доли участия зарубежных компаний в корейских предприятиях. Так, если в 1996 г. только 13% акций корейских компаний принадлежали иностранцам, то в 2006 г. этот показатель достиг 36%¹²⁰. Эта перемена позитивно сказалась на конкурентоспособности корейских предприятий, а расширение круга инвесторов повысило устойчивость местных компаний к негативному влиянию международных рынков. Волна приватизации, ставшей еще одним способом восстановления после кризиса, оживила конкуренцию на внутреннем рынке Кореи и заставила компании проводить более активную деятельность на внешнем направлении, в том числе и в рамках Восточной Азии.

В новом тысячелетии намечается тренд на расширение потока инвестиций внутри региона, не связанных с промышленным производством. Так, в 2000 г. японская корпорация SoftBank начала вкладывать в китайскую компанию Alibaba, которая позднее станет крупнейшим в мире игроком в сфере электронной коммерции. В тот же период созданная в 1999 г. корейская компания Naver.com активно выходит на рынки соседних стран,

120 Kim E. H., Kim W. Changes in Korean corporate governance: a response to crisis // Journal of Applied Corporate Finance. – 2008. – Т. 20. – №. 1. – С. 47-58.

открывая представительства в Японии и Китае, и постепенно становится одной из крупнейших интернет-компаний в регионе.

Но одновременно с этим сохраняются опасения о слишком медленном технологическом прогрессе в КНР, связанном с чрезмерным вовлечением страны в трансграничные производственные сети. В товарах, производимых из импортируемых частей и компонентов доля стоимости, создаваемой в КНР зачастую не превышала нескольких процентов. Низкое вовлечение китайских производителей в технологические процессы, по мнению некоторых экспертов, тормозило развитие технологий и инноваций в Китае. Постоянный приток новой рабочей силы из сельских районов поддерживал темпы экономического роста и приводил к тому, что инвестиции в R&D, как в китайских компаниях, так и на зарубежных предприятиях оставались невысокими. Это создавало риски для китайской экономики: технологическое отставание могло привести к замедлению темпов роста.

Тем не менее, технологическое отставание Китая от остальных стран региона постепенно сокращалось – местные компании, стимулируемые рынком и поддерживаемые правительством, активнее включались в разработку новых технологий. В 2004 г. КНР вошла в пятерку стран по количеству зарегистрированных за год патентов. Однако Китай по-прежнему серьезно уступал лидерам по этому направлению, как в регионе, так и в мире (в 2004 г. 130 тыс. патентных заявок в КНР против 450 тыс. в Японии).

В 2000-е гг. китайские производители постепенно отходят от простого копирования иностранных продуктов, все чаще опираясь исключительно на собственные разработки. Разумеется, копирование продолжало оставаться серьезной проблемой, но с развитием права интеллектуальной собственности в КНР, ситуация стала изменяться в лучшую сторону. Зарубежные компании все чаще преуспевали в разрешении коммерческих споров с китайскими

предприятиями¹²¹. Это оказало позитивное влияние не только на имидж Китая и его бизнес-среды, но и на статус всего региона в целом. Экономика Восточной Азии стала принимать все более однородный характер, с едиными правилами игры во всех частях региона.

Находясь под давлением своих торговых партнеров, недовольных увеличивающимся отрицательным сальдо в торговле с Китаем, а также для поддержания темпов роста внешней торговли, в 2005 г. китайские власти принимают решение о ревальвации курса юаня к американскому доллару на 2,1%¹²². В то же время, было объявлено о том, что курс юаня станет определяться исходя из его отношения к «валютной корзине», в которую вошли доллар, евро, корейская вона и японская иена. Кроме того, курс юаня стал плавающим, но лишь в пределах 0,3% от заданного курса. Хотя такой шаг был позитивно воспринят международным сообществом, многими отмечался весьма ограниченный масштаб таких изменений. В последующие годы власти КНР стали проводить последовательную политику повышения курса юаня¹²³. С одной стороны это объясняется давлением со стороны международного сообщества, с другой стремление властей страны ограничить зависимость экономики от состояния внешней торговли и поддержать рост спроса внутри страны. В результате, уже к 2010 г. курс ушел ниже отметки в 7 юаней за доллар и в дальнейшем продолжил укрепление. Такое решение китайских властей, с одной стороны, символизировало углубляющееся вовлечение КНР в глобальные процессы и рост зависимости Восточной Азии от мировых рынков, а с другой стороны,

121 Einhorn B. A dragon in R&D // Business Week Online. – 2006. – С. 1-2.

122 Iwatsubo K., Karikomi S. China's Reform on Exchange Rate System and International Trade between Japan and China // Japanese Ministry of Finance Policy Research Institute. – 2006.

123 Coudert V., Couharde C. Real Equilibrium Exchange Rate in China. Is the Renminbi Undervalued? // Exchange Rates and Macroeconomic Dynamics. – Palgrave Macmillan UK, 2008. – С. 94-112.

включение в китайскую «валютную корзину» иены и воны, показало растущую однородность самого региона.

Развитие торгово-инвестиционного сотрудничества в Восточной Азии стало катализатором углубления интеграционных процессов в регионе в XXI веке. Так, в 2004 г. в рамках форума АСЕАН+3 возникает трехсторонний саммит Китая, Японии и Республики Корея¹²⁴. Впоследствии это объединение становится независимым, и в 2008 г. проходит первый саммит лидеров трех стран. Главными предметами обсуждений в рамках совместных мероприятий стали вопросы торговли и инвестиций. В последующие годы в рамках саммита было подписано трехстороннее инвестиционное соглашение и начаты переговоры о создании зоны свободной торговли в Северо-Восточной Азии.

В 2000-е гг. расширение экономического сотрудничества продолжает позитивно влиять и на развитие китайско-тайваньских отношений. С одной стороны рост торговли и инвестиций привел к расширению контактов между двумя сторонами, с другой, благодаря этому в обществах КНР и Тайваня развивается общественная дискуссия о совместном будущем. На фоне этих процессов в 2008 г. на выборах президента Тайваня побеждает лидер партии Гоминьдан Ма Инцзю, известный своей позицией о необходимости сближения между Тайванем и материковым Китаем. В период его президентства (2008 – 2016 гг.) удалось наладить тесные контакты между властями двух сторон (а в 2015 г. состоялась его встреча с Си Цзиньпином – первая встреча лидеров КНР и Китайской республики после окончания гражданской войны).

124 TCS Overview [Электронный ресурс] / Trilateral Cooperation Secretariat. – 2017. URL: <http://www.tcs-asia.org/en/tcs/overview.php/>, режим доступа: свободный, дата обращения 26.05.2017.

Однако, несмотря на углубление политического и экономического сотрудничества, регион во многом оставался разобщенным. Это проявлялось например, в совершенно разных подходах к формированию обменного курса валют и регулированию монетарной политики. Кроме того, несмотря на движение к отмене барьеров во внутрирегиональной торговле, работу особых экономических зон и работу по привлечению иностранных инвестиций, в 2000-е годы экономическая политика всех стран в Восточной Азии во многом оставалась протекционистской. Хотя по сравнению с прошлыми десятилетиями подобные методы постепенно отходят на второй план (сокращаются таможенные пошлины, упрощаются условия работы для иностранных бизнесменов и т.д.) протекционизм остается простым способом поддержки местных производителей и сохранения стабильности на внутреннем рынке. Следствием той же политики является то, что, несмотря на увеличение торговых и инвестиционных потоков, движение капиталов между странами остается ограниченным. Так, доля внутрирегиональных портфельных инвестиций в середине десятилетия не достигала даже 10%¹²⁵. Это подтверждало существование серьезных барьеров для движения капиталов в регионе. Финансовая интеграция развивалась медленно, это создавало препятствия для дальнейшего расширения сотрудничества между странами. Таким образом, несмотря на позитивную динамику интеграционных процессов в регионе, экономическая синхронизация, как процесс движения к единому экономическому пространству, происходит медленно. Несмотря на тесную связь, развитие экономических процессов в каждой из стран во многом оставалось независимым.

Важен тот факт, что хотя большинство государств Восточной Азии в 2000-е гг. уже являлись высокоразвитыми странами с постиндустриальной

125 Kawai M. Toward a regional exchange rate regime in East Asia // Pacific Economic Review. – 2008. – Т. 13. – №. 1. – С. 83-103.

экономикой, КНР оставалась развивающейся страной, даже несмотря на объемы ВПП и темпы роста экономики. По показателю ВВП на душу населения, который является одним из основных для определения благосостояния населения, Китай серьезно отставал (и продолжает отставать) от всех развитых экономик. Кроме того, Китай оставался страной, где развивался «социализм с китайской спецификой». Это накладывало особенности на развитие регионального бизнеса и экономической системы в целом – те принципы и правила, которые действовали на западе и в других капиталистических странах, в Китае и Восточной Азии работали иначе.

В течение нескольких десятилетий главным залогом роста восточноазиатских стран являлось построение экономики, ориентированной на внешний рынок. Интеграция в международные производственные сети закрепила за регионом роль одного из главных мировых центров производства и международной торговли. Однако в то же время это привело к росту зависимости благосостояния местных стран от положения экономик Запада. Мотор экономического сотрудничества в Восточной Азии – торговля промежуточными продуктами, компонентами и деталями оказались привязаны к состоянию международных рынков и уровню спроса в развитых странах Запада. Да и в целом, к началу XXI в. уровень взаимозависимости в мировой экономике вырос по сравнению с прошлыми десятилетиями. Снижение спроса на товары восточноазиатских компаний на мировом рынке наносило ущерб не только самим компаниям, но и сложным производственным цепочкам в регионе. Это обстоятельство является ключевым для понимания того, как повлиял на экономику Восточной Азии мировой финансовый кризис 2008 г.

Начавшись с ипотечного кризиса в США и краха американского банка Lehman Brothers, финансовый кризис затронул практически все страны мира и стал самым масштабным экономическим потрясением со времен Второй мировой войны. В 2009 г. мировой ВВП впервые за послевоенные годы

показал отрицательный рост¹²⁶, мировая торговля сократилась более чем на 10%¹²⁷. Итогом кризиса стало ослабление среднего класса в развитых странах, рост безработицы и увеличение имущественного расслоения населения, как на уровне отдельных стран, так и в общемировом масштабе¹²⁸. Последствия кризиса остаются ощутимыми даже почти десятилетие спустя его начала.

Больше остальных от кризиса пострадала Япония. Хотя на его заре многие эксперты считали, что Япония не подвергнется серьезному влиянию финансовых неурядиц в США и Европе¹²⁹, Япония стала единственной из развитых стран, где экономика в 2008 г. показала отрицательный рост, а в 2009 г. ее падение опередило показатели других крупнейших экономик. Вслед за развитием кризисных явлений в финансовом и банковском секторах, показатели промышленного производства в Японии упали до уровня десятилетней давности, резко сократился экспорт из страны. Падение торговли в сопоставимых масштабах произошло по всем направлениям – экспорт одинаково сократился и в страны Европы и Америки, и в страны Восточной Азии. Сгладить удар от кризиса не помогло здоровое состояние сферы финансов – к началу кризиса Япония находилась на втором месте в мире по объему золотовалютных резервов¹³⁰, также Япония не слишком

126 GDP (current US\$) [Электронный ресурс] / The World Bank Group. – 2017. URL: <http://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.CD/>, режим доступа: свободный, дата обращения 26.05.2017.

127 Milesi-Ferretti G. M., Tille C. The great retrenchment: international capital flows during the global financial crisis // *Economic Policy*. – 2011. – Т. 26. – №. 66. – С. 289-346.

128 I Milesi-Ferretti G. M., Tille C. The great retrenchment: international capital flows during the global financial crisis // *Economic Policy*. – 2011. – Т. 26. – №. 66. – С. 289-346.

129 Kawai M., Takagi S. Why was Japan hit so hard by the global financial crisis? // *The Impact of the Economic Crisis on East Asia: Policy Responses from Four Economies*. – 2011. – С. 131-48.

130 Total reserves (includes gold, current US\$) [Электронный ресурс] / The World Bank Group. – 2017. URL:

пострадала от краха американского ипотечного рынка и кризиса банковского сектора в США. Главной причиной такого падения стала особенность японского экспорта – его основную массу составляли дорогостоящие промышленные товары, величина спроса на которые сильно зависит от благосостояния стран-импортеров. За годы, последовавшие за крахом «экономики мыльного пузыря, и периодом «потерянного десятилетия» в структуре японского производства выросла доля высокотехнологичных компонентов и полуфабрикатов. Это объясняется глубоким вовлечением Японии в трансграничные производственные сети. Падение спроса в развитых странах на товары японских компаний, связанное с общей стагнацией экономик, негативным образом сказалось на японском промышленном производстве. Но главным итогом кризиса для Японии стала потеря статуса крупнейшей азиатской экономики. Из-за сокращения ВВП, к 2010 г. Япония уступила Китаю по этому показателю и стала второй экономикой Восточной Азии и третьей в мире.

Однако кризис негативно повлиял и на развитие китайской экономики. До начала кризиса КНР показывала феноменальные темпы роста. В 2007 г. ВВП Китая в пятый раз подряд вырос более чем на 10% за год, и в том же году рост был самым высоким с середины 80-х гг. – 14.2%¹³¹. Это было связано с увеличивающимся притоком иностранных инвестиций, более глубоким вовлечением в мировую торговлю и международные производственные сети, расширением внутреннего рынка КНР. В 2006 г. Китай вышел на первое место в мире по объему золотовалютных запасов,

http://data.worldbank.org/indicator/FI.RES.TOTL.CD?end=2010&start=2007&year_low_desc=true/,
режим доступа: свободный, дата обращения 26.05.2017.

131 GDP growth (annual %) (includes gold, current US\$) [Электронный ресурс] / The World Bank Group. – 2017. URL: <http://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.KD.ZG?locations=CN/>,
режим доступа: свободный, дата обращения 26.05.2017.

обогнав Японию¹³². А годом позже КНР обошла США в списке крупнейших экспортеров мира¹³³.

Однако благосостояние также Китая во многом зависело от уровня спроса на мировых рынках на продукцию, производимую в стране. Рецессия на Западе и сокращение спроса прямым образом повлияли на динамику развития экономики КНР. Значительное число предприятий, ориентированных на выпуск продукции на экспорт, были вынуждены сократить производство, а некоторым пришлось закрыться. Резко вырос уровень безработицы¹³⁴ (по оценкам, из-за кризиса без работы оказались более 20 млн. человек), объем экспорта КНР за первый квартал 2009 в годовом выражении упал почти на треть. В 2009 г. резко сократился объем промышленного производства. Темпы роста ВВП в 2009 г. сократились почти на 5%, а в последующие годы этот показатель не смог приблизиться к значениям 2007 г.¹³⁵ По понятным причинам упал объем иностранных инвестиций, поступающих в китайскую экономику. Объем золотовалютных резервов в четвертом квартале 2008 года сократился впервые за многие годы (хотя по итогам года этот показатель вырос почти на треть). На китайском рынке недвижимости стали проявляться признаки приближающегося краха «пузыря».

132 Total reserves (includes gold, current US\$) [Электронный ресурс] / The World Bank Group. – 2017. URL:

http://data.worldbank.org/indicator/FI.RES.TOTL.CD?end=2010&start=2007&year_low_desc=true/, режим доступа: свободный, дата обращения 26.05.2017.

133 Morrison W. M. China and the global financial crisis: implications for the United States // Journal of Current Issues in Finance, Business and Economics. – 2011. – Т. 4. – №. 1/2. – С. 151.

134 China's unemployment level 'critical' [Электронный ресурс] / ABC News. – 2008. URL: <http://www.abc.net.au/news/2008-11-20/chinas-unemployment-level-critical/213096/>, режим доступа: свободный, дата обращения 26.05.2017.

135 Потапов М. А. Мировой экономический кризис и Восточная Азия // Мировая экономика и междунар. отношения. – 2009. – №. 12. – С. 19-25.

Однако все эти симптомы проявлялись непродолжительное время – основной удар пришелся на последние месяцы 2008 г. и первые месяцы 2009 г., и последствия кризиса для китайской экономики оказались не такими серьезными, как для Японии или стран Запада. А в определенном смысле кризис даже оказал позитивное влияние на развитие страны и ее положение в мировой экономике. Фактически именно во время этого кризиса Китай заявил о себе, как о державе мирового масштаба. В 2009 г. председатель Госсовета КНР Вэнь Цзябао в своем выступлении заявил, что поддержание стабильного роста Китая должно стать важнейшим вкладом страны в стабилизацию мировой экономики¹³⁶. Для того чтобы сгладить последствия экономического спада, китайское правительство выделило \$586 млрд., которые были направлены на реализацию инфраструктурных проектов и поддержку предпринимателей. За период до начала кризиса Китай занял место крупнейшего держателя американских ценных бумаг, а во время кризиса укрепил позиции на этом направлении.

Южной Корее, посредством масштабных реформ удалось довольно быстро преодолеть последствия Азиатского финансового кризиса 1997-1998 гг. и перейти к сравнительно высоким темпам экономического роста. С 2001 по 2007 гг. корейская экономика росла в среднем на 4,5% ежегодно. Залогом этого роста стало развитие внутреннего рынка и активная интеграция корейских компаний в трансграничные производственные сети в Восточной Азии и по всему миру. Страна показывала позитивную динамику и по другим экономическим показателям, в частности объем золотовалютных резервов с 2000 по 2007 гг. увеличился почти в три раза. Однако новый кризис серьезно ударил по корейской экономике. Резко сократились темпы

136 Morrison W. M. China and the global financial crisis: implications for the United States // Journal of Current Issues in Finance, Business and Economics. – 2011. – Т. 4. – №. 1/2. – С. 151.

экономического роста, в 2009 г. он составил менее 1%¹³⁷, упали объемы промышленного производства, приток инвестиций. Причины такого падения были схожими с японскими – высокая вовлеченность страны в международные производственные сети и зависимость от уровня спроса в развитых странах.

Экономика Тайваня серьезно пострадала от кризиса. И Тайвань также разделил участь других стран региона – будучи крайне зависимой от экспорта, тайваньская экономика столкнулась с серьезными трудностями в условиях падения спроса на промышленные товары в развитых странах. В относительных показателях экономика острова пострадала больше других стран региона. Так, в 2009 г. ВВП Тайваня сократился почти на 5%¹³⁸. Одним из результатов развития кризиса для Тайваня стало укрепление экономических связей с КНР: в условиях нестабильности на мировых рынках, торговля с континентальным Китаем стала играть все более важную роль для острова.

Восточная Азия оказалась лучше подготовленной к кризису, чем 10 лет назад, но последствий глобального кризиса избежать не удалось. В целом, кризис показал высочайший уровень вовлеченность Восточной Азии в глобальные экономические процессы – из-за высокой роли экспорта для стран региона, они оказались очень зависимы от уровня спроса в развитых странах. Итогом кризиса стало то, что Китай стал главной экономической державой региона. Это событие стало закономерным исходом процессов, развивавшихся почти 30 лет.

137 GDP growth (annual %) (includes gold, current US\$) [Электронный ресурс] / The World Bank Group. – 2017. URL: <http://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.KD.ZG?locations=KR/>, режим доступа: свободный, дата обращения 26.05.2017.

138 Taiwan GDP Growth Rate [Электронный ресурс] / Trading Economics. – 2017. URL: <http://www.tradingeconomics.com/taiwan/gdp-growth/>, режим доступа: свободный, дата обращения 26.05.2017.

Мировой финансовый кризис показал устойчивость восточноазиатских к современным экономическим реалиям. Экономике региона восстановились от последствий кризиса значительно быстрее, чем их западные партнеры и конкуренты. В определенной степени кризис стал полезным и открыл новые возможности для развития: снизилось влияние внешних факторов, вырос потенциал внутренних рынков. Результатом преодоления кризиса стало еще большее укрепление позиций Восточной Азии как одного из важнейших экономических центров мира. В то же время, кризис обнаружил новую тенденцию – мировые рынки стали более зависимы от положения Восточной Азии в целом и Китая в частности. Сокращение темпов промышленного производства в Китае вело к снижению мировых цен на сырье, в том числе на нефть и продукцию металлургии. Это обстоятельство оказывало серьезное влияние на мировые рынки и на экономики целых стран, зависевших от экспорта того или иного вида сырья.

Для Соединенных Штатов, более остальных пострадавших от кризиса, на протяжении 2000-х гг. главной проблемой развития экономического сотрудничества с Восточной Азией становится растущий дефицит торговли. Проблема переноса производственных мощностей в Китае и связанного с этим сокращения промышленного производства в США становится вопросом внутренней политики Соединенных Штатов. С этой проблемой так же связаны обвинения Китая со стороны США в занижении курса национальной валюты. Кроме того, в 2000-е гг. КНР стала крупнейшим держателем американских ценных бумаг. Это связано с тем, что будучи экономикой, основной доход которой зависит от экспорта, Китай стремился зафиксировать прибыль от международной торговли в золотовалютных резервах.

Вовлечение американских компаний в производственные сети в Восточной Азии в целом был схоже с тем, как те же процессы развивались внутри региона. Главным стимулом для фирм из США при размещении

производства в КНР оставалось сокращение производственных издержек, а не, например выход на внутренний рынок Китая или сокращение транспортных расходов. При этом, одновременно с ростом китайского среднего класса внутренний рынок Китая постепенно стал занимать более важную роль для американского бизнеса. Но в 2000-е гг. наметились новые особенности вовлечения американского капитала в региональную экономику. В то время как, среди инвесторов в Китай из восточноазиатских стран преобладали крупные компании, открывавшие в стране собственные представительства, либо создававшие совместные предприятия, то среди инвесторов из США росла доля средних и мелких предприятий, которые полагались на китайских производителей, поручая заказы местным предприятиям, в том числе таким же средним и мелким компаниям. Этот фактор оказал позитивное влияние на развитие производственной инфраструктуры в КНР и конкурентной борьбы среди китайских производителей.

К концу 2000-х гг. американские власти обращают больше внимания на перемены, происходящие в Восточной Азии в условиях быстрого подъема Китая. С началом президентства Барака Обамы в 2009 г., в США выдвигается стратегия «поворота в Азию»¹³⁹. В рамках этого курса Соединенные Штаты с одной стороны стремились расширить контакты с КНР, но с другой, развивали сотрудничество с другими странами региона, направленное на сдерживание «нового» Китая. Такой подход серьезно отличался от старой американской политики в регионе, но главной его особенностью стало то, что КНР впервые заняла место главного центра Восточной Азии для американцев.

139 Ikenberry G. J. From hegemony to the balance of power: the rise of China and American grand strategy in East Asia // Korean Unification Studies. – 2014. – С. 41-63.

С окончанием мирового финансового кризиса «трансформация» восточноазиатского региона обретает форму. Становится очевидной глубочайшая интеграция региональной экономической системы в глобальные процессы. Составляя более пятой части мировой экономики, Восточная Азия фактически выступает в качестве ее системообразующей единицы. Процессы, развивавшиеся на протяжении предыдущих 20 лет, приводят к закономерному результату: в регионе меняется экономический лидер. На смену Японии, более полувека выступавшей локомотивом восточноазиатской экономики, приходит Китай. Начинается новая эпоха развития региона, но вместе с ней преобразование экономической системы Восточной Азии продолжается.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Сегодня проблемы экономического развития Восточной Азии привлекают внимание все большего числа исследователей. С одной стороны это объясняется растущей ролью Восточной Азии в мировой экономике, с другой – продолжающимся подъемом Китая. Стремительный взлет региональной экономики и ее становление в качестве одного из главных мировых центров произошло не благодаря успехам какой-то отдельной страны. Экономика Японии не смогла бы достичь тех высот, которые она имела к началу 90-х без экономической помощи США и реформ, проведенных под американским контролем. Южной Корее и Тайваню пришлось бы пройти более сложный путь без технологической и инвестиционной поддержки со стороны Японии. «Китайское экономическое чудо» обязано своим появлением не только дальновидной политике Дэн Сяопина, но и своим соседям, которые сначала своим примером показали путь, по которому может пойти Китай, а затем стали главными торгово-инвестиционными партнерами КНР, внесли важнейший вклад в развитие трансграничных производственных сетей на территории страны. Все это позволяет нам говорить о Восточной Азии, как о едином пространстве, связанном не только культурными и историческими контактами, но и тесными экономическими отношениями.

Процесс трансформации, развернувшийся в регионе в период с конца 1980-х по 2000-е гг., был напрямую связан с растущей мощностью экономики КНР. Увеличение потенциала Китая привело не только к смене экономического центра на Дальнем Востоке, но и к перераспределению сил на пространстве всего Азиатско-Тихоокеанского региона. Восточная Азия стала частью глобальной экономической системы, как цельная единица, а не как группа стран, развивающихся независимо друг от друга. Регион обрел новую роль в глобальной системе международных отношений. Кроме того,

экономическая система Восточной Азии обрела современную форму, центральное место в которой заняли трансграничные производственные сети.

Изучение опыта экономического развития Восточной Азии представляется важной задачей для российского бизнеса и политического руководства разного уровня. Сегодня КНР – главный торговый партнер России, развиваются торгово-инвестиционные отношения с Японией и Южной Кореей, несмотря на сложности, не стоит на месте экономическое сотрудничество с Тайванем. Понимание процессов, развивающихся в экономической системе региона, особенностей двусторонних и многосторонних отношений между восточноазиатскими странами, является важным фактором при построении российской внешней политики и продвижении отечественного бизнеса в регионе. Учитывая огромный потенциал данного направления для России, опора на опыт внутрирегионального развития и понимание особенностей трансформации восточноазиатской экономической системы является критическим для эффективного продвижения российских интересов в регионе.

В рамках данной работы был рассмотрен исторический контекст развития региона, описаны особенности развития процессов модернизации на пространстве Восточной Азии, охарактеризовано состояние экономики региона к началу 1990-х гг. Был проведен анализ изменений в экономической системе региона в период с 1990 по 2010 гг., в том числе охарактеризованы последствия экономических кризисов, оказавших влияние на развитие региональной экономики, рассмотрен процесс развития производственных сетей в Восточной Азии, определена роль КНР в этих процессах. Были описаны новые принципы, определившие развитие экономических связей в регионе, рассмотрены обстоятельства развития интеграционных процессов на пространстве Восточной Азии и изменения роли региона в мировой экономике. Сделаны выводы об итогах преобразований в экономической системе региона в 1990-е и 2000-е гг.

Так как общая тематика настоящего исследования является очень обширной, проблематику данного направления нельзя считать исчерпанной. По-прежнему сохраняется большое число вызовов для исследователей, а растущий временной промежуток с конца изучаемого периода дает новые возможности для проработки малоизученных обстоятельств трансформации экономической системы региона и более глубокого анализа событий и процессов, развивавшихся в Восточной Азии на рубеже XX и XXI в. Данная работа может использоваться в качестве базы для дальнейших исследований по представленной тематике.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Источники:

1. Почему гегемония доллара выгодна Китаю [Электронный ресурс] / Московский Центр Карнеги. – 2016. URL: <http://carnegie.ru/2016/09/15/rub-64477/>, режим доступа: свободный, дата обращения 06.06.2017.
2. РСМД [Электронный ресурс] / Российский совет по международным делам. – 2017. URL: <http://russiancouncil.ru/>, режим доступа: свободный, дата обращения 26.05.2017.
3. Чжунхань гуаньси [Электронный ресурс] / Чжунхуа жэньминь гунхэго чжуда ханьминьго дашигуань. – 2017. URL: <http://www.chinaemb.or.kr/chn/zhgx/shuangbian/t720117.htm/>, режим доступа: свободный, дата обращения 26.05.2017.
4. Asian Development Bank [Электронный ресурс] / ADB. – 2017. URL: <https://www.adb.org/>, режим доступа: свободный, дата обращения 26.05.2017.
5. China's Decisive Role in the Asian Financial Crisis [Электронный ресурс] / Boston University. – 1998. URL: <https://www.bu.edu/globalbeat/pubs/ib24.html/>, режим доступа: свободный, дата обращения 26.05.2017.
6. China's unemployment level 'critical' [Электронный ресурс] / ABC News. – 2008. URL: <http://www.abc.net.au/news/2008-11-20/chinas-unemployment-level-critical/213096/>, режим доступа: свободный, дата обращения 26.05.2017.
7. Chinese Yuan 1981-2017 Data [Электронный ресурс] / Trading Economics. – 2017. URL: <https://tradingeconomics.com/china/currency/>, режим доступа: свободный, дата обращения 26.05.2017.
8. Foreign direct investment, net inflows (BoP, current US\$) [Электронный ресурс] / The World Bank Group. – 2017. URL:

- http://data.worldbank.org/indicator/BX.KLT.DINV.WD.GD.ZS?end=2015&start=2001&year_low_desc=true/, режим доступа: свободный, дата обращения 26.05.2017.
9. Foreign direct investment, net outflows (BoP, current US\$) [Электронный ресурс] / The World Bank Group. – 2017. URL: <http://data.worldbank.org/indicator/BM.KLT.DINV.CD.WD/>, режим доступа: свободный, дата обращения 26.05.2017.
 10. GDP (current US\$) [Электронный ресурс] / The World Bank Group. – 2017. URL: <http://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.CD/>, режим доступа: свободный, дата обращения 26.05.2017.
 11. GDP growth (annual %) (includes gold, current US\$) [Электронный ресурс] / The World Bank Group. – 2017. URL: <http://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.KD.ZG?locations=CN/>, режим доступа: свободный, дата обращения 26.05.2017.
 12. International Edition [Электронный ресурс] / South China Morning Post. – 2017. URL: <http://www.scmp.com/>, режим доступа: свободный, дата обращения 26.05.2017.
 13. Japanese scrap \$2 billion stake in Rockefeller [Электронный ресурс] / The New York Times. – 1995. URL: <http://www.nytimes.com/1995/09/12/business/japanese-scrap-2-billion-stake-in-rockefeller.html?pagewanted=all&mcubz=0/>, режим доступа: свободный, дата обращения 26.05.2017.
 14. Japanese Yen 1972-2017 [Электронный ресурс] / Trading Economics. – 2017. URL: <https://tradingeconomics.com/japan/currency/>, режим доступа: свободный, дата обращения 01.06.2017.
 15. Joint Communique of the Government of Japan and the Government of the People's Republic of China [Электронный ресурс] / Ministry of Foreign Affairs of Japan. – 2017. URL: <http://www.mofa.go.jp/region/asia-paci/china/joint72.html/>, режим доступа: свободный, дата обращения 26.05.2017.

16. Korea International Trade Association [Электронный ресурс] /KITA.org. – 2017. URL: <http://www.kita.org/>, режим доступа: свободный, дата обращения 26.05.2017.
17. Lenovo to Acquire IBM Personal Computing Division [Электронный ресурс] / Lenovo. – 2004. URL: http://www.lenovo.com/news/us/en/2005/04/ibm_lenovo.html/, режим доступа: свободный, дата обращения 26.05.2017.
18. Ministry of Commerce People's Republic of China [Электронный ресурс] / Ministry of Commerce, PRC. – 2017. URL: <http://english.mofcom.gov.cn/>, режим доступа: свободный, дата обращения 26.05.2017.
19. Ministry of Finance Japan [Электронный ресурс] / Ministry of Finance Japan. – 2017. URL: <http://www.mof.go.jp/english/>, режим доступа: свободный, дата обращения 26.05.2017.
20. Mutual Defense Treaty Between the United States and the Republic of Korea [Электронный ресурс] / Lillian Goldman Law Library. – 2017. URL: http://avalon.law.yale.edu/20th_century/kor001.asp/, режим доступа: свободный, дата обращения 26.05.2017.
21. Mutual Defense Treaty between the United States of America and the Republic of China [Электронный ресурс] / Taiwan Documents Project. – 2017. URL: <http://www.taiwandocuments.org/mutual01.htm/>, режим доступа: свободный, дата обращения 26.05.2017.
22. Population, total [Электронный ресурс] / The World Bank. – 2017. URL: <http://data.worldbank.org/indicator/SP.POP.TOTL?locations=CN/>, режим доступа: свободный, дата обращения 26.05.2017.
23. South Korean Won 1981-2017 Data [Электронный ресурс] / Trading Economics. – 2017. URL: <http://www.tradingeconomics.com/south-korea/currency>, режим доступа: свободный, дата обращения 26.05.2017.
24. Subregional Office for East and North-East Asia [Электронный ресурс] / United Nations ESCAP – 2017. URL: <http://www.unescap.org/subregional->

- office/east-north-east-asia, режим доступа: свободный, дата обращения 26.05.2017.
25. Taiwan GDP Growth Rate [Электронный ресурс] / Trading Economics. – 2017. URL: <http://www.tradingeconomics.com/taiwan/gdp-growth/>, режим доступа: свободный, дата обращения 26.05.2017.
26. Taiwan Relations Act [Электронный ресурс] / American Institute in Taiwan. – 2017. URL: <http://www.ait.org.tw/en/taiwan-relations-act.html/>, режим доступа: свободный, дата обращения 26.05.2017.
27. Taiwanese Dollar 1979-2017 Data [Электронный ресурс] / Trading Economics. – 2017. URL: <http://www.tradingeconomics.com/taiwan/currency/>, режим доступа: свободный, дата обращения 26.05.2017.
28. The death of Daewoo [Электронный ресурс] / The Economist. – 1999. URL: <http://www.economist.com/node/233562/>, режим доступа: свободный, дата обращения 26.05.2017.
29. Total reserves (includes gold, current US\$) [Электронный ресурс] / The World Bank Group. – 2017. URL: http://data.worldbank.org/indicator/FI.RES.TOTL.CD?end=2010&start=2007&year_low_desc=true/, режим доступа: свободный, дата обращения 26.05.2017.
30. Wangxiang Technical Center [Электронный ресурс] / Wangxiang America Corporation. – 2017. URL: <http://www.wanxiang.com/powrepoint.html/>, режим доступа: свободный, дата обращения 26.05.2017.

Литература:

1. Воскресенский А. Д. Китай в контексте глобального лидерства // Международные процессы. – 2004. – Т. 2. – №. 5. – С. 21-33.
2. Гельбрас В. Г. 30 лет реформ открытости Китая // Общественные науки и современность. – 2009. – №. 3. – С. 109-117.
3. Забровская Л. В. Япония в борьбе за сохранение мирного характера конституции // Россия и АТР. – 2008. – №. 3.

4. Иващенко А. С. Причины динамичного развития экономики новых индустриальных стран Юго-Восточной Азии (60-е гг.. XX в.- начало XXI в.) // *Голос минувшего. Кубанский исторический журнал.* – 2013. – Т. 3. – С. 38-52.
5. Каримуллина А. В. Современные западные интерпретации особенностей экономического развития новых индустриальных стран Азии // *Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития.* – 2011. – №. 16.
6. Костюнина Г. М. Регионализация Восточной Азии: истоки и основные модели // *Вестник МГИМО Университета.* – 2011. – №. 1.
7. Михеев В. В. Роль Китая в глобализующемся мире // *Отечественные записки.* – 2008. – №. 3. – С. 63-78.
8. Островский А. В. Современная экономика КНР: проблемы, угрозы, перспективы // *ЭКО.* – 2008. – №. 8. – С. 101-110.
9. Перминова В. А. «Японский фактор» модернизации Тайваня // *Проблемы Дальнего Востока.* – 2015. – №. 6. – С. 64-70.
10. Петровский В. Е. О перспективах трехстороннего диалога «Китай-США-Россия» // *Китай в мировой и региональной политике. История и современность.* – 2013. – №. 18. – С. 72-83.
11. Потапов М. А. Мировой экономический кризис и Восточная Азия // *Мировая экономика и международные отношения.* – 2009. – №. 12. – С. 19-25.
12. Тимофеев О. А. Российско-китайские отношения на современном этапе и перспективы их развития // *Вестн. Амурск. гос. ун-та. Сер.: гуманитар. науки.* – 2014. – №. 64. – С. 57-61.
13. Трифонов В. И. Ситуация в Азиатско-Тихоокеанском регионе: столкновение линий на сотрудничество и на противоборство // *Китай в мировой и региональной политике. История и современность.* – 2012. – Т. 17. – №. 17.

14. Цветкова Н. Н. ТНК в странах Востока: прямые иностранные инвестиции и глобальные производственные сети // Восточная аналитика. – 2012. – №. 3.
15. Линь Ифу, Жэнь Жоэнь. Дун'я цзинци цэнчжан моши сянгунь чжэнлунь дэ цайшэнь таньтао // Цзинци яньцзю . – 2007. – Т. 8. – №. 1. – С. 4-13.
16. Чжоу Фанинь. Чжунго цзюэци, дун'я гэцзюй бяньцянь юй дун'я чжисюй дэ фачжань фансян // Дандай ятай.– 2012. – №. 5. – С. 4-32.
17. Ali S., Guo W. Determinants of FDI in China // Journal of global business and technology. – 2005. – Т. 1. – №. 2. – С. 21-33.
18. An C. China's Special Economic Zones and Coastal Port Cities: Their Development and Legal Framework // The Voice from China. – Springer Berlin Heidelberg. – 2013. – С. 483-546.
19. Athukorala P. Product fragmentation and trade patterns in East Asia //Asian Economic Papers. – 2005. – Т. 4. – №. 3. – С. 1-27.
20. Beeson M. Regionalism and globalization in East Asia: politics, security and economic development. – Routledge. – 2014.
21. Bosworth D., Yang D. Intellectual property law, technology flow and licensing opportunities in the People's Republic of China // International Business Review. – 2000. – Т. 9. – №. 4. – С. 453-477.
22. Chan S., Kuo C. C. Trilateral Trade Relations among China, Japan and South Korea: Challenges and Prospects of Regional Economic Integration //East Asia: An International Quarterly. – 2005. – Т. 22. – №. 1.
23. Chen B., Feng Y. Openness and trade policy in China: an industrial analysis // China Economic Review. – 2002. – Т. 11. – №. 4. – С. 323-341.
24. Cheng L. K., Kwan Y. K. What are the determinants of the location of foreign direct investment? The Chinese experience // Journal of international economics. – 2000. – Т. 51. – №. 2. – С. 379-400.

25. Chow P. C. Y. (ed.). Taiwan in the global economy: From an agrarian economy to an exporter of high-tech products. // Greenwood Publishing Group. – 2002. – C. 60
26. Christensen T. J. Fostering stability or creating a monster? The rise of China and US policy toward East Asia // International security. – 2006. – T. 31. – №. 1. – C. 81-126.
27. Corsetti G., Pesenti P., Roubini N. What caused the Asian currency and financial crisis? // Japan and the world economy. – 1999. – T. 11. – №. 3. – C. 305-373.
28. Coudert V., Couharde C. Real Equilibrium Exchange Rate in China. Is the Renminbi Undervalued? // Exchange Rates and Macroeconomic Dynamics. – Palgrave Macmillan UK, 2008. – C. 94-112.
29. Deng P. Outward investment by Chinese MNCs: Motivations and implications // Business horizons. – 2004. – T. 47. – №. 3. – C. 8-16.
30. Duus P. (ed.). The Cambridge history of Japan: The twentieth century. // Cambridge University Press. – 1989.
31. Einhorn B. A dragon in R&D // Business Week Online. – 2006. – C. 1-2.
32. Fang Z., Xiao G. China in the Context of the Asian Financial Crisis // China Review. – 1999. – C. 165 178.
33. Françoise L. FDI and the Opening Up of China's Economy // Document de travail du CEPII. – 2000. – №. 2000-11.
34. Gaulier G., Lemoine F., Ünal-Kesenci D. China's integration in East Asia: Production sharing, FDI & high-tech trade //Economic Change and Restructuring. – 2007. – T. 40. – №. 1-2. – C. 27-63.
35. Gold T. B. The Taiwan-China Connection: Democracy and Development Across the Taiwan Straits //Political Science Quarterly. – 1997. – T. 112. – №. 3. – C. 515-517.
36. Haddad M. Trade integration in East Asia: the Role of China and production networks. // The World Bank. – 2007. – №. 4160.

37. Hayashi F., Prescott E. C. The 1990s in Japan: A lost decade // *Review of Economic Dynamics*. – 2002. – T. 5. – №. 1. – C. 206-235.
38. He W., Lyles M. A. China's outward foreign direct investment // *Business Horizons*. – 2008. – T. 51. – №. 6. – C. 485-491.
39. Milesi-Ferretti G. M., Tille C. The great retrenchment: international capital flows during the global financial crisis // *Economic Policy*. – 2011. – T. 26. – №. 66. – C. 289-346.
40. Ikenberry G. J. From hegemony to the balance of power: the rise of China and American grand strategy in East Asia // *Korean Unification Studies*. – 2014. – C. 41.
41. Iwatsubo K., Karikomi S. China's Reform on Exchange Rate System and International Trade between Japan and China // *Japanese Ministry of Finance Policy Research Institute*. – 2006.
42. Kawai M. Toward a regional exchange rate regime in East Asia // *Pacific Economic Review*. – 2008. – T. 13. – №. 1. – C. 83-103.
43. Kawai M., Takagi S. Why was Japan hit so hard by the global financial crisis? // *The Impact of the Economic Crisis on East Asia: Policy Responses from Four Economies*. – 2011. – C. 131-48.
44. Kim E. H., Kim W. Changes in Korean corporate governance: a response to crisis // *Journal of Applied Corporate Finance*. – 2008. – T. 20. – №. 1. – C. 47-58.
45. Kimura F. International production and distribution networks in East Asia: Eighteen facts, mechanics, and policy implications // *Asian Economic Policy Review*. – 2006. – T. 1. – №. 2. – C. 326-344.
46. Kimura F., Ando M. Two-dimensional fragmentation in East Asia: Conceptual framework and empirics // *International Review of Economics & Finance*. – 2005. – T. 14. – №. 3. – C. 317-348.
47. Klecha-Tylec K. Regionalism and Regionalisation in East Asia: Their Essence, Origin and Transformations // *The Theoretical and Practical Dimensions of*

- Regionalism in East Asia. – Springer International Publishing, 2017. – C. 69-115.
48. Lardy N. R. The role of foreign trade and investment in China's economic transformation // *The China Quarterly*. – 1995. – T. 144. – C. 1065-1082.
49. Lemoine F., Ünal-Kesenci D. Assembly trade and technology transfer: the case of China // *World development*. – 2004. – T. 32. – №. 5. – C. 829-850.
50. Lin C., Lin P., Song F. Property rights protection and corporate R&D: Evidence from China // *Journal of Development Economics*. – 2010. – T. 93. – №. 1. – C. 49-62.
51. Liu X., Wang C., Wei Y. Causal links between foreign direct investment and trade in China // *China economic review*. – 2001. – T. 12. – №. 2. – C. 190-202.
52. Milesi-Ferretti G. M., Tille C. The great retrenchment: international capital flows during the global financial crisis // *Economic Policy*. – 2011. – T. 26. – №. 66. – C. 289-346.
53. Moneta F., Ruffer R. Business cycle synchronisation in East Asia // *Journal of Asian Economics*. – 2009. – T. 20. – №. 1. – C. 1-12.
54. Morrison W. M. China and the global financial crisis: implications for the United States // *Journal of Current Issues in Finance, Business and Economics*. – 2011. – T. 4. – №. 1/2. – C. 151.
55. Oda S. The normalization of relations between Japan and the Republic of Korea // *The American Journal of International Law*. – 1967. – T. 61. – №. 1. – C. 35-56.
56. Pan Y. Influences on foreign equity ownership level in joint ventures in China // *Journal of International Business Studies*. – 1996. – C. 1-26.
57. Rhyu S. The Origins of Korean Chaebols and their Roots in the Korean War // *Korean Journal of International Studies*. – 2005. – T. 3. – №. 1. – C. 203-230.
58. Schott J. J., Cimino C. The China-Japan-Korea Trilateral Investment Agreement: Implications for US Policy and the US-China Bilateral Investment Treaty // *Toward a US-China Investment Treaty*. – 2015. – T. 50. – №. 24.9. – C. 6.

59. Vogel E. F. Deng Xiaoping and the transformation of China. // Belknap Press of Harvard University Press. – 2011.
60. Walter A., Zhang X. East Asian Capitalism: Diversity, Continuity, and Change. – Oxford University Press. – 2012.
61. Zhang K. H. Why does so much FDI from Hong Kong and Taiwan go to Mainland China? // China Economic Review. – 2005. – T. 16. – №. 3. – C. 293-307.
62. Zhang K. H. Why does so much FDI from Hong Kong and Taiwan go to Mainland China? // China Economic Review. – 2005. – T. 16. – №. 3. – C. 293-307.

Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение
высшего образования
«СИБИРСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
Гуманитарный институт
Кафедра всеобщей истории



УТВЕРЖДАЮ
Заведующий кафедрой
В.Г. Дацышен
инициалы, фамилия
06 2017 г.

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА МАГИСТРАНТА

Трансформация экономической системы Восточной Азии в 1990 –
2000-е гг.
Тема

46.04.01. История

код и наименование направления

46.04.01.01 История Азии и Африки

код и наименование магистерской программы

Научный руководитель 28.06.17 / [подпись] профессор, д-р. ист. наук В.Г. Дацышен
подпись, дата должность, ученая степень инициалы, фамилия

Выпускник [подпись] 28.06.17 М.И. Гарбарт
подпись, дата инициалы, фамилия

Рецензент 28.06.17 / [подпись] доцент, канд. ист. наук В.В. Никуленков
подпись, дата должность, ученая степень инициалы, фамилия

Красноярск 2017

СОДЕРЖАНИЕ

Введение.....	3
Глава 1. История развития процессов модернизации в Восточной Азии во второй половине XX в.	15
Глава 2. 1990-е гг. От кризисов к развитию региональных производственных сетей	37
Глава 3. 2000-е гг. На пути к лидерству Китая	63
Заключение.	81
Список источников и литературы.	84

ВВЕДЕНИЕ

За последние несколько десятков лет Восточная Азия стала одним из важнейших экономических центров мира. Сегодня доля ВА в общемировой экономике составляет более 25%¹ – это наибольшая доля среди регионов в мире. Восточноазиатские государства являются одними из главных источников иностранных инвестиций и занимают первые строчки в списках торговых партнеров стран всего мира. Восточная Азия уже давно является одним из важнейших мировых центров инноваций, здесь работают все крупнейшие компании планеты. Экономические успехи региона очевидны, а высокая роль региона в мире неоспорима.

Перемены, произошедшие в экономике Восточной Азии с середины XX в. колоссальны. Пионером экономического прорыва региона стала Япония, сумевшая к 1970-м гг. занять место одного из лидеров мировой экономики. Затем эстафету у Японии приняли Азиатские Тигры. Впоследствии Китай, долгие годы остававшийся в тени экономических успехов своих соседей, в результате «реформ и открытости» смог стать главной экономической силой Восточной Азии.

Однако сегодня бурный экономический всплеск сменяется замедлением темпов роста не только отдельных стран, но и региона в целом. Восточноазиатские правительства и бизнес сталкиваются с необходимостью приспособления к новой реальности, как внутри своих стран и региона, так и на международном уровне. Новые экономические вызовы накладываются на сложную геополитическую ситуацию в регионе – территориальные споры, исторические противоречия, дипломатические конфликты – все это не

1 GDP (current US\$) [Электронный ресурс] / The World Bank Group. – 2017. URL: <http://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.МКТР.CD/>, режим доступа: свободный, дата обращения 26.05.2017.

способствует развитию интеграционных процессов и построению стабильного сотрудничества. Сложно спрогнозировать то, по какому пути будут развиваться отношения внутри региона в будущем, но в то же время именно эта сложность определяет важность и актуальность изучения того, как регион менялся в прошлом.

Особую роль играет тот факт, что Россия фактически является частью восточноазиатского экономического пространства – все государства региона выступают важными партнерами нашей страны. Изучение и понимание исторических и современных процессов, протекающих в регионе, стратегически важно для построения грамотного и выгодного сотрудничества с Восточной Азией, как на государственном уровне, так и в сфере бизнеса.

В современной исторической науке и науке о международных отношениях региональные исследования становятся все более широко представлены, при этом чаще всего в них рассматриваются вопросы развития интеграции. Как в отечественных, так и в зарубежных работах интеграционные процессы в Восточной Азии традиционно связываются именно с развитием экономических отношений между странами региона. И это вполне оправданно: экономическое сотрудничество – это одна из тех сфер, развитие диалога в рамках которой происходит относительно планомерными темпами, в то время как кооперация по другим направлениям осложняется целым рядом проблем – от исторических противоречий, до территориальных споров. Конечно, экономические отношения тоже подвержены кризисам и перепадам, однако эта сфера отличается устойчивостью и постоянством развития диалога. Несмотря на это, проблемы общего развития экономической системы Восточной Азии, как в отечественных, так и зарубежных исследованиях весьма редко рассматриваются комплексно. Как правило, работы посвящаются отдельным феноменам развития экономических и интеграционных процессов в регионе.

Так, российские ученые чаще поднимают вопросы развития сотрудничества между Россией и странами Восточной Азии (О.А. Тимофеев², В.Е. Петровский³ и др.), рассматривают общую проблематику развития региональной интеграции (Г.М. Костюнина⁴, Е.Я. Арапова⁵, А.Л. Лукин⁶), обращаются к истории развития сотрудничества между отдельными странами региона (В.А. Перминова⁷), проблемам экономического развития отдельных государств (В.Г. Гельбрас⁸, А.Д. Воскресенский⁹, А.В. Островский¹⁰). Той же тенденции подвержены и зарубежные исследования, где чаще поднимаются вопросы развития экономического партнерства между странами Запада и Восточной Азии (Дж. Айкенберри¹¹ и др.), интеграционных процессов (Г. Голье¹², Т. Ито¹³, Х. Курода¹⁴) и

2 Тимофеев О. А. Российско-китайские отношения на современном этапе и перспективы их развития // Вестн. Амурск. гос. ун-та. Сер.: гуманитар. науки. – 2014. – №. 64. – С. 57-61.

3 Петровский В. Е. О перспективах трехстороннего диалога «Китай-США-Россия» // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. – 2013. – №. 18. – С. 72-83.

4 Костюнина Г. М. Регионализация Восточной Азии: истоки и основные модели // Вестник МГИМО Университета. – 2011. – №. 1.

5 Арапова Е. Я. Экономическая интеграция в Восточноазиатском регионе. – Проспект. – М. – 2015.

6 Лукин А. Л. Перспективы сотрудничества в Северо-восточной Азии // Международные процессы. – 2010. – Т. 8. – №. 22. – С. 82-88.

7 Перминова В. А. «Японский фактор» модернизации Тайваня // Проблемы Дальнего Востока. – 2015. – №. 6. – С. 64-70.

8 Гельбрас В. Г. 30 лет реформ открытости Китая // Общественные науки и современность. – 2009. – №. 3. – С. 109-117.

9 Воскресенский А. Д. Китай в контексте глобального лидерства // Международные процессы. – 2004. – Т. 2. – №. 5. – С. 21-33.

10 Островский А. В. Современная экономика КНР: проблемы, угрозы, перспективы // ЭКО. – 2008. – №. 8. – С. 101-110.

11 Ikenberry G. J. From hegemony to the balance of power: the rise of China and American grand strategy in East Asia // Korean Unification Studies. – 2014. – С. 41.

12 Gaulier G., Lemoine F., Ünal-Kesenci D. China's integration in East Asia: Production sharing, FDI & high-tech trade // Economic Change and Restructuring. – 2007. – Т. 40. – №. 1-2. – С. 27-63.

межгосударственного сотрудничества в регионе (Д. Ким¹⁵). Вследствие этого, несмотря на существование обширной исследовательской базы по проблемам развития экономики Восточной Азии, наблюдается нехватка комплексных исследований, работ в которых бы рассматривалась общая перспектива экономического развития региона. В данной работе будет предпринята попытка проведения именно такого исследования: на основе анализа и проработки существующих работ, аналитических данных и статистики будет проведена систематизация исследовательского материала, будут описаны основы, ход и последствия процессов трансформации экономической системы Восточной Азии.

Среди российских центров исследований данной проблематики необходимо отметить Амурский государственный университет (О.А. Тимофеев), Институт Востоковедения РАН (Н.Н. Цветкова¹⁶, В.А. Перминова), Институт Дальнего Востока РАН (В.И. Трифонов¹⁷), ИМЭМО РАН (М.А. Потапов¹⁸, В.В. Михеев¹⁹), МГИМО (Г.М. Костюнина,

13 Ito T., Krueger A. O. Financial deregulation and integration in East Asia. – University of Chicago Press. – 2007.

14 Kuroda H., Kawai M. Strengthening regional financial cooperation in East Asia // Financial governance in East Asia: policy dialogue, surveillance and cooperation. – 2004. – С. 136-166.

15 Kim J. K., Kim Y., Lee C. H. Trade, investment and economic interdependence between South Korea and China // Asian Economic Journal. – 2006. – Т. 20. – №. 4. – С. 379-392.

16 Цветкова Н. Н. ТНК в странах Востока: прямые иностранные инвестиции и глобальные производственные сети // Восточная аналитика. – 2012. – №. 3.

17 Трифонов В. И. Ситуация в Азиатско-Тихоокеанском регионе: столкновение линий на сотрудничество и на противоборство // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. – 2012. – Т. 17. – №. 17.

18 Потапов М. А. Мировой экономический кризис и Восточная Азия // Мировая экономика и международные отношения. – 2009. – №. 12. – С. 19-25.

19 Михеев В. В. Роль Китая в глобализующемся мире // Отечественные записки. – 2008. – №. 3. – С. 63-78.

Е.Я. Арапова, А.Д. Воскресенский), МГУ им. М.В. Ломоносова (В.Г. Гельбрас), НИУ ВШЭ (А.В. Каримуллина) и т.д.

Среди западных исследовательских организаций нужно назвать Центр исследований и экспертизы мировой экономики (Франция – Г. Голье, Ф. Лемуан²⁰), Принстонский университет (США – Дж. Айкенберри), Университет Мердока (Австралия – М. Бисон²¹), Мельбурнский университет (Австралия – Э. Уолтер²²) и др.

Также важно отметить и региональные исследовательский центры: Гонконгский Университет (Ч. Линь, Ф. Сун²³), Университет Кэйо (Япония – Ф. Кимура²⁴), Гуандунский университет иностранных языков и внешней торговли (КНР – Ф. Чжоу²⁵), Пекинский университет (КНР – И. Линь²⁶) и т.д.

Важную роль при работе с исследованием сыграло изучение публикаций в изданиях *Мировая экономика и международные отношения*, *Проблемы Дальнего Востока*, *Новое восточное обозрение*, *China Review*,

20 Gaulier G., Lemoine F., Ünal-Kesenci D. China's integration in East Asia: Production sharing, FDI & high-tech trade // *Economic Change and Restructuring*. – 2007. – Т. 40. – №. 1-2. – С. 27-63.

21 Beeson M. Regionalism and globalization in East Asia: politics, security and economic development. – Routledge. – 2014.

22 Walter A., Zhang X. East Asian Capitalism: Diversity, Continuity, and Change. – Oxford University Press. – 2012.

23 Lin C., Lin P., Song F. Property rights protection and corporate R&D: Evidence from China // *Journal of Development Economics*. – 2010. – Т. 93. – №. 1. – С. 49-62.

24 Kimura F., Ando M. Two-dimensional fragmentation in East Asia: Conceptual framework and empirics // *International Review of Economics & Finance*. – 2005. – Т. 14. – №. 3. – С. 317-348.

25 Чжоу Фанинь. Чжунго цзюэци, дун'я гэцзюй бяньцянь юй дун'я чжисюй дэ фачжань фансян // *Дандай ятай*. – 2012. – №. 5. – С. 4-32.

26 Линь Ифу, Жэнь Жэнь. Дун'я цзинци цзэнчжан моши сянгвань чжэнлунь дэ цзайшэнь таньтао // *Цзинци яньцзю*. – 2007. – Т. 8. – №. 1. – С. 4-13.

China Economic Review, Journal of Asian Economics, Journal of World Business, East Asia: an International Quarterly и т.д.

Цель данной работы – изучить процесс изменений в экономических отношениях между КНР, Японией, Республикой Корея и Тайванем в период с 1990 по 2010 гг., связанных с экономическим подъемом Китайской Народной Республики.

Задачами работы являются:

1) Рассмотрение исторического контекста развития региона, состояния экономики Восточной Азии к началу изучаемого периода.

2) Анализ комплекса изменений экономической системы региона в период с 1990 по 2010 гг., определение роли КНР в этих процессах.

4) Описание новых принципов, определивших развитие экономических связей в регионе.

5) Изучение интеграционных процессов в Восточной Азии.

Объектом исследования является комплекс преобразований в экономической системе Восточной Азии, а также процессы экономического развития в Китайской Народной Республике, Японии, Республике Корея и Тайване.

Предметом исследования являются различные аспекты двустороннего и многостороннего экономического сотрудничества в регионе, экономические реформы в странах Восточной Азии, особенности становления экономического статуса региона на международной арене.

В данной работе будет рассмотрено то, как восточноазиатская экономика трансформировалась в период с 1990 по 2010 гг. Такой хронологический промежуток обусловлен рядом причин. К 1990 году Китай

вступил в современный этап своего экономического развития, когда всему миру стали очевидны успехи китайских «реформ и открытости», темпы роста стабилизировались и Китай подтвердил свое стремление к глубочайшей интеграции в мировую экономику. Кроме того, 1990 г. – год, последовавший за событиями на пл. Тяньаньмэнь, именно с этого момента развивается современная общественно-политическая система КНР, и страна полноценно начинает восхождение на пути к экономическому лидерству в регионе. Итог этого процесса был подведен в 2010 г., когда КНР заняла прочную позицию второй экономики мира и стала главной экономической силой Восточной Азии. Стремительный подъем Китая и резкое увеличение его роли в региональной и мировой экономике, на наш взгляд является одним из главных катализаторов перемен, произошедших в регионе в рассматриваемый период. Именно поэтому особое внимание в работе будет уделено экономике КНР. А под «трансформацией» экономической системы Восточной Азии будет пониматься процесс преобразования экономических отношений внутри региона и углубления интеграции Восточной Азии в мировую экономику в условиях быстрого экономического подъема Китая.

Важно отметить, что само определение региона Восточной Азии является предметом разногласий. В разное время под это определение попадали не только страны северо-восточной Азии, но и, например государства юго-востока региона, также зачастую в рамки региона включают и российский Дальний Восток. В западной литературе термин "Восточная Азия" в его современном понимании стал применяться с 1980-х гг., придя на смену "Дальнему Востоку"²⁷. Сегодня согласно классификации ООН²⁸ к

27 Klecha-Tylec K. Regionalism and Regionalisation in East Asia: Their Essence, Origin and Transformations // The Theoretical and Practical Dimensions of Regionalism in East Asia. – Springer International Publishing, 2017. – С. 69-115.

Восточной Азии относятся территории Монголии, КНР, КНДР, Республики Корея, Японии и Тайваня. Однако в данной работе термин «регион» будет пониматься в первую очередь как экономическая сущность, как территория, составляющие части которой объединены сложной системой общих экономических отношений. Таким образом, территориальные рамки исследования будут ограничены КНР, Республикой Корея, Японией и Тайванем. Это объясняется особенностями развития экономической интеграции в регионе – Монголия и КНДР вовлечены в эти процессы очень слабо. В свою очередь, под термином «экономическая система» в данной работе будет подразумеваться исторически сложившаяся совокупность принципов и правил, определяющих форму и содержание экономических отношений между элементами этой системы, в данном случае – между странами региона.

Учитывая экономическую направленность данного исследования, в рамках достижения поставленных целей будет проведен анализ различных статистических данных, на основе которого будут сделаны выводы об особенностях и тенденциях в развитии экономической системы региона. Анализ статистики позволит изучить историю развития внешнеэкономических стратегий стран региона, торгово-инвестиционного сотрудничества в Восточной Азии, определить этапы этих процессов. Для этого будут применены следующие методы: метод статистического наблюдения – на основе имеющихся данных будут описаны общие характеристики различных процессов, например, развития торговой кооперации, а также сводка материалов статистического наблюдения – путем обработки отдельных статистических показателей и их группировки будут

определены черты и закономерности изучаемых явлений, например процесса качественного изменения сотрудничества между странами региона

Тот факт, что в данном исследовании будет рассматриваться современный этап развития международных экономических отношений, определяет особенности подхода к выбору источников.

Статистические данные, которые будут использованы в работе можно разделить на две группы – официальные и неофициальные. Официальные источники статистики – это государственные порталы, сайты различных ведомств стран региона, предоставляющие в открытом доступе данные об объемах торговли, потоках инвестиций, динамике развития экономических отношений. Неофициальные источники – это данные внутригосударственных и международных общественных организаций, научных учреждений, ведущих экономическую статистику.

Также в работе будут использованы тексты международных соглашений и законодательных актов, размещенные на официальных порталах ведомств стран региона и находящиеся в открытом доступе. Эти источники представляют собой межправительственные договоры, торговые и инвестиционные соглашения, внешнеполитические документы, внутригосударственные указы и т.д.

Кроме того, при решении поставленных задач, будут изучаться материалы средств массовой информации. В западных периодических и интернет-изданиях проблемы, рассматриваемые в работе, поднимаются на порядок чаще, чем в отечественных СМИ, кроме того, материалы зарубежных изданий отличаются широтой мнений и подходов к рассматриваемой проблематике. В отечественной периодике проблемы настоящего исследования освещаются значительно реже, однако также заслуживают внимания, поскольку помогают понять существующие мнения среди российских исследователей. Материалы медиа стран Восточной Азии,

хотя часто и не представляют объективные мнения, все же помогают сформировать общую картину.

Значительная доля материалов и данных, приведенных и проанализированных в работе, были заимствованы на порталах изданий, независимых организаций и государственных органов в сети Интернет. Например, это материалы электронного издания газеты South China Morning Post, сайта Всемирного банка, это данные с сайтов Министерства финансов Японии, Министерства торговли КНР, сайта Корейской ассоциации внешней торговли, Азиатского банка развития и т.д.

В российских и зарубежных исследовательских центрах ежегодно публикуется широкий круг научных сборников и изданий, где анализируются проблематика настоящего исследования. Так как эти материалы выступают ценными источниками аналитической информации, их изучение является важным при разработке исследования. Среди подобных сборников необходимо назвать ежегодники «Япония» и «Восточная аналитика» института Востоковедения РАН, сборники «Основные показатели развития мировой экономики» института мировой экономики и международных отношений РАН, аналитические записки, рабочие тетради, брошюры Российского совета по международным делам и московского центра Карнеги, и т.д.

В целом, достаточность и доступность источников можно оценить высоко.

Специфика темы данной работы определяет и особенности методологического подхода. В целом методология данного исследования соответствует общим тенденциям в современной исторической науке и науке о международных отношениях. Так, в ее основе лежит системный подход, что в нашем случае означает рассмотрение системы межгосударственных

экономических отношений в Восточной Азии, как единой структуры, развитие и преобразование которой обусловлено стойкой взаимосвязанностью ее элементов. Таким образом, международные отношения в регионе будут рассматриваться, как целостное явление, в рамках которого существуют прочные связи между акторами. Кроме того, настоящее исследование также будет разрабатываться в рамках диалектического подхода, что подразумевает понимание существующего порядка отношений в регионе как динамической системы, постоянно находящейся в процессе изменений. Такой подход позволит объективно оценивать предпосылки, особенности и последствия перемен в экономической системе региона, отделять отдельные события от продолжительных процессов, имеющих далеко идущие последствия. Кроме того, для описания процессов трансформации экономической системы региона будут использоваться методы анализа, сравнения, индукции.

Учитывая экономическую направленность данного исследования, в рамках достижения поставленных целей будет проведен анализ различных статистических данных, на основе которого будут сделаны выводы об особенностях и тенденциях в развитии экономической системы региона. Анализ статистики позволит изучить историю развития внешнеэкономических стратегий стран региона, торгово-инвестиционного сотрудничества в Восточной Азии, определить этапы этих процессов. Для этого будут применены следующие методы: метод статистического наблюдения – на основе имеющихся данных будут описаны общие характеристики различных процессов, например, развития торговой кооперации, а также сводка материалов статистического наблюдения – путем обработки отдельных статистических показателей и их группировки будут определены черты и закономерности изучаемых явлений, например процесса качественного изменения сотрудничества между странами региона

Научная новизна работы заключается в том, что представляя собой исследование различных аспектов развития экономической системы Восточной Азии в период с 1990 по 2010 гг., она развивает базу для дальнейших исследований по данной тематике. Данную работу, а также выводы и обобщения, которые в ней будут содержаться, можно использовать для дальнейшего изучения вопросов развития многосторонних и двусторонних экономических отношений в Восточной Азии, а также преобразования экономической системы региона в целом.

Результаты исследования были апробированы в рамках выступлений на конференции «Ломоносов-2016», прошедшей в Московском государственном университете в апреле 2016 г., конференции «Российско-китайские отношения: сибирский аспект», прошедшей в Томском государственном университете в декабре 2016 г.

Структура работы представлена введением, тремя главами, заключением, списком использованных источников и литературы.

ГЛАВА 1. ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ ПРОЦЕССОВ МОДЕРНИЗАЦИИ В ВОСТОЧНОЙ АЗИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX В.

Для того, чтобы понимать, как происходила трансформация экономики Восточной Азии на рубеже XX и XXI вв., необходимо взглянуть на историю региона и проследить, как развивались местные экономики на протяжении второй половины XX в., в каком состоянии они подошли к началу 1990-х гг., и что из себя представляла система экономических взаимоотношений в Восточной Азии в этот период. Для достижения этой цели в хронологическом порядке будет рассмотрен процесс экономических преобразований в разных странах региона.

В середине XX в. экономика Восточной Азии только восстанавливалась от последствий Второй Мировой Войны. Доля региона в структуре мировой экономики в этот период не превышала 8-10%²⁹. Единой экономической системы в регионе также не существовало – связи между странами были подорваны, региональная торговля почти не велась, движение капиталов между странами оставалось очень слабым. Кроме того, в результате мировой войны и последовавших за ней событий, регион оказался расколот политически и идеологически.

В то же время, структура экономик стран региона в целом была похожей. Все восточноазиатские государства в этот период оставались преимущественно аграрными, промышленность, серьезно пострадавшая в период войны, фактически начинала новое развитие. Ни о какой экспортно-ориентированной модели развития на тот момент не могло быть и речи. Главной задачей для стран являлось обеспечение собственных базовых потребностей.

29 GDP (current US\$) [Электронный ресурс] / The World Bank Group. – 2017. URL: <http://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.МКТР.CD/>, режим доступа: свободный, дата обращения 26.05.2017.

Но конечно нельзя говорить о том, что в этот период все страны региона находились на одинаковом уровне развития. Так, до начала Второй мировой войны Япония уже была развитой экономикой с серьезным промышленным потенциалом. Хотя в 1946 году ВВП Японии составлял лишь 55% от уровня 1934 года³⁰, в стране существовала база для послевоенного восстановления и дальнейшего экономического развития.

Восстановление прежних промышленных мощностей стало одной из основ для подъема японской экономики. В период с 1945 по 1973 гг. ежегодный рост ВВП Японии составлял около 10%³¹. Особенностью развития страны в этот период и главным залогом ее вхождения в ряд крупнейших экономик мира стало долгое сохранение высочайших темпов экономического роста. После достижения в 1953 году довоенных экономических показателей, японская экономика еще двадцать лет показывала крайне высокие темпы развития.

Период быстрого экономического подъема Японии традиционно разделяется два этапа: первый – с 1945 по 1965, когда страна пережила экономический бум, связанный с проведением реформ и развитием международной торговли, и второй – с 1966 по 1973 г., когда Япония заняла место третьей экономики мира (после США и СССР) и развивалась стабильными темпами до «нефтяного шока» 1973 г.

После окончания войны территория Японии оставалось оккупированной американскими военными в течение почти семи лет. Под руководством оккупационных властей в стране был проведен целый ряд реформ, положивший основу для японского экономического чуда.

30 Duus P. (ed.). The Cambridge history of Japan: The twentieth century. // Cambridge University Press. – 1989. – С. 494.

31 Ibid.

Первым в ряду преобразований стало проведение демократизации и принятие новой конституции. Хотя эти реформы и не имели прямого отношения к экономике, однако они создали стабильную политическую основу, которая способствовала экономическому развитию страны. Кроме того, новая конституция закрепила отказ Японии от создания собственных вооруженных сил, вследствие чего военный бюджет страны был ограничен³². Это позволило не допустить направление чрезмерного объема средств в военную сферу и использовать капитал для развития невоенных секторов экономики.

Другой основой быстрого роста стала земельная реформа, также проведенная под надзором американских оккупационных властей. Реформа, проведенная в 1945-1946 годы, в результате национализации и дальнейшего перераспределения земель, привела к почти полной ликвидации помещичьего землевладения в стране. На смену натуральным повинностям, ранее отнимавшим у крестьян значительную часть урожая, пришла более низкая денежная плата. В результате реформы стала расти производительность сельского хозяйства, начал возрождаться и расти внутренний рынок.

Следующим этапом послевоенного преобразования японской экономики, стала ликвидация дзайбацу – крупных финансово-промышленных конгломератов, монополизировавших экономику и, по мнению оккупационных властей, сыгравших значительную роль в развитии захватнических амбиций японских милитаристов. Уже в октябре 1945 года было распущено высшее руководство ряда дзайбацу, и был начат процесс их реорганизации. В результате этих преобразований уровень концентрации капитала в японской промышленности серьезно снизился, что позволило

32 Забровская Л. В. Япония в борьбе за сохранение мирного характера конституции // Россия и АТР. – 2008. – №. 3.

снизить порог вхождения на рынок для мелких компаний, оживило конкуренцию и таким образом сыграло роль в послевоенном буме японской экономики. Благодаря новым возможностям, промышленные предприятия, не связанные с довоенными экономическими объединениями смогли быстро завоевать рынок и занять лидирующие позиции. Примерами таких компаний являются Toyota, Hitachi, Kawasaki Steel, Sony и другие. Тем не менее, дзайбацу так и не были уничтожены окончательно – после вывода оккупационных войск дзайбацу возродились в форме т.н. кэйрэцу. Однако такие объединения имели в своей верхушке не семейный альянс, а систему партнерских отношений между отдельными ассоциациями, что выгодно отличало их от старой формы конгломератов.

Заключительным этапом послевоенного реформирования японской экономики стало проведение в 1949 г. т.н. «Линии Доджа» – комплекса налоговых и бюджетных преобразований, осуществленных под руководством американского экономиста Джозефа Доджа. Эти меры, направленные на снижение послевоенной инфляции, стабилизацию японской иены и государственного бюджета, позволили стране улучшить состояние внешней торговли и остановить развитие послевоенного финансового кризиса.

После подписания в 1951 г. Сан-францисского мирного договора и вывода оккупационных войск, на территории Японии продолжили работу американские военные базы. В 1960 г. также был подписан договор о взаимном сотрудничестве и гарантиях безопасности между США и Японией, определивший границы и возможности размещения американских военных на территории Японии, а также основы отношений двух стран. Наличие «щита» в виде американских военных и союза с США помогло японским властям сосредоточиться на развитии невоенных сфер экономики.

До начала 60-х гг. внешняя торговля Японии, как и до войны, находилась под жестким государственным контролем³³. Главной причиной этого являлась сильная зависимость страны от ввоза сырья из-за рубежа. По мнению властей, в условиях восстановления экономики свободный рынок не мог способствовать оптимальному распределению ресурсов и мог вовсе поставить поставки необходимых товаров под угрозу. Но по мере восстановления и роста экономики японские власти испытывали все большее давление со стороны США, настаивавших на необходимости либерализации внешней торговли. За это выступали и ведущие японские экономисты. В результате было принято решение о либерализации внешней торговли и уже к 1962 г. 88% японской внешней торговли приходилось на свободный рынок. В 1963 г. Япония стала членом МВФ, а в 1964 г. членом ОЭСР, участие в этих организациях способствовало дальнейшей либерализации торговли и свободному движению капиталов.

В 1962 году торговля со странами Восточной Азии составляла лишь чуть более 3,5% от всей внешней торговли Японии. Ее основу составляли импорт сырьевых и экспорт промышленных товаров. Однако уже в 1973 году масштабы торговли с соседями выросли более чем в 14 раз (при общем росте японской внешней торговли в 4 раза) и стали составлять уже около 12% от всего объема³⁴.

В 1965 году произошла нормализация отношений между Японией и Южной Кореей³⁵, что открыло новые возможности для развития регионального экономического сотрудничества. Вслед за развитием контактов между Китаем и США, и визитом американского президента

33 Duus P. (ed.). The Cambridge history of Japan: The twentieth century. // Cambridge University Press. – 1989. – С. 525.

34 Ibid.

35 Oda S. The normalization of relations between Japan and the Republic of Korea //The American Journal of International Law. – 1967. – Т. 61. – №. 1. – С. 35-56.

Никсона в Пекин, в 1972 г. подписывается «Соглашение о мире и дружбе между Японией и КНР», и происходит восстановление официальных отношений с континентальным Китаем³⁶. В то же время, несмотря на формальное присоединение к принципу «единого Китая», экономические отношения Японии с Тайванем также активно развивались.

В 60-е гг. среднегодовой рост ВВП Японии превышал 8%. Однако из-за резкого повышения цен на энергоносители в результате нефтяного кризиса в 1973 г. в последующие десятилетия темпы роста снизились, но по-прежнему оставались высокими – в среднем более 5% в 70-е и около 4% в 80-е³⁷. Это позволило Японии в первой половине 70-х годов занять прочное место второй экономики в мире и стать одним из важнейших центров международной торговли. Главным залогом этого подъема стало развитие промышленных предприятий, ориентированных на выпуск продукции для экспорта и развитие внешней торговли. Быстрый рост японской экономики не только обозначил новое место Восточной Азии в мировой экономике, но и привел к изменению системы экономического сотрудничества в Восточной Азии.

В результате экономических преобразований и последовавшего за ними быстрого подъема экономики, Япония стала экономическим лидером региона. По мере развития японской экономики, расширялись торговые связи страны с разными уголками мира, но особенно быстро это происходило в Восточной Азии. По мере развития торговли с соседями, японский капитал

36 Joint Communique of the Government of Japan and the Government of the People's Republic of China [Электронный ресурс] / Ministry of Foreign Affairs of Japan. – 2017. URL: <http://www.mofa.go.jp/region/asia-paci/china/joint72.html/>, режим доступа: свободный, дата обращения 26.05.2017.

37 GDP (current US\$) [Электронный ресурс] / The World Bank Group. – 2017. URL: <http://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.CD?locations=JP/>, режим доступа: свободный, дата обращения 26.05.2017.

все глубже проникал в экономики стран региона. В определенной степени это стало катализатором экономического подъема «Азиатских тигров».

К началу 70-х гг. в Восточной Азии формируется новая группа стран, демонстрирующих высокие темпы развития. Южная Корея, Тайвань, Гонконг и Сингапур, одновременно обратившие на себя внимание бурным экономическим подъемом, получили неофициальное название «Четырех азиатских тигров» и впоследствии приобрели статус «Новых индустриальных стран» (НИС) первой волны. В рамках данной работы будет рассмотрен опыт развития Республики Корея и Тайваня.

Начало процессам модернизации и быстрого индустриального развития в этих странах также было положено еще в 50-е гг. Одной из особенностей социально-экономических преобразований в НИС стало то, что они происходили по модели догоняющего развития, их общий уровень благосостояния, серьезно отставал от уровня развитых капиталистических стран. Так по показателям ВВП на душу населения, в 50-е гг. Южная Корея находилась на одном уровне с беднейшими странами Африки³⁸, показатели Тайваня ненамного опережали корейские. Экономика обеих стран в этот период страдала от нехватки сырья и высокой инфляции. Серьезной проблемой оставалась коррупция. Обеим государствам пришлось преодолевать последствия тяжелых гражданских войн, а Тайвань (Китайская республика), предъявлявший права на территорию всего Китая, к 70 гг. оказалась в международной изоляции.

Тем не менее, в результате преобразований, Южной Корее и Тайваню удалось быстро восстановить довоенные уровни производства и перейти к

38 GDP (current US\$) [Электронный ресурс] / The World Bank Group. – 2017. URL: <http://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.PCAP.CD?locations=KR/>, режим доступа: свободный, дата обращения 26.05.2017.

быстрому подъему экономики. На протяжении 20 лет средние показатели ежегодного роста ВВП «тигров» находились на уровне 8-10%³⁹

Причины быстрого экономического роста «тигров» разделяют на несколько основных групп⁴⁰: благоприятные начальные условия, которыми страны НИС сумели эффективно воспользоваться – в частности большое количество дешевой рабочей силы; гибкая и продуманная экономическая стратегия правительств этих стран – в том числе таможенные ограничения и ориентация на экспорт; активная государственная политика в сферах образования и науки; а также экономическая поддержка США и японские инвестиции. Модель развития экономики Восточной Азии в этот период получила условное название «стаи диких гусей» – в ее главе встала Япония, а уже за ней устремились другие «птицы» в регионе⁴¹.

Также как и в случае с Японией, для развития Южной Кореи и Тайваня особую роль сыграло подписание соглашений о военном союзе с США. Корейско-американский договор был подписан еще в 1953 г.⁴², по его условиям на территории страны были размещены несколько американских военных баз. Договор о взаимной безопасности между США и Китайской республикой был подписан в 1954 г., но прекратил свое действие в

39 GDP (current US\$) [Электронный ресурс] / The World Bank Group. – 2017. URL: <http://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.PCAP.CD?locations=KR/>, режим доступа: свободный, дата обращения 26.05.2017.

40 Ивашенко А. С. Причины динамичного развития экономики новых индустриальных стран Юго-Восточной Азии (60-е гг. XX в.- начало XXI в.) // *Голос минувшего*. Кубанский исторический журнал. – 2013. – Т. 3. – С. 38-52.

41 Костюнина Г. М. Регионализация Восточной Азии: истоки и основные модели // *Вестник МГИМО Университета*. – 2011. – №. 1.

42 Mutual Defense Treaty Between the United States and the Republic of Korea [Электронный ресурс] / Lillian Goldman Law Library. – 2017. URL: http://avalon.law.yale.edu/20th_century/kor001.asp/, режим доступа: свободный, дата обращения 26.05.2017.

1979 г.⁴³, что было связано с установлением дипломатических отношений между Соединенными Штатами и КНР. Тем не менее, большая часть его положений нашла место в акте об отношениях с Тайванем, принятом в том же году американским Конгрессом⁴⁴.

Одним из главных залогов быстрого подъема в НИС стало строительство экономики, ориентированной на экспорт. Переориентация в Корею и на Тайване происходила похожим образом: на начальном этапе власти стимулировали инвестирование доходов из сельского хозяйства в промышленность и переход сельского населения на работу на предприятия, также использовалась система реализации государственных инфраструктурных проектов. В отношении новых отраслей промышленности проводилась политика благоприятствования и поддержки – предприятиям предоставлялись кредитные льготы, сокращались налоги.

Важным фактором модернизации в НИС стали иностранные инвестиции – прежде всего японские. С начала 70-х гг. японские компании стали активно выходить за рубеж, стремясь расширить свои рынки сбыта и сократить производственные издержки, размещая производство в других странах. «Азиатские тигры» стали важным направлением для японского капитала – роль сыграли и географическая близость, и многовековые контакты между странами, и экономическая политика НИС, направленная на привлечение инвестиций. Кроме того, все три страны имели тесные связи с США, что облегчало налаживание сотрудничества. Так, например, в 1972 г.

43 Mutual Defense Treaty between the United States of America and the Republic of China [Электронный ресурс] / Taiwan Documents Project. 2017. URL: <http://www.taiwandocuments.org/mutual01.htm/>, режим доступа: свободный, дата обращения 26.05.2017.

44 Taiwan Relations Act [Электронный ресурс] / American Institute in Taiwan. – 2017. URL: <http://www.ait.org.tw/en/taiwan-relations-act.html/>, режим доступа: свободный, дата обращения 26.05.2017.

в Республике Корея начало работу предприятие японской компании Toray Industries⁴⁵, а в 1975 г. была создана Hwashin Electronics – совместное предприятие корейской компании Hwashin и японской кооперации Sony⁴⁶. В то же время представительства японских компаний активно развивали деятельность и на Тайване. Развитие инвестиционного сотрудничества и создание совместных предприятий способствовало налаживанию торговых связей между странами региона и сокращению научно-технологического разрыва между Японией и НИС. Кроме того, именно в этот период была заложена основа развития трансграничных производственных сетей в Восточной Азии.

Особенностью быстрого экономического подъема Республики Корея и Тайваня стало то, что в отличие от Японии, преобразования здесь проводились без прямого участия внешних сил, а кроме того, определяющую роль в экономическом успехе сыграла роль государства – реформы в обоих случаях проводились в условиях авторитаризма. Государство стало главным "строителем капитализма" в этих странах, и на определённом этапе развития политические свободы были отданы в жертву быстрому экономическому развитию и росту материального благосостояния населения. Можно выделить несколько сфер, в которых государственное вмешательство проводилось наиболее активно: в первую очередь это сфера промышленности, где правительства делали упор на развитие определенных отраслей (главным образом экспортных) и сфера внешней торговли, где власти создавали условия для успешного выхода их товаров на зарубежные рынки. Общей чертой экономических преобразования в Японии и НИС стало активное заимствование западных научных и технологических достижений.

45 Chow P. C. Y. (ed.). Taiwan in the global economy: From an agrarian economy to an exporter of high-tech products. // Greenwood Publishing Group. – 2002. – С. 60

46 Rhyu S. The Origins of Korean Chaebols and their Roots in the Korean War // Korean Journal of International Studies. – 2005. – Т. 3. – №. 1. – С. 203-230.

Кроме того, в Южной Корее, как и в Японии, серьезную роль в экономическом подъеме сыграла деятельность крупных корпоративных конгломератов – чеболей, наиболее крупными из которых стали Samsung, Hyundai, Lotte, LG Group. Эти компании стали пионерами в развитии экспортной модели, а также первыми стали заимствовать и применять новые технологии. Хотя структура чеболей была очень похожа на традиционные японские дзайбацу (сами слова «чеболь» и «дзайбацу» – это корейский и японский вариант прочтения одних и тех же иероглифов – 財閥) их деятельность не оказывала негативного влияния на экономику, напротив, они оказались более восприимчивы к переменам и стали флагманом экономического развития страны.

Японии и «Азиатским тиграм» быстрее других государств в мире удалось сократить отставание от развитых экономик запада (например, в отличие от стран Латинской Америки или Южной Европы). За короткий промежуток странам региона удалось перейти от выпуска примитивных промышленных товаров к производству высокотехнологичной продукции. Экономика Восточной Азии, как единое целое, стала обретать глобальный вес, постепенно перемещаясь с периферии мировой экономики в ее центр. Важную роль в этом сыграли развитие экономической интеграции и рост взаимозависимости стран региона.

Экономика Китайской народной республики в этот период находилась на совершенно ином этапе развития. Китай переживал последствия тяжелых потрясений, оказавших глубокое влияние на динамику развития страны – Большого скачка и Культурной революции, формально продолжавшейся вплоть до смерти Мао Цзэдуна в 1976 г. В результате политики, проводившейся в этот период, серьезно пострадали почти все сферы экономической жизни страны – от промышленности и сельского хозяйства, до состояния международной торговли. К концу 70х гг. страна, население

которой составляло около 1 млрд человек, по общим объемам ВВП уступала Нидерландам, Испании, Канаде и другим значительно меньшим странам⁴⁷. ВВП Японии на тот момент превышал китайский более чем в 6 раз⁴⁸.

Экономическая стратегия Китая, разрабатывавшаяся под контролем Коммунистической партии, развивалась в рамках пятилетних планов. Подобно СССР, китайские власти делали главную ставку на развитие тяжелой промышленности. Начиная с первой пятилетки, стартовавшей в 1953 году, и до конца 70-х гг. тяжелая индустрия оставалась главным экономическим приоритетом страны, этот подход оставался неизменным и после разлада отношений с СССР, и в условиях внутренних потрясений.

Одновременно с развитием плановой экономики, страна оставалась закрытой для внешнего экономического сотрудничества, особенно со странами, не входящими в социалистический блок. Объем внешней торговли оставался крайне низким, не превышая нескольких процентов ВВП⁴⁹.

Последствиями такой экономической политики стали экономический дисбаланс как в ежегодных показателях, так в и уровне развития отдельных секторов народного хозяйства. Особый отпечаток накладывали отсутствие политической стабильности в стране и борьба внутри коммунистической партии. В том числе это приводило к принятию нереалистичных планов, завышению показателей, одобрению неадекватных прогнозов экономического развития.

47 GDP (current US\$) [Электронный ресурс] / The World Bank. – 2017. URL: http://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.CD?end=1988&start=1978&year_low_desc=true, режим доступа: свободный, дата обращения 26.05.2017.

48 Ibid

49 Lardy N. R. The role of foreign trade and investment in China's economic transformation // The China Quarterly. – 1995. – Т. 144. – С. 1065-1082.

К концу 70-х гг., после смерти Мао Цзэдуна и долгой внутривластной борьбы, фактическим лидером Китая становится Дэн Сяопин. Никогда не занимавший высших государственных постов и формально находясь на должности вице-премьера Госсовета КНР, Дэн смог сосредоточить в своих руках всю полноту власти в стране. Именно он выступил инициатором преобразований, благодаря которым экономическое чудо Китая стало реальным, а вся Восточная Азия стала тем регионом, который мы знаем сегодня. Дэн Сяопин стал главным идеологом реформ в политической и экономической сферах жизни Китая, произошедших на рубеже 70-80-х гг. Встав во главе государства, он провозгласил отказ от целого ряда идеологических постулатов прошлого (при этом деятельность Мао была признана на 70% правильной и лишь на 30% ошибочной⁵⁰) и призвал к решению актуальных проблем, мешающих движению страны вперед.

Одной из первоочередных задач стало преодоление последствий культурной революции и начало перехода к реальному экономическому развитию страны. В 1977-1979 гг. рамках кампании, получившей название «Пекинская весна», была ослаблена пропаганда, разрешена открытая критика периода Культурной революции, была начата подготовка экономических реформ. Переломным моментом стал декабрь 1978 г., когда пленум ЦК КПК одиннадцатого созыва принял решение о начале масштабных экономических преобразований и объявил о начале реализации программы «реформ и открытости».

Способом достижения экономического успеха, быстрой модернизации и индустриализации страны стало развитие «рыночной социалистической экономики» и реализация программы построения «социализма с китайской спецификой». Эти стратегии, выдвинутые Дэн Сяопином, предполагали, что

50 Vogel E. F. Deng Xiaoping and the transformation of China. // Belknap Press of Harvard University Press. – 2011.

Китаю следует использовать успешный опыт зарубежных государств и, в частности, внедрять в социалистическую экономику элементы рынка.

Для осуществления задачи общего экономического подъема страны была одобрена программа «Четырех модернизации», впервые выдвинутая премьером Госсовета КНР Чжоу Эньлаем еще в 1963 г. Согласно этой концепции первыми сферами, которые подлежат модернизации, должны стать национальная оборона, сельское хозяйство, промышленность, а также сфера науки и технологий. В своих выступлениях Дэн заявлял, что к концу XX в. Китай должен войти в число наиболее развитых государств мира. Как отмечают исследователи⁵¹, многие факторы указывают на то, что экономические преобразования были начаты руководством Китая под впечатлением от успехов своих соседей – Японии и «Тигров». Так, Дэн Сяопин неоднократно ставил Японию в пример Китаю и призывал использовать японский опыт для проведения реформ в КНР⁵².

Особенностью китайских реформ стала особая идеологическая подоплека преобразований. Официально компартия Китая провозгласила курс на построение «социализма с китайской спецификой», что подразумевало под собой сохранение прежней политической системы, опирающейся на принципы социализма, при ограниченном внедрении рыночных принципов в экономике. На практике это означало серьезные ограничения при проведении реформ. Так, на начальном этапе преобразования затронули только прибрежные районы страны, в то время как внутренние регионы не сразу почувствовали на себя эффект от «реформ и открытости». Кроме того, китайское правительство сохранило за собой

51 Гельбрас В. Г. 30 лет реформ открытости Китая // *Общественные науки и современность*. – 2009. – №. 3. – С. 109-117.

52 Vogel E. F. *Deng Xiaoping and the transformation of China*. // Belknap Press of Harvard University Press. – 2011.

широкий круг секторов экономики, ограничив пределы экономической либерализации. Главным образом это коснулось крупных промышленных и добывающих предприятий, банков. Частная инициатива стимулировалась только в сферах среднего и малого бизнеса, а некоторые юридические нюансы оставались неурегулированными вплоть до начала 2000-х гг.

В рамках достижения поставленных целей, одной из важнейших задач экономической модернизации в КНР стало привлечение иностранных инвестиций. Для привлечения зарубежных капиталов был проведен целый комплекс мероприятий, главным из которых стало начало создания особых экономических зон. В 1980 г. три первые особые экономические зоны были созданы на территории провинции Гуандун (Шэнчжэнь, Чжухай, Шаньтоу), в непосредственной близости от Гонконга. В 1984 г. была создана еще одна зона в провинции Фуцзянь (Сямэнь). В 1988 г., одновременно с созданием провинции Хайнань, вся ее территория вошла в состав пятой особой экономической зоны. На территории особых зон был упрощен процесс регистрации новых компаний, сокращена налоговая нагрузка и отменены экспортные пошлины. Первые особые экономические зоны не только сыграли важнейшую роль в процессе открытия Китая миру, но и стали первыми территориями страны, где был «опробован» рынок.

Следующим шагом на пути создания особых инвестиционных районов, стало «открытие» 14 прибрежных городов. В 1984 г. особые условия для международной торговли и зарубежных инвесторов были созданы в портах на территориях 8 провинций восточного побережья КНР, а также в городах Тяньцзинь и Шанхай. В последующие годы продолжилось создание новых видов особых экономических зон, стала складываться сложная система специальных инвестиционных территорий.

На начальном этапе развитие особых экономических районов осложнялось отсутствием необходимой инфраструктуры и опыта у местных

властей и бизнесменов, несовершенством законодательства и просто неготовностью иностранного бизнеса работать с Китаем. Вложения в страну, которая всего несколько лет была оплотом коммунистической идеологии и отвергала всякую возможность развития рыночных механизмов, представлялись зарубежным инвесторам крайне рискованным предприятием. Из-за этого, главным источником инвестиций на этих территориях формально стал Гонконг, в тот период остававшийся территорией Великобритании. Гонконгские предприниматели, хорошо знакомые со спецификой развития Китая и имевшие прочные связи с зарубежными бизнесменами, часто выступали посредниками при выходе иностранных инвесторов на китайский рынок. Основным способом проникновения иностранного капитала стало создание совместных предприятий. К концу 80-х гг. количество предприятий, созданных с участием зарубежного капитала, превысило 16 тыс.⁵³

Несмотря на сложности, роль особых экономических районов сыграла решающую роль в подъеме Китая. По оценкам, до конца 80-х гг. до 90% от всего объема иностранных инвестиций в китайскую экономику приходились на эти территории. За период 80-х гг. была заложена прочная основа развития китайской промышленности, опирающейся на сотрудничество с зарубежными партнерами. КНР стала важной частью мировой торговли.

Одними из первых активно развивать сотрудничество с Китаем стали непосредственные соседи КНР уже достигшие экономического успеха – Япония, Южная Корея и Тайвань. Несмотря сложные отношения в политике, экономическое сотрудничество между странами стало развиваться быстрыми темпами.

53 An C. China's Special Economic Zones and Coastal Port Cities: Their Development and Legal Framework // The Voice from China. – Springer Berlin Heidelberg. – 2013. – С. 483-546.

Япония, будучи одной из главных экономик мира и лидером Восточной Азии, быстро включилась в работу по развитию сотрудничества с Китаем. Этому также поспособствовала поддержка реформ, которой КНР удалось заручиться у японских властей (Дэн Сяопин нанес визит в Японию еще в 1978 г.). В 80-е гг. японская экономика находилась на пике подъема и производители искали пути для поддержания конкурентных преимуществ своих экспортных товаров. Выходом стал перенос трудоемкого производства в страны с более выгодными условиями производства. Если в 70-е гг. эти процессы активно развивались в отношениях с Республикой Корея и Тайванем, то в 80-е гг. в них включился Китай. К началу 90-х гг. была заложена основа развития трансграничных производственных сетей в регионе, а уже в следующем десятилетии они стали основой развития экономического сотрудничества во всей Восточной Азии. Для более четкого регулирования движения капиталов между странами, в 1988 г. Япония и КНР подписали соглашение о двустороннем инвестиционном сотрудничестве⁵⁴.

До 1992 г. КНР и Республика Корея не имели официальных отношений на высшем уровне, однако это не мешало корейским инвестициям активно проникать в Китай. В 80-е гг. компании из Южной Кореи активно выходили на новые рынки, вступая в борьбу с японскими, американскими и европейскими производителями. Развитие производства в Китае для Кореи, также как и для Японии, стало способом сокращения издержек и повышения конкурентоспособности своих товаров. Укреплению контактов между странами также способствовало наличие в КНР крупной корейской диаспоры. Хотя официальная статистика инвестиционного и торгового взаимодействия между двумя государствами в этот период отсутствует, очевидно, что с середины 80-х гг. объемы кооперации росли быстрыми

54 Schott J. J., Cimino C. The China-Japan-Korea Trilateral Investment Agreement: Implications for US Policy and the US-China Bilateral Investment Treaty // *Toward a US-China Investment Treaty*. – 2015. – Т. 50. – №. 24.9. – С. 6.

темпами. А дальнейшее расширение сотрудничества с Китаем сыграло важную роль в дальнейшей мировой экспансии южнокорейских компаний.

Экономические реформы в КНР стали катализатором позитивных перемен в отношениях между Китаем и Тайванем. В течение нескольких десятилетий всякие контакты между странами практически отсутствовали, и развитие сотрудничества с Китаем долгое время оставались табу для тайваньских бизнесменов. Однако экономические успехи Тайваня, а также меняющееся положение острова в международной политике, способствовали переменам в отношении тайваньских властей к развитию связей с континентальным Китаем. С началом реформ в КНР, тайваньские власти стали постепенно отходить от прежнего принципа «нет контактов, нет переговоров, нет компромиссов» и начали движение навстречу развитию экономического сотрудничества с Китаем. В 1984 г. были сняты ограничения на торговлю с КНР через Гонконг и Макао, а через три года тайваньские граждане получили право совершать частные визиты в КНР⁵⁵. Для того чтобы избежать негативных последствий развития связей с материковым Китаем, а также чтобы отделить сферы экономики и политики, власти Тайваня ограничили круг отраслей в которые могли быть направлены инвестиции тайваньских бизнесменов. Главным образом это были производственные сферы с высоким уровнем трудоемкости.

Начиная экономические реформы, Китай обладал рядом преимуществ, по сравнению с другими странами Восточной Азии. Во-первых, это огромное количество дешевой рабочей силы. К началу 80-х гг. население КНР уже

55 Lin T. Taiwan's investment policy in mainland China a domestic perspective // Journal of Chinese political science. – 1997. – Т. 3. – №. 2. – С. 25-45.

перевалило за 1 млрд человек⁵⁶. В результате стимулирующих мер все больше людей переселялось в городские районы и приступало к работе на промышленных предприятиях. Размеры заработной платы, особенно в долларовом эквиваленте оставались крайне низкими и росли медленно. По сравнению с другими странами региона, где в результате роста благосостояния населения серьезно выросла стоимость рабочих рук, стоимость производства в КНР была очень выгодной для инвесторов. Несмотря на низкую квалификацию большинства китайских рабочих, и как следствие, невысокое качество производимых товаров, к концу 80х гг. крупнейшие компании со всего мира начали работать с Китаем. Кроме того, к концу 70-х – началу 80-х гг. КНР могла опираться на успешный опыт своих соседей, учитывать их ошибки и достижения, при проведении реформ. Особую роль также сыграла обширная китайская диаспора за рубежом – «хуацяо». Китайцы, проживающие в других странах стали проводниками экономических интересов страны и одними из первых стали активно работать с Китаем.

С конца 70-х годов ВВП Китая рос ежегодно более чем на 8%, теми же темпами рос приток инвестиций. Однако даже с таким уровнем роста, во второй половине 80-х годов экономика Китая по-прежнему находилась на уровне экономики Южной Кореи середины 60-х гг., а большая часть рабочей силы все еще была занята в сельском хозяйстве. До конца 80-х годов объемы иностранных инвестиции, в том числе из восточноазиатских стран, оставались сравнительно невысокими из-за сложностей, связанных с работой на китайском рынке и неготовностью зарубежных инвесторов активно вкладывать в Китай. Тем не менее, прогресс был очевиден, а реформы доказали свою эффективность.

56 Population, total [Электронный ресурс] / The World Bank. – 2017. URL: <http://data.worldbank.org/indicator/SP.POP.TOTL?locations=CN/>, режим доступа: свободный, дата обращения 26.05.2017.

Одной из особенностей развития рыночной экономики в КНР стал особый подход властей страны к формированию курса национальной валюты. С 1974 г. применялась практика ежедневной котировки китайского юаня (жэньминьби) к доллару и другим валютам. Так, в середине 70-х гг. курс находился около отметки в 1,5 юаня за доллар США⁵⁷. Однако по ходу реформ, вслед за развитием производства и расширением международной торговли, власти страны стали постепенно опускать курс валюты. К 1985 г. один доллар стоил уже около трех юаней, а к концу десятилетия его цена превысила отметку в 4 юаня⁵⁸. Повышение курса национальной валюты создало преимущество для китайских производителей, экспортирующих товары за рубеж, способствовало развитию международной торговли Китая и поддерживало высокие темпы роста ВВП.

Таким образом, в 80-е гг. Восточная Азия в полной мере стала регионом,двигающимся на пути модернизации. Все страны к этому периоду перешли к быстрому развитию, основывавшемся на нескольких общих факторах. Так, для стимулирования экономического подъема все страны региона обратились «вовне» и стали строить экономику, ориентированную на экспорт. Кроме того, все государства Восточной Азии в той или иной форме получали денежные вливания извне: Япония в виде помощи от США, Корея и Тайвань в виде той же американской помощи, а в дальнейшем в виде инвестиций из Японии и других государств, КНР в виде иностранных инвестиций. Итогом преобразований в странах региона стало то, что менее чем за пол века всем им удалось пройти путь от аграрных экономик, до

57 Chinese Yuan 1981-2017 Data [Электронный ресурс] / Trading Economics. – 2017. URL: <https://tradingeconomics.com/china/currency/>, режим доступа: свободный, дата обращения 26.05.2017.

58 Chinese Yuan 1981-2017 Data [Электронный ресурс] / Trading Economics. – 2017. URL: <https://tradingeconomics.com/china/currency/>, режим доступа: свободный, дата обращения 26.05.2017.

развитых индустриальных и постиндустриальных обществ. По мере развития торговых связей каждой из стран региона, объем их торговли с остальным миром рос медленнее, чем с другими странами Восточной Азии.

В то же время, важнейшим игроком на пространстве Восточной Азии на протяжении второй половины XX в. оставались США. Изменение роли Соединенных Штатов в экономическом сотрудничестве со странами региона сыграло важную роль в трансформации экономической системы Восточной Азии. После второй мировой войны экономика региона фактически попадает в зависимость от Соединенных штатов. Это проявлялось в экономической помощи, давшей старт экономическому подъему Японии, Южной Кореи и Тайваня, а впоследствии это стало проявляться в поддержке экономических реформ в Китае и в инвестициях, направляемых в регион. К концу 70-х гг. США были одним из главных торговых партнеров для всех восточноазиатских стран.

В период холодной войны политика США в отношении Восточной Азии определялась положением сил на международной арене и, в первую очередь состоянием американо-советских отношений. Однако противостояние в Восточной Азии не отличалось сложной структурой, как в некоторых других регионах мира. Все рассматриваемые нами страны в период наиболее острого противостояния между СССР и США находились в «орбите» Соединенных Штатов. Даже коммунистический Китай после ухудшения отношений с Советским Союзом смог наладить сотрудничество с Соединенными Штатами и впоследствии заручиться поддержкой лидера западного мира при проведении реформ. В то же время, Восточная Азия не являлась главным приоритетом для США ни в стратегическом, ни в экономическом смысле – основным экономическим центром оставалась Европа. Однако с ослаблением противостояния двух сверхдержав меняется значение и роль Америки в регионе. Главной сферой взаимоотношений безоговорочно становится экономика. Американский капитал устремляется в

регион в постоянно растущих объемах и тем самым вносит свой вклад в преобразование экономической системы региона. К концу 80-х гг. была заложена основа инвестиционного сотрудничества США и Восточной Азии, а в последующие десятилетия сфера торговли и инвестиций стала основой развития контактов между странами региона и крупнейшей мировой экономикой.

Опыт преобразований в странах Восточной Азии показал зависимость между расширением международной торговли и ростом кооперации внутри региона. Экономика становится основой развития сотрудничества между государствами, что приводит к росту взаимосвязанности процессов, происходящих в отдельных странах. Одновременно с увеличением объемов торговли и расширением инвестиционных потоков, складывается современная экономическая система региона. На рубеже 80-х и 90-х гг. Китаю занимает в ней второстепенное значение, но в последующие годы ситуация меняется.

ГЛАВА 2. 1990-Е ГГ. ОТ КРИЗИСОВ К РАЗВИТИЮ РЕГИОНАЛЬНЫХ ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ СЕТЕЙ

В период 1990-х Восточная Азия стала одним из главных центров мировой экономики. Доля региона в мировом ВВП к 1999 г. достигла почти 20%. Япония в 90-е гг. прочно закрепилась на месте второй экономики мира⁵⁹. В то же время, КНР вступила в фазу наиболее быстрого роста. Если в 1990 г. китайский ВВП вырос только на 3,9%, то уже в 1992 г. рост превысил 14%. К 1999 г. ВВП Китая превышал показатель десятилетней давности почти в три раза. Так же активно росла и внешняя торговля Китая. Доля КНР в мировой экономике за десять лет выросла с 1% до 5%⁶⁰. Развитие экономики Китая и увеличение объемов международной торговли привело к расширению взаимодействия с соседями по региону. Постепенно Китай стал одним из главных торговым партнеров для стран Восточной Азии. Так, к концу десятилетия Китай стал главным партнером Японии по импорту и вторым (после США) по экспорту⁶¹, похожие позиции Китай занял и среди торговых партнеров Южной Кореи и Тайваня⁶². Фактор развития торговых и инвестиционных связей между Китаем и странами региона стал основополагающим для развития всей Восточной Азии.

До конца 80-х гг. экономики всех стран Восточной Азии планомерно двигались вверх, незначительно подвергаясь влиянию неурядиц, возникавших на Западе. Но несмотря на впечатляющие успехи, такой подъем не мог продолжаться бесконечно. Экономическая политика стран региона,

59 GDP (current US\$) [Электронный ресурс] / The World Bank Group. – 2017. URL: <http://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.CD/>, режим доступа: свободный, дата обращения 26.05.2017.

60 Ibid.

61 Gaulier G., Lemoine F., Ünal-Kesenci D. China's integration in East Asia: Production sharing, FDI & high-tech trade // Economic Change and Restructuring. – 2007. – Т. 40. – №. 1-2. – С. 27-63.

62 Ibid

при всех позитивных результатах, не была сбалансирована на 100% и к рубежу 80-90-х гг. просчеты и ошибки прежних лет стали приводить к последствиям.

С самого начала экономических реформ власти Японии поддерживали высокий курс иены и стимулировали накопление средств среди населения. Эти меры, делавшие экспорт выгодным для японских предприятий и повышавшие устойчивость экономической системы к внешним рискам, с одной стороны привели к высокому торговому профициту страны, а с другой привели избытку средств в банковской системе. Большие сбережения увеличили доступность кредитования, а высокий курс валюты сделал биржевые инструменты чрезвычайно прибыльными.

С середины 80-х гг. японские компании просто «сорили деньгами». Бизнесмены вкладывались в высокорисковые активы, принимали предложения с крайне завышенными ценами (так, например в 1985 г. Mitsubishi Group выкупила здание Рокфеллеровского центра в Нью-Йорке по цене в два раза превышающей рыночную⁶³). Банки, подвергнувшись той же тенденции, стали чаще выдавать ненадежные кредиты. Эйфория относительно перспектив японской экономики, недооценка рисков финансовыми институтами и компаниями, а также несвоевременные меры Банка Японии запустили процесс раздувания спекулятивного «пузыря» на финансовом рынке и рынке недвижимости.

В результате агрессивных спекуляций индекс Nikkei 225 (важнейший фондовый индекс Японии, отражающий показатели 225 крупнейших компаний страны) достиг своего исторического максимума в 1989 г. В том же году на пике оказались цены на недвижимость в Токио. Так, стоимость

63 Japanese scrap \$2 billion stake in Rockefeller [Электронный ресурс] / The New York Times. – 1995. URL: <http://www.nytimes.com/1995/09/12/business/japanese-scrap-2-billion-stake-in-rockefeller.html?pagewanted=all&mcubz=0/>, режим доступа: свободный, дата обращения 26.05.2017.

одного квадратного метра в районе Гиндза достигала 1 млн долларов. Цены на объекты недвижимости в Токио были в 350 раз выше цен на одинаковые по классу объекты в Нью-Йорке.

«Перегрев» японской экономики оказался неизбежен и уже в 1990 году «пузырь» стал лопаться. Достигнув максимальной отметки, маятник цен на японском рынке недвижимости и в сфере финансов качнулся вниз. Падение цен спровоцировало панику среди инвесторов и вызвало лавину продаж. К августу 1991 г. индекс Nikkei упал в половину от своих максимальных значений и продолжил снижение в последующие несколько лет. То же самое произошло с ценами на недвижимость. Курс иены вырос до исторического максимума, что пошатнуло позиции японских экспортеров⁶⁴. Эйфория сменилась затяжной экономической депрессией, а 90-е гг. получили название «Потерянного десятилетия»⁶⁵. С этого момента в Японии наблюдался уникальный феномен «стагфляции наоборот», когда при общем замедлении экономики, цены на товары также падали. В результате, темпы роста японского ВВП с 1992 г. лишь в редкие годы превышали 2%, а зачастую оказывались отрицательными. Хотя Япония еще более чем полтора десятка лет оставалась второй экономикой мира, ее отрыв от конкурентов и, в первую очередь от Китая, стремительно сокращался.

Последствия краха японской «экономики пузыря» оказали влияние на развитие не только Японии, но и других стран Восточной Азии. Больше остальных от этого кризиса пострадал Тайвань, для которого Япония в этот период являлась главным торговым партнером. В результате сокращения объемов внешней торговли серьезное давление оказывалось на тайваньскую

64 Japanese Yen 1972-2017 [Электронный ресурс] / Trading Economics. – 2017. URL: <https://tradingeconomics.com/japan/currency/>, режим доступа: свободный, дата обращения 01.06.2017.

65 Hayashi F., Prescott E. C. The 1990s in Japan: A lost decade // Review of Economic Dynamics. – 2002. – Т. 5. – №. 1. – С. 206-235.

валюту. Так, в 1992 г. новый тайваньский доллар достиг самой низкой отметки в истории⁶⁶. Кроме того, можно говорить о том, что японский кризис стал одним из катализаторов углубления экономического сотрудничества между Тайванем и КНР. Сокращение торговли с Японией заставило также и корейские компании обратить большее внимание на развитие контактов с Китаем⁶⁷. Крах японского «пузыря» показал растущий уровень взаимозависимости экономик Восточной Азии. Несмотря на то, что прямым образом от кризиса пострадала только Япония, эхо этого катаклизма прокатилось по всему региону.

Однако уроки краха японской экономики «пузыря» не были учтены правительствами других азиатских стран, что всего через несколько лет привело к новым проблемам в регионе. Азиатский финансовый кризис 1997-1998 гг. также начался с раздувания пузыря и в целом, его предпосылки были похожи на причины японского обвала на рубеже 80-90-х гг. Этот кризис оказал влияние на экономики всех стран Азиатско-Тихоокеанского региона, но в первую очередь от него пострадали страны Юго-Восточной Азии – Таиланд, Индонезия и Малайзия. В Восточной Азии больше остальных подверглась его действию Южная Корея, в меньшей, но также значительной степени кризис повлиял на Китай, Тайвань и Японию.

К началу второй половины 1990-х гг. на фоне высоких темпов роста экспортных доходов, а также увеличивающихся объемов иностранных инвестиций, в финансовой среде «Азиатских тигров» и НИС Юго-Восточной Азии царил эйфория. Цены на недвижимость достигали заоблачных высот, бизнесмены вкладывались в высокорисковые активы, государственные

66 Taiwanese Dollar 1979-2017 Data [Электронный ресурс] / Trading Economics. – 2017. URL: <http://www.tradingeconomics.com/taiwan/currency/>, режим доступа: свободный, дата обращения 26.05.2017.

67 Gold T. B. The Taiwan-China Connection: Democracy and Development Across the Taiwan Straits //Political Science Quarterly. – 1997. – Т. 112. – №. 3. – С. 515-517.

власти щедро финансировали затратные инфраструктурные проекты, которые, как и рыночные сделки, часто финансировались из заемных банковских средств⁶⁸.

Но, как и в случае с Японией, такой процесс не мог продолжаться долго и в результате «пузырь» лопнул. Триггером стал крах тайского рынка недвижимости и банкротство крупнейшего банка страны, произошедшие в начале 1997 г., что привело к стремительному падению курса национальной валюты Таиланда – бата. В последующие несколько месяцев похожие события произошли и в ряде других стран Юго-Восточной Азии. Последствия Азиатского финансового кризиса отразились на множестве экономик мира, в том числе и на российской.

Южная Корея ощутила на себе удар кризиса к концу 1997 г. Это прямым образом сказалось на состоянии внешней торговли Кореи, а итогом стало падение корейского ВВП в 1998 г. более чем на 5%⁶⁹. Среди причин резкого усугубления экономической ситуации в Корее выделяют ошибки в управлении крупных промышленных конгломератов и коррумпированность их руководства, а также просчеты государственной экономической политики. К моменту начала кризиса почти три четверти крупнейших южнокорейских компаний фактически были неспособны покрыть собственные издержки, при этом руководство компаний, имея легкий доступ к заемным средствам, не предпринимало действий для выхода из этой ситуации. Неэффективность управления также была вызвана неравномерным распределением голосов в советах директоров компаний. В 1996 г. 68% голосов в чеболях

68 Corsetti G., Pesenti P., Roubini N. What caused the Asian currency and financial crisis? // Japan and the world economy. – 1999. – Т. 11. – №. 3. – С. 305-373.

69 GDP (current US\$) [Электронный ресурс] / The World Bank Group. – 2017. URL: <http://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.CD/>, режим доступа: свободный, дата обращения 26.05.2017.

контролировались акционерами, владевшими лишь 23% акций⁷⁰. Такое положение вещей не стимулировало руководство компаний к разрешению насущных проблем, а советы директоров фактически занимались «перекачкой денег», загоняя компании в долги. В то же время, корейское правительство искусственно поддерживало высокий курс национальной валюты – воны, опираясь на валютные резервы. Однако ухудшение ситуации на зарубежных рынках привело к резкому обострению проблем в корейской экономике. С одной стороны, ухудшение конъюнктуры ударило по чеболям (в частности, в результате кризиса обанкротилась одна из крупнейших компаний Южной Кореи – Daewoo⁷¹), с другой стороны перемены на мировых рынках и сокращение национальных резервов вынудили корейское руководство отпустить вону в свободное плавание. В результате, всего за несколько дней ноября-декабря 1997 г. курс корейской воны упал почти в два раза⁷², резко возросла инфляция.

Благодаря своевременной помощи Международного валютного фонда, тяжелых последствий Азиатского финансового кризиса удалось избежать. Для стабилизации валют наиболее пострадавшим странам, в том числе Южной Корее были предоставлены краткосрочные займы. Кроме того, МВФ обязал правительства этих государств внести коррективы в экономическую политику, повысить налоги и ограничить бюджетные траты. В результате, уже концу 1999 г. пострадавшие государства смогли восстановиться от

70 Kim E. H., Kim W. Changes in Korean corporate governance: a response to crisis //Journal of Applied Corporate Finance. – 2008. – Т. 20. – №. 1. – С. 47-58.

71 The death of Daewoo [Электронный ресурс] / The Economist. – 1999. URL: <http://www.economist.com/node/233562/>, режим доступа: свободный, дата обращения 26.05.2017.

72 South Korean Won 1981-2017 Data [Электронный ресурс] / Trading Economics. – 2017. URL: <http://www.tradingeconomics.com/south-korea/currency>, режим доступа: свободный, дата обращения 26.05.2017.

последствий экономических потрясений. Так, ВВП Кореи в 1999 г. вырос более чем на 10% ⁷³.

Кризис стал причиной серьезных перемен в политической и экономической сферах Республики Корея. В корейском обществе вырос запрос на реформы, на очередных президентских выборах в декабре 1997 г. к власти пришел оппозиционный кандидат Ким Дэ Чжун, ставший лидером преобразований, выведших страну из кризиса. Кроме того, была реформирована юридическая база деятельности чеболей. Их активность стала более прозрачной для властей и общественности. Одним из средств достижения этой цели стало снижение барьеров для иностранных компаний при входе на корейский рынок и упрощение условий для приобретения иностранцами долей в корейских компаниях.

Хотя и в меньшей степени, но кризис отразился также и на других странах региона. Япония, переживавшая последствия провала «экономики пузыря» в период кризиса испытывала трудности в международной торговле и, несмотря на призывы стран региона к увеличению объемов торговли, не смогла сыграть роль в стабилизации экономических процессов на пространстве Восточной Азии. Как в 1997 г. заявил премьер-министр Японии Рютаро Хасимото: «Японии следует позаботиться о своих проблемах. Мы не настолько самоуверенны, чтобы взять на себя роль локомотива азиатской экономики» ⁷⁴.

73 GDP (current US\$) [Электронный ресурс] / The World Bank Group. – 2017. URL: <http://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.CD/>, режим доступа: свободный, дата обращения 26.05.2017.

74 China's Decisive Role in the Asian Financial Crisis [Электронный ресурс] / Boston University. – 1998. URL: <https://www.bu.edu/globalbeat/pubs/ib24.html/>, режим доступа: свободный, дата обращения 26.05.2017.

Тайваню также не удалось избежать последствий кризиса. Являясь одним из крупнейших иностранных инвесторов в Юго-Восточной Азии, Тайвань ощутил на себе удар в период разгара кризиса в этих странах. Сокращение показателей международной торговли и падение курса национальной валюты (новый тайваньский доллар в период кризиса достиг одного из самых низких показателей в истории⁷⁵) стали главными результатами падения торговли со странами АСЕАН. Но тем не менее, даже в пик кризиса, рост ВВП Китайской республики не принимал отрицательных значений. Причиной такого иммунитета Тайваня стало то, что, несмотря на высокие темпы роста экономики и развитие международной торговли, властям острова удалось не допустить высокой доли спекулятивных операций и возникновения «пузыря» в финансовой сфере страны.

Падение на азиатских рынках сказалось и на экономике КНР. В 1998 г. экспорт из Китая почти не вырос, в то время как годом ранее, рост этого показателя превысил 20%⁷⁶. Подорожание импорта привело к росту торгового дефицита КНР со странами Азии. Но в то же время, ухудшение экономической ситуации в НИС позволило Китаю потеснить их позиции на американском и других рынках. По той же причине Китаю удалось «перетянуть на себя» часть иностранных инвестиций из западных стран. Кроме того, в период кризиса КНР впервые выступил как один из лидеров региона. Будучи, к моменту кризиса уже второй экономикой Азии, Китай оказывал значительное влияние на состояние дел в регионе. Твердое положение китайской валюты (и как следствие сохранение цен на китайские экспортные товары), позволило сохранить конкурентоспособность

75 Taiwanese Dollar 1979-2017 Data [Электронный ресурс] / Trading Economics. – 2017. URL: <http://www.tradingeconomics.com/taiwan/currency/>, режим доступа: свободный, дата обращения 26.05.2017.

76 Fang Z., Xiao G. China in the Context of the Asian Financial Crisis // China Review. – 1999. – С. 165-178.

пострадавших от кризиса экономик, торговавших с Китаем. Как отмечал занимавший должность вице-премьер Госсовета КНР Лун: «Если бы Китай девальвировал валюту, это привело бы к катастрофе»⁷⁷.

Азиатский финансовый кризис стал важной вехой на пути развития экономики Восточной Азии. Несмотря на негативные последствия, кризис показал растущую взаимосвязанность экономик региона. Кроме того, события кризиса стали сигналом о перемещении экономического центра в Восточной Азии.

Другим фактором становления Китая в качестве мощной региональной державы, стало возвращение под свой контроль Гонконга и Макао. В 1997 г. под юрисдикцию КНР передается британский Гонконг португальская, а в 1999 г. под китайское управление переходит колония Макао. Хотя соглашения о передаче этих территорий были заключены еще в 80-е гг., существовали опасения, что этот процесс может осложниться и привести к ухудшению отношений между Китаем и Западом. Однако передача власти прошла относительно гладко, Гонконг и Макао на 50-ти летний срок получили статус особых административных районов, сохранив автономию. Переход под контроль КНР привел к еще большей интеграции этих территорий в китайскую экономику, а сохранение их политической автономии подтвердило стремление Китая к развитию сотрудничества с остальным миром, что оказало позитивное влияние на инвестиционную привлекательность страны.

Одной из главных особенностей развития экономики Восточной Азии в 90-е гг. стало развитие процессов трансграничного раздела производства и

77 China's Decisive Role in the Asian Financial Crisis [Электронный ресурс] / Boston University. – 1998. URL: <https://www.bu.edu/globalbeat/pubs/ib24.html/>, режим доступа: свободный, дата обращения 26.05.2017.

создания международных производственных сетей ⁷⁸. Трансграничный раздел производства – это процесс переноса компаниями своих производственных мощностей за рубеж, обусловленный стремлением сократить производственные, транспортные и другие издержки, в результате такого переноса возникают международные производственные сети. Такие сети, как одна из особенностей международного разделения труда, стали интенсивно развиваться с конца 60-х гг.⁷⁹. Изначально они возникли в секторах электронной и текстильной промышленности, но постепенно распространились на многие другие сферы. На 90-е гг. пришелся резкий подъем развития процессов трансграничного раздела производства. В 1992 г. мировой рынок «полуфабрикатов» - компонентов и частей, используемых в дальнейшем производстве, оценивался в \$337млрд., а уже в 2000 г. он превысил \$1 трлн. Ежегодный прирост за этот период в среднем составлял 18%. К 2000 г. такие товары составляли четверть мировой торговли.

Восточная Азия стала эпицентром развития этих процессов. Начало участия стран региона в международном разделе производства было положено задолго до 90-х гг. Так, например, в 1982 г. в Соединенных Штатах начался выпуск японских автомобилей Honda, а в 1984 г. там же начал работу завод южнокорейской компании Samsung. Однако именно в 90-е гг. такая практика получила широкие масштабы, и во многом это было связано с развитием экономики Китая.

Катализаторами процесса трансграничного раздела производства в Восточной Азии стали несколько факторов. Во-первых, это удобное географическое расположение и гетерогенность экономик региона – т.е.

78 Kimura F. International production and distribution networks in East Asia: Eighteen facts, mechanics, and policy implications //Asian Economic Policy Review. – 2006. – Т. 1. – №. 2. – С. 326-344.

79 Athukorala P. Product fragmentation and trade patterns in East Asia //Asian Economic Papers. – 2005. – Т. 4. – №. 3. – С. 1-27.

разные страны обладали разными экономическими преимуществами. Во-вторых, это колебания валютных курсов развитых стран региона. Из-за повышения курсов национальных валют в конце 80-90х гг. производство в Японии, Южной Корее и Тайване стало дорожать, а конкурентоспособность товаров, произведенных в этих странах сокращаться. Решением этой проблемы стал перенос производства в страны с более выгодными экономическими условиями. И в-третьих, этому способствовали перемены в стратегиях экономического развития в Китае и странах Юго-Восточной Азии, а именно работа по расширению международной торговли и привлечению иностранных инвестиций.

Процесс трансграничного раздела производства развивался по-разному в каждой из стран региона. Если Японии удалось создать собственную базу высокотехнологичного производства, то Южной Корее и Тайваню в 90-е гг. по-прежнему часто приходилось опираться на зарубежные разработки. Это обстоятельство обусловило различия при переносе производства из этих государств в Китай и другие страны: Корея и Тайвань переносили более техноемкое производство, чем Япония. В то же время, предприятия всех этих стран объединяло то, что главным стимулом переноса производства для них изначально являлось сокращение издержек при производстве экспортных товаров, а не, например, облегчение доступа на внутренний китайский рынок или сокращение таможенных сборов и налоговой нагрузки.

Развитие международных производственных сетей стало одной из основ быстрого подъема промышленности в Китае, стало катализатором развития собственного производства в стране, а благодаря увеличению производства экспортных товаров, объемы международной торговли КНР стали быстро расти. Китай стал «перевалочным пунктом» для японских, корейских и тайваньских производителей: предприятия этих стран экспортировали в Китай части и компоненты собственных товаров, впоследствии уже готовые изделия экспортировались из Китая обратно в

страны региона, а также на другие мировые рынки. Вовлечение Китая в торгово-производственную структуру восточноазиатских компаний стало важным фактором дальнейшей торговой экспансии Китая. К середине 90-х гг. около 46% всего китайского экспорта составляли товары иностранных компаний, произведенные на территории КНР⁸⁰. На протяжении 90-х гг. этот показатель продолжал расти и к 2000 г. превысил 55%⁸¹. Примерно ту же долю комплектующие составляли и в структуре китайского импорта. Очевидно, что не весь экспорт и импорт из этой категории приходился на компании из стран Восточной Азии, тем не менее, именно соседи Китая по региону стали главной силой в развитии «полуфабрикатного» производства в КНР. В середине 90-х гг. доля компонентов и полуфабрикатов в общей торговле Китая с НИС составляла более 60%, в торговле с Японией – 40%⁸² (в то время как в торговле с Европой и Америкой этот показатель колебался на уровне около 10%).

Кроме того, углубление процесса трансграничного раздела производства стало способом развития технологического потенциала КНР. Одновременно с увеличением объемов торговли компонентами и ростом экспорта технологичных товаров, местные производители накапливали опыт. В начале 90-х гг. доля Китая в общемировом экспорте высокотехнологичных товаров колебалась на уровне 0%, а уже к концу десятилетия на КНР приходилось около 5%. При этом более 70% высокотехнологичного импорта Китая приходилось на страны Восточной Азии, большую часть которого

80 Gaulier G., Lemoine F., Ünal-Kesenci D. China's integration in East Asia: Production sharing, FDI & high-tech trade // *Economic Change and Restructuring*. – 2007. – Т. 40. – №. 1-2. – С. 27-63.

81 Ibid

82 Liu X., Wang C., Wei Y. Causal links between foreign direct investment and trade in China // *China economic review*. – 2001. – Т. 12. – №. 2. – С. 190-202.

составляли части и комплектующие для дальнейшего производства⁸³. Таким образом, развитие сотрудничества с соседями по региону стало определяющим в процессе технологического развития Китая. Но стоит отметить, что развитие собственных мощностей в Китае происходило не такими высокими темпами. К началу 2000-х гг. менее трети всего высокотехнологичного экспорта КНР приходилось на китайские компании.

Вовлечение Восточной Азии в трансграничные производственные сети увеличилось и за пределами региона. К 2000 г. доля Восточной Азии в общемировом экспорте производственных компонентов увеличилась почти до 40%.⁸⁴

В целом трансграничный раздел производства стал основой развития экономического сотрудничества между странами Восточной Азии. Строительство международных производственных сетей привело к повышению уровня взаимозависимости экономик региона. Можно говорить о том, что эта сфера экономической интеграции стала залогом подъема и сбалансированного развития для всего региона. Расширение производственных сетей и, как следствие, повышение конкурентоспособности, позволили компаниям из региона выйти на новый уровень. Удешевление производства упростило выход восточноазиатских компаний на мировой рынок.

Развитие международных производственных сетей в регионе серьезно повысило роль Восточной Азии в общемировой торговле, но это привело также и к перераспределению торговых потоков из региона. Рост поставок

83 Haddad M. Trade integration in East Asia: the Role of China and production networks. // The World Bank. – 2007. – №. 4160.

84 Athukorala P. Product fragmentation and trade patterns in East Asia // Asian Economic Papers. – 2005. – Т. 4. – №. 3. – С. 1-27.

дешевой китайской продукции на мировые рынки привел к оттеснению позиций Японии и НИС, и росту доли Китая в мировой торговле.

Сокращение роста и падение уровня промышленного производства в отдельных сферах в Японии, Южной Корее и на Тайване стало прямым следствием развития процессов переноса производства. Вследствие того, что значительная часть трудоемких технологических процессов была перенесена на зарубежные предприятия – в первую очередь Китай и страны Юго-Восточной Азии, компании стали сокращать мощности в «родных» странах. Это обстоятельство стало причиной развития общественно-политических дискуссий в странах региона. Некоторые эксперты связывали замедление сферы промышленности с возможным риском сокращения темпов экономического роста в регионе, возникновения негативных последствий для рынка рабочей силы, финансовой и налоговой сферы, деиндустриализацией и последующим развитием отрицательных социальных тенденций. Тем не менее, наиболее технологичные производства за рубеж не переносились, а развитие международной торговли и связанных с ней отраслей, привело к подъему секторов экономики, не связанных с промышленным производством. Кроме того, развитие международных производственных сетей, позволило компаниям из Восточной Азии повысить свою конкурентоспособность на мировых рынках и занять лидирующие позиции в своих отраслях.

Одновременно с этим ряд экспертов высказывали опасения, связанные с чрезмерно интенсивным развитием процессов переноса зарубежных производственных мощностей в Китай⁸⁵. Это создавало трудности для местных производителей, не обладавших опытом и технологическим потенциалом своих иностранных конкурентов, что могло привести к

85 Lemoine F., Ünal-Kesenci D. Assembly trade and technology transfer: the case of China // World development. – 2004. – Т. 32. – №. 5. – С. 829-850.

углублению технологического разрыва между Китаем и развитыми странами Азии. Разумеется, китайские производители вели собственные разработки и уже тогда внедряли инновации, однако темпы технологического прогресса в Китае серьезно уступали ведущим странам мира. Однако здесь сыграло роль наличие у КНР тех конкурентных преимуществ, которые позволили стране в короткий срок перейти к быстрому экономическому росту, а также политика правительства, стимулировавшего предпринимательскую инициативу среди граждан. С одной стороны, в условиях экономической модернизации и роста промышленности, с каждым годом в китайские города прибывало все большее число рабочих, пополнявших трудовую армию, как иностранных предприятий, так и китайских компаний. В условиях наличия большого количества дешевой рабочей силы и недостатка собственных технологических разработок, решением для китайских бизнесменов стало копирование товаров иностранных компаний. Это породило феномен знаменитых китайских подделок, надолго закрепивших за Китаем славу главного в мире источника низкокачественной продукции массового потребления. Особую роль в этом процессе сыграло несовершенство законодательства в сфере интеллектуальной собственности⁸⁶. Это обстоятельство сильно било по имиджу китайской экономической системы за рубежом и мешало развитию сотрудничества с иностранными партнерами, но этот период стал переходным этапом на пути к возникновению собственной сферы R&D в Китае. Благодаря расширению сотрудничества китайских производителей с зарубежными компаниями – зачастую крупнейшими мировыми корпорациями, лидерами в своих областях, китайские компании накапливали бесценный опыт развития производства и внедрения инноваций.

86 Bosworth D., Yang D. Intellectual property law, technology flow and licensing opportunities in the People's Republic of China // *International Business Review*. – 2000. – Т. 9. – №. 4. – С. 453-477.

Другие опасения о будущем китайской экономики также были связаны с развитием технологий. На рубеже веков некоторые эксперты выдвигали прогнозы о скором массовом внедрении производственных роботов и автоматизации производства в развитых странах, что должно было значительно снизить стоимость производства товаров благодаря сокращению количества необходимой рабочей силы⁸⁷. Это также помогло бы снизить издержки на логистические расходы, поскольку пропала бы необходимость в переносе капиталоемких производств в развивающиеся страны. Однако с ходом времени стало понятно, что таких быстрых и революционных изменений не произойдет. Внедрение промышленных роботов зачастую не оправдывало издержек, и поэтому дешевая рабочая сила Китая и других развивающихся стран на долгие годы стала главным двигателем мирового производства. А развитие международных производственных сетей осталось основой развития торгово-инвестиционных отношений в Восточной Азии.

Благодаря укреплению экономического сотрудничества доля внутрирегиональной торговли в Восточной Азии к 2000 г. превысила 52%⁸⁸. При этом большая доля этой торговли приходилась на импорт – он превысил 64% от общего объема импорта региона. Доля внутрирегионального экспорта оказалась скромнее – 45% от общего объема экспорта региона, однако это объяснялось тем, что все страны Восточной Азии были ориентированы на экспорт, значительная часть которого направлялась в развитые страны Запада. Одновременно с этим объемы торговли КНР с Южной Кореей и

87 Athukorala P. Product fragmentation and trade patterns in East Asia //Asian Economic Papers. – 2005. – Т. 4. – №. 3. – С. 1-27.

88 Athukorala P. Product fragmentation and trade patterns in East Asia //Asian Economic Papers. – 2005. – Т. 4. – №. 3. – С. 1-27.

Японией продолжали расти быстрее, чем с остальным миром⁸⁹. Одной из причин этого стало увеличение объемов импорта в КНР из Кореи и Японии, при этом рост корейского импорта значительно опережал японский. Так, первой половине 90-х гг. ежегодные темпы роста импорта из Южной Кореи в Китай в среднем превышали 60%, а из Японии – 20%⁹⁰.

Структура внутрирегионального товарооборота также подверглась изменениям, связанным с развитием трансграничных производственных сетей: в ней сократилась доля сырья, товаров текстильной и пищевой промышленности, выросла доля товаров машиностроения и электронной промышленности⁹¹

Развитию международных производственных сетей и расширению торгового сотрудничества между странами Восточной Азии способствовали растущие объемы региональных инвестиционных потоков. Настоящим магнитом для иностранных инвестиций стал Китай – это напрямую связано с увеличением объемов производства и укреплением индустриального потенциала страны, а также с целенаправленной политикой властей по привлечению иностранного капитала.

Для поддержания и расширения объемов иностранных инвестиций Китай продолжил политику создания особых экономических зон. В начале 90-х гг. Началось создание промышленных зон высокотехнологического развития, зон с особыми условиями таможенных сборов и налогообложения,

89 Chan S., Kuo C. C. Trilateral Trade Relations among China, Japan and South Korea: Challenges and Prospects of Regional Economic Integration //East Asia: An International Quarterly. – 2005. – Т. 22. – №. 1.

90 Ibid.

91 Chan S., Kuo C. C. Trilateral Trade Relations among China, Japan and South Korea: Challenges and Prospects of Regional Economic Integration //East Asia: An International Quarterly. – 2005. – Т. 22. – №. 1.

были созданы первые особые приграничные районы, «открытые» порты на реке Янцзы. Таким образом сложилась сложная система особых экономических районов, расширилась география иностранных инвестиций в стране, стал сокращаться разрыв между прибрежными и внутренними районами, но особые зоны продолжили оставаться главным получателем инвестиций в стране, на остальные районы Китая приходилось менее четверти от всего объема вложений⁹².

Благодаря такой политике и вовлечению в международные производственные сети, на протяжении 90-х гг. объемы иностранных инвестиций в китайскую экономику росли быстрыми темпами. Так, если еще в конце 80-х - начале 90-х гг. по общему объему принятых иностранных инвестиций КНР в мировом рейтинге не входила даже в десятку, то уже к середине десятилетия, Китай занимал вторую строчку в этом списке⁹³. В 1993 г. Китай стал крупнейшим получателем ПИИ среди развивающихся стран (и сохраняет эту позицию до сегодняшнего дня). В 1995 г. общий объем иностранных инвестиций в КНР превышал показатель в 5% ВВП⁹⁴. Азиатский финансовый кризис на некоторое время сократил темпы прироста ПИИ, но в дальнейшем их поток увеличивался вплоть до кризиса 2008 г.

Развитие трансграничных производственных каналов также стало причиной увеличения числа предприятий, открываемых иностранными

92 Cheng L. K., Kwan Y. K. What are the determinants of the location of foreign direct investment? The Chinese experience // Journal of international economics. – 2000. – Т. 51. – №. 2. – С. 379-400.

93 Foreign direct investment, net inflows (BoP, current US\$) [Электронный ресурс] / The World Bank Group. – 2017. URL: http://data.worldbank.org/indicator/BX.KLT.DINV.CD.WD?end=2004&start=1970&year_high_desc=true/, режим доступа: свободный, дата обращения 26.05.2017.

94 Foreign direct investment, net inflows [Электронный ресурс] / The World Bank. – 2017. URL: <http://data.worldbank.org/indicator/BX.KLT.DINV.CD.WD/>, режим доступа: свободный, дата обращения 26.05.2017.

бизнесменами. До начала девяностых годов лишь несколько процентов от общего объема инвестиций приходились на предприятия со 100% участием иностранного капитала. Однако в 90-е гг. доля таких инвестиций серьезно возросла и к середине десятилетия такие проекты составляли уже 37% от общего объема инвестиций⁹⁵.

Росли и объемы инвестиций в КНР, поступающие из соседних стран Восточной Азии. Такие инвестиции первую очередь направлялись в производственную сферу с целью сокращения издержек и повышения конкурентоспособности товаров на мировом уровне. Завоевание внутреннего китайского рынка оставалось второстепенной задачей. Это объясняет факт того, что прямые иностранные инвестиции на протяжении всех 90-х гг. составляли более 90% всех иностранных вложений в китайскую экономику. Доля портфельных инвестиций и зарубежных займов не превышала нескольких процентов⁹⁶.

В 90-е гг. более 60% всех иностранных инвестиций поступали в КНР из Восточной Азии. Однако такие показатели достигались не за счет высокой роли Японии, Южной Кореи или Тайваня, а за счет того, что источником более половины всех капиталовложений из региона являлся Гонконг⁹⁷. Как и в предыдущий период этот город занял «промежуточную» роль между Китаем и остальным миром. Гонконгские компании имели богатый опыт работы, как с китайскими, так и мировыми бизнесменами, и смогли занять важное место в цепочках производственных сетей. После перехода Гонконга под контроль КНР стала расти доля реинвестиций в КНР. Китайские бизнесмены стали использовать Гонконг как «тихую гавань» для своих

95 Pan Y. Influences on foreign equity ownership level in joint ventures in China // *Journal of International Business Studies*. – 1996. – С. 1-26.

96 Françoise L. FDI and the Opening Up of China's Economy // *Document de travail du CEPII*. – 2000. – №. 2000-11.

97 Ibid.

капиталов: доходы выводились с территории КНР в Гонконг, а после фиксации прибылей в виде инвестиций возвращались в китайскую экономику. Похожие процессы, но в меньших масштабах, развивались в Сингапуре.

Японские компании в этот период активно расширяли производственную базу в КНР. Активно создавались совместные предприятия, участие японского капитала расширялось в самых разных сферах, от электроники до обрабатывающей промышленности. На протяжении 90-х гг. Япония оставалась вторым крупнейшим источником инвестиций в КНР (После Гонконга)⁹⁸. Хотя важность внутреннего рынка Китая по-прежнему была невысокой, в этот период японские компании уделяют этому направлению все больше внимания. Вместе с ростом китайской экономики, росло и благосостояние местного населения и, как следствие, спрос на потребительские товары. В КНР начинают работу предприятия японских автогигантов, компании других специализаций все больше ориентируются на местный рынок. Замедление, вызванное крахом «экономики пузыря» не помешало выходу японского капитала в Китай, а в определенной мере даже поспособствовало этому – компании из Японии более активно включились в процессы трансграничного переноса производства.

Увеличение объема инвестиций из Южной Кореи было обусловлено не только укреплением позиций корейских компаний на международных рынках, но и с началом официального экономического сотрудничества Между Республикой Корея и Китаем. Дипломатические отношения между

98 Ali S., Guo W. Determinants of FDI in China // Journal of global business and technology. – 2005. – Т. 1. – №. 2. – С. 21-33.

двумя странами были установлены в 1992 г.⁹⁹. Тогда же южнокорейские инвестиции стали официально поступать в Китай. На протяжении 90-х гг. объемы корейского капитала, поступающего в КНР, оставались сравнительно невысокими – по этому показателю Корея отставала от Японии и Тайваня. Это объяснялось, как продолжающимся становлением крупнейших корейских компаний, так и последствиями финансового кризиса 1997-1998 гг., серьезно ударившего по корейской экономике. Однако, как и в случае с торговлей, инвестиционные потоки между Кореей и Китаем росли быстрее, чем между другими странами региона, и уже через несколько лет Республика Корея заняла место одного из главных источников инвестиций в китайскую экономику.

Правительство Тайваня в 90-е гг. продолжило постепенное ослабление ограничений для своих бизнесменов и они стали получать больше возможностей для вложения капитала в континентальный Китай. Если до начала 90-х гг., по данным тайваньской статистики в КНР поступало 0% всех зарубежных инвестиций Тайваня, то уже в 1994 этот показатель превысил 33%¹⁰⁰, а Китай стал главным получателем инвестиций с острова. В тот же период на Тайвань приходилось около 8% всех ПИИ в Китае¹⁰¹. Главной отраслью, в которую поступали инвестиции с острова, стала сфера

99 Zhonghan guangxi [Электронный ресурс] / Zhonghua renmin gongheguo zhuda hanminguo dashiguan. – 2017. URL: <http://www.chinaemb.or.kr/chn/zhgx/shuangbian/t720117.htm/>, режим доступа: свободный, дата обращения 26.05.2017.

100 Zhang K. H. Why does so much FDI from Hong Kong and Taiwan go to Mainland China? // China Economic Review. – 2005. – Т. 16. – №. 3. – С. 293-307.

101 Françoise L. FDI and the Opening Up of China's Economy // Document de travail du CEPII. – 2000. – №. 2000-11.

электроники¹⁰² – тайваньский капитал сыграл важную роль в становлении высокотехнологичного потенциала КНР.

Оставаясь крупнейшим получателем прямых иностранных инвестиций в регионе, в 90-е гг. Китай постепенно принимает на себя роль источника инвестиций, а китайские компании начинают выход на мировые рынки. Например, в 1994 г. в Соединенных Штатах открылся завод компании Fuyao Glass Industry Group – крупнейшего китайского производителя автостекла, а в том же году в США начало работу предприятие компании Wanxiang Group¹⁰³ – крупнейшего китайского производителя автомобильных запчастей. Эти вложения стали лишь началом большого «похода» китайских бизнесменов по миру, который развернулся в последующих десятилетиях. Развитие международных контактов китайского бизнеса не только помогало накапливать опыт и перенимать новые технологии, но также укрепляло вовлечение всего региона в мировую экономику. Компании из Восточной Азии расширяли свое представительство на мировых рынках, благодаря чему доля и значение региона в глобальной экономике увеличивались.

Таким образом, в 90-е гг. структура инвестиционных потоков в регионе приобретает все более сложную структуру. С одной стороны, несмотря на кризисные явления, развивавшиеся в странах Восточной Азии в разные периоды, инвестиционное сотрудничество интенсифицируется. В то же время, главную роль в системе этих отношений занимает Китай – он становится главным получателем инвестиций и занимает место главного инвестиционного партнера для всех стран региона. Взаимозависимость

102 Zhang K. H. Why does so much FDI from Hong Kong and Taiwan go to Mainland China? // China Economic Review. – 2005. – Т. 16. – №. 3. – С. 293-307.

103 Wangxiang Technical Center [Электронный ресурс] / Wangxiang America Corporation. – 2017. URL: <http://www.wanxiang.com/powrepoint.html/>, режим доступа: свободный, дата обращения 26.05.2017.

экономик региона продолжает расти, а роль Восточной Азии в движении общемировых инвестиционных потоков увеличивается.

Для защиты внутренних рынков от конкуренции зарубежных товаров, а также для поддержания роста производства все страны Восточной Азии в той или иной мере прибегали к селективной торговой политике. Это проявлялось в высоких таможенных пошлинах на определенные группы товаров с одной стороны, и стимулировании экспортоориентированных отраслей с другой. Китай с самого начала реформ придерживался такой политики, однако применялась она с учетом особенностей развития китайской экономики. Так, одновременно с установлением высоких таможенных пошлин на определенные виды товаров, продукция, ввозимая для использования в дальнейшем производстве готовых товаров (комплектующие, части и т.д.) освобождалась от пошлин, либо облагалась по сниженной ставке¹⁰⁴. Хотя на протяжении 90-х гг. китайское правительство последовательно снижало таможенные пошлины (с 1992 по 1998 гг. средняя ставка пошлины снизилась с 41% до 16.8%¹⁰⁵), такая политика стала одним из факторов подъема промышленного производства и развития новых отраслей в стране, стимулировала приток капитала из-за рубежа.

В то же время власти Китая продолжили политику девальвации национальной валюты. С 1990 г. до середины десятилетия, курс юаня понизился более чем в половину, и составлял уже более 8 юаней за доллар. В 1994 г. был установлен исторический минимум – курс юаня достиг отметки в 8,62 за доллар. Расширение масштабов международной торговли и стабильно высокие темпы роста ВВП позволили китайским властям зафиксировать курс

104 Chen B., Feng Y. Openness and trade policy in China: an industrial analysis // *China Economic Review*. – 2002. – Т. 11. – №. 4. – С. 323-341.

105 Gaulier G., Lemoine F., Ünal-Kesenci D. China's integration in East Asia: Production sharing, FDI & high-tech trade // *Economic Change and Restructuring*. – 2007. – Т. 40. – №. 1-2. – С. 27-63.

национальной валюты. Почти десятилетие – с 1997 по 2005 г. цена китайского юаня оставалась неизменной – 8,27 за доллар. Такая экономическая стратегия постоянно вызывала критику со стороны торговых партнеров Китая – это приводило к дисбалансу в торговле с КНР (страны, много экспортировавшие из Китая, имели отрицательное сальдо внешней торговли). В то же время, стабильность юаня, особенно в сравнении с валютами соседних стран, способствовала укреплению торгово-инвестиционного сотрудничества, в том числе внутри региона.

Перемены, происходившие в экономической системе региона, оказали влияние и на развитие связей между Восточной Азией и крупнейшей экономикой мира – США. В период холодной войны политика Соединенных Штатов в отношении региона определялась состоянием американо-советских отношений. Однако развал Советского Союза поменял расстановку сил, как во всем мире, так и в Восточной Азии, и старые методы продвижения интересов в регионе перестали быть актуальными. Резкая перемена международной обстановки привела к появлению целого ряда гипотез о дальнейшем развитии международных отношений – от «конца истории» до «столкновения цивилизаций». Дискуссии о формировании новой системы МО в Восточной Азии продолжаются до сих пор, однако очевидным является то, что главным фактором развития связей внутри региона и за его пределами стала экономика.

Если раньше это был один из регионов, где разворачивалась борьба между сверхдержавами, и развитие экономического сотрудничества с восточноазиатскими государствами не было первостепенной задачей для американского руководства, то в 90-е экономика вышла на первое место. Хотя в стратегическом смысле значение региона для США сокращается, (на

первое место выходит Ближний Восток¹⁰⁶), состояние сотрудничества между Восточной Азией и Соединенными Штатами постепенно становится определяющим фактором для развития всей мировой экономики.

Главным залогом укрепления контактов между двумя сторонами стало развитие все тех же трансграничных производственных сетей. Крупнейшие американские компании, будучи мировыми лидерами в своих отраслях и обладая мощнейшим технологическим потенциалом, активно включились в процессы международного переноса производства. В 90-е гг. на территории КНР уже работали производства практически всех крупных американских фирм, производственные сети развивались в сферах электроники, производства одежды и обуви, различных потребительских товаров. Благодаря развитию этих процессов, растет доля Восточной Азии в мировой торговле, увеличивается взаимозависимость экономики региона и остального мира, а процессы, развивающиеся в рамках региона, приобретают все большее значение для всего мира.

В 90-е гг. сохранился тренд на увеличение объемов региональной торговли и инвестиций, следующих за развитием экономик Восточной Азии. Продолжилось углубление взаимозависимости стран и вовлечение экономической системы региона в глобальные сети. Но главным итогом этого десятилетия наряду с построением трансграничных производственных сетей, стало начало перемещения экономического центра Восточной Азии. Затяжной кризис и феномен «потерянного десятилетия» пошатнули позиции Японии и привели к повышению доли остальных стран в региональной экономике. К концу XX в. продолжение быстрого подъема КНР было очевидным, и в новое тысячелетие Китай входил уже в статусе будущего

106 Christensen T. J. Fostering stability or creating a monster? The rise of China and US policy toward East Asia // International security. – 2006. – Т. 31. – №. 1. – С. 81-126.

лидера Восточной Азии. Эти факторы стали основой трансформации, развернувшейся в экономической системе региона в последующие годы.

ГЛАВА 3. 2000-Е ГГ. НА ПУТИ К ЛИДЕРСТВУ КИТАЯ

Став одной из основ развития интеграции в Восточной Азии, международные производственные сети продолжили быть главным катализатором развития экономики региона. Объемы торговли компонентами и полуфабрикатами между восточноазиатскими странами росли быстрее, чем торговля обычными товарами. Доля такой продукции в структуре торговли региона была выше чем в других частях мира¹⁰⁷. Фактически развитие международных производственных сетей стало специализацией Восточной Азии. Главной причиной этого стала быстрая интеграция Китая в региональные производственные цепочки.

С одной стороны трансграничный раздел производства привел к росту взаимозависимости экономик региона. К 2005 г. доля внутрирегиональной торговли составляла уже 55%¹⁰⁸ (в то же время в ЕС этот показатель был на уровне 60%, а в НАФТА 45%¹⁰⁹). С другой, став толчком к экономическому развитию и расширению торговли, рост внутрирегионального сотрудничества привел к повышению роли Восточной Азии в мировой экономике. Наряду со статусом производственной базы мирового масштаба, регион становится одним из главных центров международной торговли, важным центром развития и внедрения высоких технологий. В 2001 г. на Восточную Азию приходилось около 20% мировой товарной торговли¹¹⁰.

107 Haddad M. Trade integration in East Asia: the Role of China and production networks. – The World Bank, 2007. – №. 4160.

108 Потапов М. А. Мировой экономический кризис и Восточная Азия // Мировая экономика и международные отношения. – 2009. – №. 12. – С. 19-25.

109 Там же.

110 Moneta F., Rüffer R. Business cycle synchronisation in East Asia // Journal of Asian Economics. – 2009. – Т. 20. – №. 1. – С. 1-12.

К началу 2000-х гг. доля товаров, произведенных из компонентов и полуфабрикатов в общем объеме китайского экспорта выросла до 55%¹¹¹. Стимулами для размещения производства в КНР продолжили оставаться те же причины, что и в 90-е гг. В первую очередь это сравнительно низкие производственные издержки, позволявшие компаниям сохранять конкурентоспособность на международных рынках. Продолжила развиваться «треугольная модель» торговли, в которой Китай занимал промежуточное положение между развитыми странами Восточной Азии, Европы и Северной Америки и мировыми рынками.

В то же время, деятельность международных производственных сетей в Китае претерпевает изменения. Если в 90-е гг. и ранее Китай был почти исключительно базой дешевой рабочей силы и в страну поставлялись полуфабрикаты высокой степени готовности, то с ростом технологического потенциала КНР, международные производственные сети в стране стали приобретать более сложную структуру, а китайские предприятия стали заниматься более сложным производством.

Постепенно менялись и особенности иностранных инвестиций в китайскую экономику. Хотя относительная выгода производства на территории КНР продолжала быть основной причиной для инвестирования в Китай, по мере развития китайской экономики и роста благосостояния местного населения, все большее значение приобретает важность выхода на внутренний китайский рынок. Восточноазиатские и западные компании уделяют больше внимания этому направлению, зарубежные инвесторы наращивают вложения в предприятия, ориентированные на выпуск неэкспортной продукции. Такое развитие событий подстегнуло

111 Moneta F., Rüffer R. Business cycle synchronisation in East Asia //Journal of Asian Economics. – 2009. – Т. 20. – №. 1. – С. 1-12.

конкурентную борьбу на китайском рынке и внесло вклад в увеличение темпов роста экономики КНР в целом.

Объемы вложений в китайскую экономику росли быстрыми темпами, и уже в 2002 г. Китай получил 8% всех мировых прямых иностранных инвестиций¹¹² и стал крупнейшим в мире получателем ПИИ¹¹³. В этот период объем иностранных вложений в экономику КНР составлял около 3,5% ВВП страны¹¹⁴.

В XXI в. продолжился процесс выхода китайских инвесторов на международные рынки. При этом в новом веке объемы китайских вложений за рубежом быстро росли. Только за 4 года – с 2002 по 2006 гг. общий объем зарубежных инвестиций из Китая вырос почти в 8 раз¹¹⁵. С одной стороны это объясняется расширением международной деятельности китайских компаний, а с другой – новой политикой правительства, стимулировавшего бизнес к выходу за рубеж. В начале 2000-х гг. китайские власти выдвинули стратегию «выхода вовне», предполагавшую стимулирование выхода китайских компаний на международные рынки и продвижение иностранных инвестиций¹¹⁶. Символом «марша» китайского бизнеса на мировой рынок

112 Gaulier G., Lemoine F., Ünal-Kesenci D. China's integration in East Asia: Production sharing, FDI & high-tech trade // *Economic Change and Restructuring*. – 2007. – Т. 40. – №. 1-2. – С. 27-63.

113 Deng P. Outward investment by Chinese MNCs: Motivations and implications // *Business horizons*. – 2004. – Т. 47. – №. 3. – С. 8-16.

114 Foreign direct investment, net inflows (BoP, current US\$) [Электронный ресурс] / The World Bank Group. – 2017. URL: http://data.worldbank.org/indicator/BX.KLT.DINV.WD.GD.ZS?end=2015&start=2001&year_low_desc=true/, режим доступа: свободный, дата обращения 26.05.2017.

115 He W., Lyles M. A. China's outward foreign direct investment // *Business Horizons*. – 2008. – Т. 51. – №. 6. – С. 485-491.

116 Foreign direct investment, net outflows (BoP, current US\$) [Электронный ресурс] / The World Bank Group. – 2017. URL: <http://data.worldbank.org/indicator/BM.KLT.DINV.CD.WD/>, режим доступа: свободный, дата обращения 26.05.2017.

стало приобретение в конце 2004 г. китайской компанией Lenovo подразделения персональных компьютеров американской компании IBM – одного из лидеров технологической отрасли США и всего мира¹¹⁷. Правительство КНР играло важнейшую роль в распределении зарубежных инвестиционных и по другой причине. Крупнейшими инвесторами среди китайских компаний оставались государственные корпорации. На рубеже веков, из 500 крупнейших компаний-доноров, только 1 была частной¹¹⁸.

В отличие от своих соседей, китайские инвесторы вкладывали в другие страны региона лишь малую часть от общего объема инвестиций. С одной стороны это объясняется тем, что остальные государства Восточной Азии, достигнув высокого уровня экономического и технологического развития, перешли к экспорту технологий и переносу трудоемкого производства в страны с более выгодными условиями, одной из которых и стал Китай. Однако наличие огромного количества дешевой рабочей силы внутри страны позволяло КНР наращивать объемы производства без существенного удорожания процесса. Кроме того, к концу 90 – началу 2000-х гг. в Китае по-прежнему было мало компаний, способных внедрять свои технологии за рубежом. Другой причиной стало то, что главной сферой, в которую направлялись зарубежные инвестиции из Китая, стала добывающая промышленность. Другие направления, такие как инвестиции, в технологии, расширение международных рынков, диверсификация торговых потоков и т.д. занимали меньшую долю в структуре исходящих инвестиций из КНР¹¹⁹.

117 Lenovo to Acquire IBM Personal Computing Division [Электронный ресурс] / Lenovo. – 2004. URL: http://www.lenovo.com/news/us/en/2005/04/ibm_lenovo.html/, режим доступа: свободный, дата обращения 26.05.2017.

118 Deng P. Outward investment by Chinese MNCs: Motivations and implications // *Business horizons*. – 2004. – Т. 47. – №. 3. – С. 8-16.

119 Ibid.

В то время, как китайские инвесторы при выходе за рубеж руководствовались, прежде всего, стремлением обеспечить доступ к ресурсам или новым технологиям, инвесторы из других восточноазиатских стран вкладывали свои капиталы с целью сокращения издержек, повышения конкурентоспособности, облегчения выхода на новые рынки и расширения международной торговли. Разными были и причины для стимулирования притока инвестиций в страны.

Например, власти Южной Кореи для преодоления последствий Азиатского финансового кризиса упростили условия деятельности зарубежных бизнесменов в стране. Это привело к увеличению притока иностранных инвестиций и повышению доли участия зарубежных компаний в корейских предприятиях. Так, если в 1996 г. только 13% акций корейских компаний принадлежали иностранцам, то в 2006 г. этот показатель достиг 36%¹²⁰. Эта перемена позитивно сказалась на конкурентоспособности корейских предприятий, а расширение круга инвесторов повысило устойчивость местных компаний к негативному влиянию международных рынков. Волна приватизации, ставшей еще одним способом восстановления после кризиса, оживила конкуренцию на внутреннем рынке Кореи и заставила компании проводить более активную деятельность на внешнем направлении, в том числе и в рамках Восточной Азии.

В новом тысячелетии намечается тренд на расширение потока инвестиций внутри региона, не связанных с промышленным производством. Так, в 2000 г. японская корпорация SoftBank начала вкладывать в китайскую компанию Alibaba, которая позднее станет крупнейшим в мире игроком в сфере электронной коммерции. В тот же период созданная в 1999 г. корейская компания Naver.com активно выходит на рынки соседних стран,

120 Kim E. H., Kim W. Changes in Korean corporate governance: a response to crisis // Journal of Applied Corporate Finance. – 2008. – Т. 20. – №. 1. – С. 47-58.

открывая представительства в Японии и Китае, и постепенно становится одной из крупнейших интернет-компаний в регионе.

Но одновременно с этим сохраняются опасения о слишком медленном технологическом прогрессе в КНР, связанном с чрезмерным вовлечением страны в трансграничные производственные сети. В товарах, производимых из импортируемых частей и компонентов доля стоимости, создаваемой в КНР зачастую не превышала нескольких процентов. Низкое вовлечение китайских производителей в технологические процессы, по мнению некоторых экспертов, тормозило развитие технологий и инноваций в Китае. Постоянный приток новой рабочей силы из сельских районов поддерживал темпы экономического роста и приводил к тому, что инвестиции в R&D, как в китайских компаниях, так и на зарубежных предприятиях оставались невысокими. Это создавало риски для китайской экономики: технологическое отставание могло привести к замедлению темпов роста.

Тем не менее, технологическое отставание Китая от остальных стран региона постепенно сокращалось – местные компании, стимулируемые рынком и поддерживаемые правительством, активнее включались в разработку новых технологий. В 2004 г. КНР вошла в пятерку стран по количеству зарегистрированных за год патентов. Однако Китай по-прежнему серьезно уступал лидерам по этому направлению, как в регионе, так и в мире (в 2004 г. 130 тыс. патентных заявок в КНР против 450 тыс. в Японии).

В 2000-е гг. китайские производители постепенно отходят от простого копирования иностранных продуктов, все чаще опираясь исключительно на собственные разработки. Разумеется, копирование продолжало оставаться серьезной проблемой, но с развитием права интеллектуальной собственности в КНР, ситуация стала изменяться в лучшую сторону. Зарубежные компании все чаще преуспевали в разрешении коммерческих споров с китайскими

предприятиями¹²¹. Это оказало позитивное влияние не только на имидж Китая и его бизнес-среды, но и на статус всего региона в целом. Экономика Восточной Азии стала принимать все более однородный характер, с едиными правилами игры во всех частях региона.

Находясь под давлением своих торговых партнеров, недовольных увеличивающимся отрицательным сальдо в торговле с Китаем, а также для поддержания темпов роста внешней торговли, в 2005 г. китайские власти принимают решение о ревальвации курса юаня к американскому доллару на 2,1%¹²². В то же время, было объявлено о том, что курс юаня станет определяться исходя из его отношения к «валютной корзине», в которую вошли доллар, евро, корейская вона и японская иена. Кроме того, курс юаня стал плавающим, но лишь в пределах 0,3% от заданного курса. Хотя такой шаг был позитивно воспринят международным сообществом, многими отмечался весьма ограниченный масштаб таких изменений. В последующие годы власти КНР стали проводить последовательную политику повышения курса юаня¹²³. С одной стороны это объясняется давлением со стороны международного сообщества, с другой стремление властей страны ограничить зависимость экономики от состояния внешней торговли и поддержать рост спроса внутри страны. В результате, уже к 2010 г. курс ушел ниже отметки в 7 юаней за доллар и в дальнейшем продолжил укрепление. Такое решение китайских властей, с одной стороны, символизировало углубляющееся вовлечение КНР в глобальные процессы и рост зависимости Восточной Азии от мировых рынков, а с другой стороны,

121 Einhorn B. A dragon in R&D // Business Week Online. – 2006. – С. 1-2.

122 Iwatsubo K., Karikomi S. China's Reform on Exchange Rate System and International Trade between Japan and China // Japanese Ministry of Finance Policy Research Institute. – 2006.

123 Coudert V., Couharde C. Real Equilibrium Exchange Rate in China. Is the Renminbi Undervalued? // Exchange Rates and Macroeconomic Dynamics. – Palgrave Macmillan UK, 2008. – С. 94-112.

включение в китайскую «валютную корзину» иены и воны, показало растущую однородность самого региона.

Развитие торгово-инвестиционного сотрудничества в Восточной Азии стало катализатором углубления интеграционных процессов в регионе в XXI веке. Так, в 2004 г. в рамках форума АСЕАН+3 возникает трехсторонний саммит Китая, Японии и Республики Корея¹²⁴. Впоследствии это объединение становится независимым, и в 2008 г. проходит первый саммит лидеров трех стран. Главными предметами обсуждений в рамках совместных мероприятий стали вопросы торговли и инвестиций. В последующие годы в рамках саммита было подписано трехстороннее инвестиционное соглашение и начаты переговоры о создании зоны свободной торговли в Северо-Восточной Азии.

В 2000-е гг. расширение экономического сотрудничества продолжает позитивно влиять и на развитие китайско-тайваньских отношений. С одной стороны рост торговли и инвестиций привел к расширению контактов между двумя сторонами, с другой, благодаря этому в обществах КНР и Тайваня развивается общественная дискуссия о совместном будущем. На фоне этих процессов в 2008 г. на выборах президента Тайваня побеждает лидер партии Гоминьдан Ма Инцзю, известный своей позицией о необходимости сближения между Тайванем и материковым Китаем. В период его президентства (2008 – 2016 гг.) удалось наладить тесные контакты между властями двух сторон (а в 2015 г. состоялась его встреча с Си Цзиньпином – первая встреча лидеров КНР и Китайской республики после окончания гражданской войны).

124 TCS Overview [Электронный ресурс] / Trilateral Cooperation Secretariat. – 2017. URL: <http://www.tcs-asia.org/en/tcs/overview.php/>, режим доступа: свободный, дата обращения 26.05.2017.

Однако, несмотря на углубление политического и экономического сотрудничества, регион во многом оставался разобщенным. Это проявлялось например, в совершенно разных подходах к формированию обменного курса валют и регулированию монетарной политики. Кроме того, несмотря на движение к отмене барьеров во внутрирегиональной торговле, работу особых экономических зон и работу по привлечению иностранных инвестиций, в 2000-е годы экономическая политика всех стран в Восточной Азии во многом оставалась протекционистской. Хотя по сравнению с прошлыми десятилетиями подобные методы постепенно отходят на второй план (сокращаются таможенные пошлины, упрощаются условия работы для иностранных бизнесменов и т.д.) протекционизм остается простым способом поддержки местных производителей и сохранения стабильности на внутреннем рынке. Следствием той же политики является то, что, несмотря на увеличение торговых и инвестиционных потоков, движение капиталов между странами остается ограниченным. Так, доля внутрирегиональных портфельных инвестиций в середине десятилетия не достигала даже 10%¹²⁵. Это подтверждало существование серьезных барьеров для движения капиталов в регионе. Финансовая интеграция развивалась медленно, это создавало препятствия для дальнейшего расширения сотрудничества между странами. Таким образом, несмотря на позитивную динамику интеграционных процессов в регионе, экономическая синхронизация, как процесс движения к единому экономическому пространству, происходит медленно. Несмотря на тесную связь, развитие экономических процессов в каждой из стран во многом оставалось независимым.

Важен тот факт, что хотя большинство государств Восточной Азии в 2000-е гг. уже являлись высокоразвитыми странами с постиндустриальной

125 Kawai M. Toward a regional exchange rate regime in East Asia // Pacific Economic Review. – 2008. – Т. 13. – №. 1. – С. 83-103.

экономикой, КНР оставалась развивающейся страной, даже несмотря на объемы ВПП и темпы роста экономики. По показателю ВВП на душу населения, который является одним из основных для определения благосостояния населения, Китай серьезно отставал (и продолжает отставать) от всех развитых экономик. Кроме того, Китай оставался страной, где развивался «социализм с китайской спецификой». Это накладывало особенности на развитие регионального бизнеса и экономической системы в целом – те принципы и правила, которые действовали на западе и в других капиталистических странах, в Китае и Восточной Азии работали иначе.

В течение нескольких десятилетий главным залогом роста восточноазиатских стран являлось построение экономики, ориентированной на внешний рынок. Интеграция в международные производственные сети закрепила за регионом роль одного из главных мировых центров производства и международной торговли. Однако в то же время это привело к росту зависимости благосостояния местных стран от положения экономик Запада. Мотор экономического сотрудничества в Восточной Азии – торговля промежуточными продуктами, компонентами и деталями оказались привязаны к состоянию международных рынков и уровню спроса в развитых странах Запада. Да и в целом, к началу XXI в. уровень взаимозависимости в мировой экономике вырос по сравнению с прошлыми десятилетиями. Снижение спроса на товары восточноазиатских компаний на мировом рынке наносило ущерб не только самим компаниям, но и сложным производственным цепочкам в регионе. Это обстоятельство является ключевым для понимания того, как повлиял на экономику Восточной Азии мировой финансовый кризис 2008 г.

Начавшись с ипотечного кризиса в США и краха американского банка Lehman Brothers, финансовый кризис затронул практически все страны мира и стал самым масштабным экономическим потрясением со времен Второй мировой войны. В 2009 г. мировой ВВП впервые за послевоенные годы

показал отрицательный рост¹²⁶, мировая торговля сократилась более чем на 10%¹²⁷. Итогом кризиса стало ослабление среднего класса в развитых странах, рост безработицы и увеличение имущественного расслоения населения, как на уровне отдельных стран, так и в общемировом масштабе¹²⁸. Последствия кризиса остаются ощутимыми даже почти десятилетие спустя его начала.

Больше остальных от кризиса пострадала Япония. Хотя на его заре многие эксперты считали, что Япония не подвергнется серьезному влиянию финансовых неурядиц в США и Европе¹²⁹, Япония стала единственной из развитых стран, где экономика в 2008 г. показала отрицательный рост, а в 2009 г. ее падение опередило показатели других крупнейших экономик. Вслед за развитием кризисных явлений в финансовом и банковском секторах, показатели промышленного производства в Японии упали до уровня десятилетней давности, резко сократился экспорт из страны. Падение торговли в сопоставимых масштабах произошло по всем направлениям – экспорт одинаково сократился и в страны Европы и Америки, и в страны Восточной Азии. Сгладить удар от кризиса не помогло здоровое состояние сферы финансов – к началу кризиса Япония находилась на втором месте в мире по объему золотовалютных резервов¹³⁰, также Япония не слишком

126 GDP (current US\$) [Электронный ресурс] / The World Bank Group. – 2017. URL: <http://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.CD/>, режим доступа: свободный, дата обращения 26.05.2017.

127 Milesi-Ferretti G. M., Tille C. The great retrenchment: international capital flows during the global financial crisis // *Economic Policy*. – 2011. – Т. 26. – №. 66. – С. 289-346.

128 I Milesi-Ferretti G. M., Tille C. The great retrenchment: international capital flows during the global financial crisis // *Economic Policy*. – 2011. – Т. 26. – №. 66. – С. 289-346.

129 Kawai M., Takagi S. Why was Japan hit so hard by the global financial crisis? // *The Impact of the Economic Crisis on East Asia: Policy Responses from Four Economies*. – 2011. – С. 131-48.

130 Total reserves (includes gold, current US\$) [Электронный ресурс] / The World Bank Group. – 2017. URL:

пострадала от краха американского ипотечного рынка и кризиса банковского сектора в США. Главной причиной такого падения стала особенность японского экспорта – его основную массу составляли дорогостоящие промышленные товары, величина спроса на которые сильно зависит от благосостояния стран-импортеров. За годы, последовавшие за крахом «экономики мыльного пузыря, и периодом «потерянного десятилетия» в структуре японского производства выросла доля высокотехнологичных компонентов и полуфабрикатов. Это объясняется глубоким вовлечением Японии в трансграничные производственные сети. Падение спроса в развитых странах на товары японских компаний, связанное с общей стагнацией экономик, негативным образом сказалось на японском промышленном производстве. Но главным итогом кризиса для Японии стала потеря статуса крупнейшей азиатской экономики. Из-за сокращения ВВП, к 2010 г. Япония уступила Китаю по этому показателю и стала второй экономикой Восточной Азии и третьей в мире.

Однако кризис негативно повлиял и на развитие китайской экономики. До начала кризиса КНР показывала феноменальные темпы роста. В 2007 г. ВВП Китая в пятый раз подряд вырос более чем на 10% за год, и в том же году рост был самым высоким с середины 80-х гг. – 14.2%¹³¹. Это было связано с увеличивающимся притоком иностранных инвестиций, более глубоким вовлечением в мировую торговлю и международные производственные сети, расширением внутреннего рынка КНР. В 2006 г. Китай вышел на первое место в мире по объему золотовалютных запасов,

http://data.worldbank.org/indicator/FI.RES.TOTL.CD?end=2010&start=2007&year_low_desc=true/,
режим доступа: свободный, дата обращения 26.05.2017.

131 GDP growth (annual %) (includes gold, current US\$) [Электронный ресурс] / The World Bank Group. – 2017. URL: <http://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.KD.ZG?locations=CN/>,
режим доступа: свободный, дата обращения 26.05.2017.

обогнав Японию¹³². А годом позже КНР обошла США в списке крупнейших экспортеров мира¹³³.

Однако благосостояние также Китая во многом зависело от уровня спроса на мировых рынках на продукцию, производимую в стране. Рецессия на Западе и сокращение спроса прямым образом повлияли на динамику развития экономики КНР. Значительное число предприятий, ориентированных на выпуск продукции на экспорт, были вынуждены сократить производство, а некоторым пришлось закрыться. Резко вырос уровень безработицы¹³⁴ (по оценкам, из-за кризиса без работы оказались более 20 млн. человек), объем экспорта КНР за первый квартал 2009 в годовом выражении упал почти на треть. В 2009 г. резко сократился объем промышленного производства. Темпы роста ВВП в 2009 г. сократились почти на 5%, а в последующие годы этот показатель не смог приблизиться к значениям 2007 г.¹³⁵ По понятным причинам упал объем иностранных инвестиций, поступающих в китайскую экономику. Объем золотовалютных резервов в четвертом квартале 2008 года сократился впервые за многие годы (хотя по итогам года этот показатель вырос почти на треть). На китайском рынке недвижимости стали проявляться признаки приближающегося краха «пузыря».

132 Total reserves (includes gold, current US\$) [Электронный ресурс] / The World Bank Group. – 2017. URL:

http://data.worldbank.org/indicator/FI.RES.TOTL.CD?end=2010&start=2007&year_low_desc=true/, режим доступа: свободный, дата обращения 26.05.2017.

133 Morrison W. M. China and the global financial crisis: implications for the United States // Journal of Current Issues in Finance, Business and Economics. – 2011. – Т. 4. – №. 1/2. – С. 151.

134 China's unemployment level 'critical' [Электронный ресурс] / ABC News. – 2008. URL: <http://www.abc.net.au/news/2008-11-20/chinas-unemployment-level-critical/213096/>, режим доступа: свободный, дата обращения 26.05.2017.

135 Потапов М. А. Мировой экономический кризис и Восточная Азия // Мировая экономика и междунар. отношения. – 2009. – №. 12. – С. 19-25.

Однако все эти симптомы проявлялись непродолжительное время – основной удар пришелся на последние месяцы 2008 г. и первые месяцы 2009 г., и последствия кризиса для китайской экономики оказались не такими серьезными, как для Японии или стран Запада. А в определенном смысле кризис даже оказал позитивное влияние на развитие страны и ее положение в мировой экономике. Фактически именно во время этого кризиса Китай заявил о себе, как о державе мирового масштаба. В 2009 г. председатель Госсовета КНР Вэнь Цзябао в своем выступлении заявил, что поддержание стабильного роста Китая должно стать важнейшим вкладом страны в стабилизацию мировой экономики¹³⁶. Для того чтобы сгладить последствия экономического спада, китайское правительство выделило \$586 млрд., которые были направлены на реализацию инфраструктурных проектов и поддержку предпринимателей. За период до начала кризиса Китай занял место крупнейшего держателя американских ценных бумаг, а во время кризиса укрепил позиции на этом направлении.

Южной Корее, посредством масштабных реформ удалось довольно быстро преодолеть последствия Азиатского финансового кризиса 1997-1998 гг. и перейти к сравнительно высоким темпам экономического роста. С 2001 по 2007 гг. корейская экономика росла в среднем на 4,5% ежегодно. Залогом этого роста стало развитие внутреннего рынка и активная интеграция корейских компаний в трансграничные производственные сети в Восточной Азии и по всему миру. Страна показывала позитивную динамику и по другим экономическим показателям, в частности объем золотовалютных резервов с 2000 по 2007 гг. увеличился почти в три раза. Однако новый кризис серьезно ударил по корейской экономике. Резко сократились темпы

136 Morrison W. M. China and the global financial crisis: implications for the United States // Journal of Current Issues in Finance, Business and Economics. – 2011. – Т. 4. – №. 1/2. – С. 151.

экономического роста, в 2009 г. он составил менее 1%¹³⁷, упали объемы промышленного производства, приток инвестиций. Причины такого падения были схожими с японскими – высокая вовлеченность страны в международные производственные сети и зависимость от уровня спроса в развитых странах.

Экономика Тайваня серьезно пострадала от кризиса. И Тайвань также разделил участь других стран региона – будучи крайне зависимой от экспорта, тайваньская экономика столкнулась с серьезными трудностями в условиях падения спроса на промышленные товары в развитых странах. В относительных показателях экономика острова пострадала больше других стран региона. Так, в 2009 г. ВВП Тайваня сократился почти на 5%¹³⁸. Одним из результатов развития кризиса для Тайваня стало укрепление экономических связей с КНР: в условиях нестабильности на мировых рынках, торговля с континентальным Китаем стала играть все более важную роль для острова.

Восточная Азия оказалась лучше подготовленной к кризису, чем 10 лет назад, но последствий глобального кризиса избежать не удалось. В целом, кризис показал высочайший уровень вовлеченность Восточной Азии в глобальные экономические процессы – из-за высокой роли экспорта для стран региона, они оказались очень зависимы от уровня спроса в развитых странах. Итогом кризиса стало то, что Китай стал главной экономической державой региона. Это событие стало закономерным исходом процессов, развивавшихся почти 30 лет.

137 GDP growth (annual %) (includes gold, current US\$) [Электронный ресурс] / The World Bank Group. – 2017. URL: <http://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.KD.ZG?locations=KR/>, режим доступа: свободный, дата обращения 26.05.2017.

138 Taiwan GDP Growth Rate [Электронный ресурс] / Trading Economics. – 2017. URL: <http://www.tradingeconomics.com/taiwan/gdp-growth/>, режим доступа: свободный, дата обращения 26.05.2017.

Мировой финансовый кризис показал устойчивость восточноазиатских к современным экономическим реалиям. Экономике региона восстановились от последствий кризиса значительно быстрее, чем их западные партнеры и конкуренты. В определенной степени кризис стал полезным и открыл новые возможности для развития: снизилось влияние внешних факторов, вырос потенциал внутренних рынков. Результатом преодоления кризиса стало еще большее укрепление позиций Восточной Азии как одного из важнейших экономических центров мира. В то же время, кризис обнаружил новую тенденцию – мировые рынки стали более зависимы от положения Восточной Азии в целом и Китая в частности. Сокращение темпов промышленного производства в Китае вело к снижению мировых цен на сырье, в том числе на нефть и продукцию металлургии. Это обстоятельство оказывало серьезное влияние на мировые рынки и на экономики целых стран, зависевших от экспорта того или иного вида сырья.

Для Соединенных Штатов, более остальных пострадавших от кризиса, на протяжении 2000-х гг. главной проблемой развития экономического сотрудничества с Восточной Азией становится растущий дефицит торговли. Проблема переноса производственных мощностей в Китае и связанного с этим сокращения промышленного производства в США становится вопросом внутренней политики Соединенных Штатов. С этой проблемой так же связаны обвинения Китая со стороны США в занижении курса национальной валюты. Кроме того, в 2000-е гг. КНР стала крупнейшим держателем американских ценных бумаг. Это связано с тем, что будучи экономикой, основной доход которой зависит от экспорта, Китай стремился зафиксировать прибыль от международной торговли в золотовалютных резервах.

Вовлечение американских компаний в производственные сети в Восточной Азии в целом был схоже с тем, как те же процессы развивались внутри региона. Главным стимулом для фирм из США при размещении

производства в КНР оставалось сокращение производственных издержек, а не, например выход на внутренний рынок Китая или сокращение транспортных расходов. При этом, одновременно с ростом китайского среднего класса внутренний рынок Китая постепенно стал занимать более важную роль для американского бизнеса. Но в 2000-е гг. наметились новые особенности вовлечения американского капитала в региональную экономику. В то время как, среди инвесторов в Китай из восточноазиатских стран преобладали крупные компании, открывавшие в стране собственные представительства, либо создававшие совместные предприятия, то среди инвесторов из США росла доля средних и мелких предприятий, которые полагались на китайских производителей, поручая заказы местным предприятиям, в том числе таким же средним и мелким компаниям. Этот фактор оказал позитивное влияние на развитие производственной инфраструктуры в КНР и конкурентной борьбы среди китайских производителей.

К концу 2000-х гг. американские власти обращают больше внимания на перемены, происходящие в Восточной Азии в условиях быстрого подъема Китая. С началом президентства Барака Обамы в 2009 г., в США выдвигается стратегия «поворота в Азию»¹³⁹. В рамках этого курса Соединенные Штаты с одной стороны стремились расширить контакты с КНР, но с другой, развивали сотрудничество с другими странами региона, направленное на сдерживание «нового» Китая. Такой подход серьезно отличался от старой американской политики в регионе, но главной его особенностью стало то, что КНР впервые заняла место главного центра Восточной Азии для американцев.

139 Ikenberry G. J. From hegemony to the balance of power: the rise of China and American grand strategy in East Asia // *Korean Unification Studies*. – 2014. – С. 41-63.

С окончанием мирового финансового кризиса «трансформация» восточноазиатского региона обретает форму. Становится очевидной глубочайшая интеграция региональной экономической системы в глобальные процессы. Составляя более пятой части мировой экономики, Восточная Азия фактически выступает в качестве ее системообразующей единицы. Процессы, развивавшиеся на протяжении предыдущих 20 лет, приводят к закономерному результату: в регионе меняется экономический лидер. На смену Японии, более полувека выступавшей локомотивом восточноазиатской экономики, приходит Китай. Начинается новая эпоха развития региона, но вместе с ней преобразование экономической системы Восточной Азии продолжается.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Сегодня проблемы экономического развития Восточной Азии привлекают внимание все большего числа исследователей. С одной стороны это объясняется растущей ролью Восточной Азии в мировой экономике, с другой – продолжающимся подъемом Китая. Стремительный взлет региональной экономики и ее становление в качестве одного из главных мировых центров произошло не благодаря успехам какой-то отдельной страны. Экономика Японии не смогла бы достичь тех высот, которые она имела к началу 90-х без экономической помощи США и реформ, проведенных под американским контролем. Южной Корее и Тайваню пришлось бы пройти более сложный путь без технологической и инвестиционной поддержки со стороны Японии. «Китайское экономическое чудо» обязано своим появлением не только дальновидной политике Дэн Сяопина, но и своим соседям, которые сначала своим примером показали путь, по которому может пойти Китай, а затем стали главными торгово-инвестиционными партнерами КНР, внесли важнейший вклад в развитие трансграничных производственных сетей на территории страны. Все это позволяет нам говорить о Восточной Азии, как о едином пространстве, связанном не только культурными и историческими контактами, но и тесными экономическими отношениями.

Процесс трансформации, развернувшийся в регионе в период с конца 1980-х по 2000-е гг., был напрямую связан с растущей мощностью экономики КНР. Увеличение потенциала Китая привело не только к смене экономического центра на Дальнем Востоке, но и к перераспределению сил на пространстве всего Азиатско-Тихоокеанского региона. Восточная Азия стала частью глобальной экономической системы, как цельная единица, а не как группа стран, развивающихся независимо друг от друга. Регион обрел новую роль в глобальной системе международных отношений. Кроме того,

экономическая система Восточной Азии обрела современную форму, центральное место в которой заняли трансграничные производственные сети.

Изучение опыта экономического развития Восточной Азии представляется важной задачей для российского бизнеса и политического руководства разного уровня. Сегодня КНР – главный торговый партнер России, развиваются торгово-инвестиционные отношения с Японией и Южной Кореей, несмотря на сложности, не стоит на месте экономическое сотрудничество с Тайванем. Понимание процессов, развивающихся в экономической системе региона, особенностей двусторонних и многосторонних отношений между восточноазиатскими странами, является важным фактором при построении российской внешней политики и продвижении отечественного бизнеса в регионе. Учитывая огромный потенциал данного направления для России, опора на опыт внутрирегионального развития и понимание особенностей трансформации восточноазиатской экономической системы является критическим для эффективного продвижения российских интересов в регионе.

В рамках данной работы был рассмотрен исторический контекст развития региона, описаны особенности развития процессов модернизации на пространстве Восточной Азии, охарактеризовано состояние экономики региона к началу 1990-х гг. Был проведен анализ изменений в экономической системе региона в период с 1990 по 2010 гг., в том числе охарактеризованы последствия экономических кризисов, оказавших влияние на развитие региональной экономики, рассмотрен процесс развития производственных сетей в Восточной Азии, определена роль КНР в этих процессах. Были описаны новые принципы, определившие развитие экономических связей в регионе, рассмотрены обстоятельства развития интеграционных процессов на пространстве Восточной Азии и изменения роли региона в мировой экономике. Сделаны выводы об итогах преобразований в экономической системе региона в 1990-е и 2000-е гг.

Так как общая тематика настоящего исследования является очень обширной, проблематику данного направления нельзя считать исчерпанной. По-прежнему сохраняется большое число вызовов для исследователей, а растущий временной промежуток с конца изучаемого периода дает новые возможности для проработки малоизученных обстоятельств трансформации экономической системы региона и более глубокого анализа событий и процессов, развивавшихся в Восточной Азии на рубеже XX и XXI в. Данная работа может использоваться в качестве базы для дальнейших исследований по представленной тематике.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Источники:

1. Почему гегемония доллара выгодна Китаю [Электронный ресурс] / Московский Центр Карнеги. – 2016. URL: <http://carnegie.ru/2016/09/15/rub-64477/>, режим доступа: свободный, дата обращения 06.06.2017.
2. РСМД [Электронный ресурс] / Российский совет по международным делам. – 2017. URL: <http://russiancouncil.ru/>, режим доступа: свободный, дата обращения 26.05.2017.
3. Чжунхань гуаньси [Электронный ресурс] / Чжунхуа жэньминь гунхэго чжуда ханьминьго дашигуань. – 2017. URL: <http://www.chinaemb.or.kr/chn/zhgx/shuangbian/t720117.htm/>, режим доступа: свободный, дата обращения 26.05.2017.
4. Asian Development Bank [Электронный ресурс] /ADB. – 2017. URL: <https://www.adb.org/>, режим доступа: свободный, дата обращения 26.05.2017.
5. China's Decisive Role in the Asian Financial Crisis [Электронный ресурс] / Boston University. – 1998. URL: <https://www.bu.edu/globalbeat/pubs/ib24.html/>, режим доступа: свободный, дата обращения 26.05.2017.
6. China's unemployment level 'critical' [Электронный ресурс] / ABC News. – 2008. URL: <http://www.abc.net.au/news/2008-11-20/chinas-unemployment-level-critical/213096/>, режим доступа: свободный, дата обращения 26.05.2017.
7. Chinese Yuan 1981-2017 Data [Электронный ресурс] / Trading Economics. – 2017. URL: <https://tradingeconomics.com/china/currency/>, режим доступа: свободный, дата обращения 26.05.2017.
8. Foreign direct investment, net inflows (BoP, current US\$) [Электронный ресурс] / The World Bank Group. – 2017. URL:

- http://data.worldbank.org/indicator/BX.KLT.DINV.WD.GD.ZS?end=2015&start=2001&year_low_desc=true/, режим доступа: свободный, дата обращения 26.05.2017.
9. Foreign direct investment, net outflows (BoP, current US\$) [Электронный ресурс] / The World Bank Group. – 2017. URL: <http://data.worldbank.org/indicator/BM.KLT.DINV.CD.WD/>, режим доступа: свободный, дата обращения 26.05.2017.
 10. GDP (current US\$) [Электронный ресурс] / The World Bank Group. – 2017. URL: <http://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.CD/>, режим доступа: свободный, дата обращения 26.05.2017.
 11. GDP growth (annual %) (includes gold, current US\$) [Электронный ресурс] / The World Bank Group. – 2017. URL: <http://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.KD.ZG?locations=CN/>, режим доступа: свободный, дата обращения 26.05.2017.
 12. International Edition [Электронный ресурс] / South China Morning Post. – 2017. URL: <http://www.scmp.com/>, режим доступа: свободный, дата обращения 26.05.2017.
 13. Japanese scrap \$2 billion stake in Rockefeller [Электронный ресурс] / The New York Times. – 1995. URL: <http://www.nytimes.com/1995/09/12/business/japanese-scrap-2-billion-stake-in-rockefeller.html?pagewanted=all&mcubz=0/>, режим доступа: свободный, дата обращения 26.05.2017.
 14. Japanese Yen 1972-2017 [Электронный ресурс] / Trading Economics. – 2017. URL: <https://tradingeconomics.com/japan/currency/>, режим доступа: свободный, дата обращения 01.06.2017.
 15. Joint Communique of the Government of Japan and the Government of the People's Republic of China [Электронный ресурс] / Ministry of Foreign Affairs of Japan. – 2017. URL: <http://www.mofa.go.jp/region/asia-paci/china/joint72.html/>, режим доступа: свободный, дата обращения 26.05.2017.

16. Korea International Trade Association [Электронный ресурс] /KITA.org. – 2017. URL: <http://www.kita.org/>, режим доступа: свободный, дата обращения 26.05.2017.
17. Lenovo to Acquire IBM Personal Computing Division [Электронный ресурс] / Lenovo. – 2004. URL: http://www.lenovo.com/news/us/en/2005/04/ibm_lenovo.html/, режим доступа: свободный, дата обращения 26.05.2017.
18. Ministry of Commerce People's Republic of China [Электронный ресурс] / Ministry of Commerce, PRC. – 2017. URL: <http://english.mofcom.gov.cn/>, режим доступа: свободный, дата обращения 26.05.2017.
19. Ministry of Finance Japan [Электронный ресурс] / Ministry of Finance Japan. – 2017. URL: <http://www.mof.go.jp/english/>, режим доступа: свободный, дата обращения 26.05.2017.
20. Mutual Defense Treaty Between the United States and the Republic of Korea [Электронный ресурс] / Lillian Goldman Law Library. – 2017. URL: http://avalon.law.yale.edu/20th_century/kor001.asp/, режим доступа: свободный, дата обращения 26.05.2017.
21. Mutual Defense Treaty between the United States of America and the Republic of China [Электронный ресурс] / Taiwan Documents Project. – 2017. URL: <http://www.taiwandocuments.org/mutual01.htm/>, режим доступа: свободный, дата обращения 26.05.2017.
22. Population, total [Электронный ресурс] / The World Bank. – 2017. URL: <http://data.worldbank.org/indicator/SP.POP.TOTL?locations=CN/>, режим доступа: свободный, дата обращения 26.05.2017.
23. South Korean Won 1981-2017 Data [Электронный ресурс] / Trading Economics. – 2017. URL: <http://www.tradingeconomics.com/south-korea/currency>, режим доступа: свободный, дата обращения 26.05.2017.
24. Subregional Office for East and North-East Asia [Электронный ресурс] / United Nations ESCAP – 2017. URL: <http://www.unescap.org/subregional->

- office/east-north-east-asia, режим доступа: свободный, дата обращения 26.05.2017.
25. Taiwan GDP Growth Rate [Электронный ресурс] / Trading Economics. – 2017. URL: <http://www.tradingeconomics.com/taiwan/gdp-growth/>, режим доступа: свободный, дата обращения 26.05.2017.
26. Taiwan Relations Act [Электронный ресурс] / American Institute in Taiwan. – 2017. URL: <http://www.ait.org.tw/en/taiwan-relations-act.html/>, режим доступа: свободный, дата обращения 26.05.2017.
27. Taiwanese Dollar 1979-2017 Data [Электронный ресурс] / Trading Economics. – 2017. URL: <http://www.tradingeconomics.com/taiwan/currency/>, режим доступа: свободный, дата обращения 26.05.2017.
28. The death of Daewoo [Электронный ресурс] / The Economist. – 1999. URL: <http://www.economist.com/node/233562/>, режим доступа: свободный, дата обращения 26.05.2017.
29. Total reserves (includes gold, current US\$) [Электронный ресурс] / The World Bank Group. – 2017. URL: http://data.worldbank.org/indicator/FI.RES.TOTL.CD?end=2010&start=2007&year_low_desc=true/, режим доступа: свободный, дата обращения 26.05.2017.
30. Wangxiang Technical Center [Электронный ресурс] / Wangxiang America Corporation. – 2017. URL: <http://www.wanxiang.com/powrepoint.html/>, режим доступа: свободный, дата обращения 26.05.2017.

Литература:

1. Воскресенский А. Д. Китай в контексте глобального лидерства // Международные процессы. – 2004. – Т. 2. – №. 5. – С. 21-33.
2. Гельбрас В. Г. 30 лет реформ открытости Китая // Общественные науки и современность. – 2009. – №. 3. – С. 109-117.
3. Забровская Л. В. Япония в борьбе за сохранение мирного характера конституции // Россия и АТР. – 2008. – №. 3.

4. Иващенко А. С. Причины динамичного развития экономики новых индустриальных стран Юго-Восточной Азии (60-е гг. XX в.- начало XXI в.) // Голос минувшего. Кубанский исторический журнал. – 2013. – Т. 3. – С. 38-52.
5. Каримуллина А. В. Современные западные интерпретации особенностей экономического развития новых индустриальных стран Азии // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. – 2011. – №. 16.
6. Костюнина Г. М. Регионализация Восточной Азии: истоки и основные модели // Вестник МГИМО Университета. – 2011. – №. 1.
7. Михеев В. В. Роль Китая в глобализующемся мире // Отечественные записки. – 2008. – №. 3. – С. 63-78.
8. Островский А. В. Современная экономика КНР: проблемы, угрозы, перспективы // ЭКО. – 2008. – №. 8. – С. 101-110.
9. Перминова В. А. «Японский фактор» модернизации Тайваня // Проблемы Дальнего Востока. – 2015. – №. 6. – С. 64-70.
10. Петровский В. Е. О перспективах трехстороннего диалога «Китай-США-Россия» // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. – 2013. – №. 18. – С. 72-83.
11. Потапов М. А. Мировой экономический кризис и Восточная Азия // Мировая экономика и международные отношения. – 2009. – №. 12. – С. 19-25.
12. Тимофеев О. А. Российско-китайские отношения на современном этапе и перспективы их развития // Вестн. Амурск. гос. ун-та. Сер.: гуманитар. науки. – 2014. – №. 64. – С. 57-61.
13. Трифонов В. И. Ситуация в Азиатско-Тихоокеанском регионе: столкновение линий на сотрудничество и на противоборство // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. – 2012. – Т. 17. – №. 17.

14. Цветкова Н. Н. ТНК в странах Востока: прямые иностранные инвестиции и глобальные производственные сети // Восточная аналитика. – 2012. – №. 3.
15. Линь Ифу, Жэнь Жоэнь. Дун'я цзинци цэнчжан моши сянгунь чжэнлунь дэ цайшэнь таньтао // Цзинци яньцзю . – 2007. – Т. 8. – №. 1. – С. 4-13.
16. Чжоу Фанинь. Чжунго цзюэци, дун'я гэцзюй бяньцянь юй дун'я чжисюй дэ фачжань фансян // Дандай ятай.– 2012. – №. 5. – С. 4-32.
17. Ali S., Guo W. Determinants of FDI in China // Journal of global business and technology. – 2005. – Т. 1. – №. 2. – С. 21-33.
18. An C. China's Special Economic Zones and Coastal Port Cities: Their Development and Legal Framework // The Voice from China. – Springer Berlin Heidelberg. – 2013. – С. 483-546.
19. Athukorala P. Product fragmentation and trade patterns in East Asia //Asian Economic Papers. – 2005. – Т. 4. – №. 3. – С. 1-27.
20. Beeson M. Regionalism and globalization in East Asia: politics, security and economic development. – Routledge. – 2014.
21. Bosworth D., Yang D. Intellectual property law, technology flow and licensing opportunities in the People's Republic of China // International Business Review. – 2000. – Т. 9. – №. 4. – С. 453-477.
22. Chan S., Kuo C. C. Trilateral Trade Relations among China, Japan and South Korea: Challenges and Prospects of Regional Economic Integration //East Asia: An International Quarterly. – 2005. – Т. 22. – №. 1.
23. Chen B., Feng Y. Openness and trade policy in China: an industrial analysis // China Economic Review. – 2002. – Т. 11. – №. 4. – С. 323-341.
24. Cheng L. K., Kwan Y. K. What are the determinants of the location of foreign direct investment? The Chinese experience // Journal of international economics. – 2000. – Т. 51. – №. 2. – С. 379-400.

25. Chow P. C. Y. (ed.). Taiwan in the global economy: From an agrarian economy to an exporter of high-tech products. // Greenwood Publishing Group. – 2002. – C. 60
26. Christensen T. J. Fostering stability or creating a monster? The rise of China and US policy toward East Asia // International security. – 2006. – T. 31. – №. 1. – C. 81-126.
27. Corsetti G., Pesenti P., Roubini N. What caused the Asian currency and financial crisis? // Japan and the world economy. – 1999. – T. 11. – №. 3. – C. 305-373.
28. Coudert V., Couharde C. Real Equilibrium Exchange Rate in China. Is the Renminbi Undervalued? // Exchange Rates and Macroeconomic Dynamics. – Palgrave Macmillan UK, 2008. – C. 94-112.
29. Deng P. Outward investment by Chinese MNCs: Motivations and implications // Business horizons. – 2004. – T. 47. – №. 3. – C. 8-16.
30. Duus P. (ed.). The Cambridge history of Japan: The twentieth century. // Cambridge University Press. – 1989.
31. Einhorn B. A dragon in R&D // Business Week Online. – 2006. – C. 1-2.
32. Fang Z., Xiao G. China in the Context of the Asian Financial Crisis // China Review. – 1999. – C. 165 178.
33. Françoise L. FDI and the Opening Up of China's Economy // Document de travail du CEPII. – 2000. – №. 2000-11.
34. Gaulier G., Lemoine F., Ünal-Kesenci D. China's integration in East Asia: Production sharing, FDI & high-tech trade //Economic Change and Restructuring. – 2007. – T. 40. – №. 1-2. – C. 27-63.
35. Gold T. B. The Taiwan-China Connection: Democracy and Development Across the Taiwan Straits //Political Science Quarterly. – 1997. – T. 112. – №. 3. – C. 515-517.
36. Haddad M. Trade integration in East Asia: the Role of China and production networks. // The World Bank. – 2007. – №. 4160.

37. Hayashi F., Prescott E. C. The 1990s in Japan: A lost decade // *Review of Economic Dynamics*. – 2002. – T. 5. – №. 1. – C. 206-235.
38. He W., Lyles M. A. China's outward foreign direct investment // *Business Horizons*. – 2008. – T. 51. – №. 6. – C. 485-491.
39. I Milesi-Ferretti G. M., Tille C. The great retrenchment: international capital flows during the global financial crisis // *Economic Policy*. – 2011. – T. 26. – №. 66. – C. 289-346.
40. Ikenberry G. J. From hegemony to the balance of power: the rise of China and American grand strategy in East Asia // *Korean Unification Studies*. – 2014. – C. 41.
41. Iwatsubo K., Karikomi S. China's Reform on Exchange Rate System and International Trade between Japan and China // *Japanese Ministry of Finance Policy Research Institute*. – 2006.
42. Kawai M. Toward a regional exchange rate regime in East Asia // *Pacific Economic Review*. – 2008. – T. 13. – №. 1. – C. 83-103.
43. Kawai M., Takagi S. Why was Japan hit so hard by the global financial crisis? // *The Impact of the Economic Crisis on East Asia: Policy Responses from Four Economies*. – 2011. – C. 131-48.
44. Kim E. H., Kim W. Changes in Korean corporate governance: a response to crisis // *Journal of Applied Corporate Finance*. – 2008. – T. 20. – №. 1. – C. 47-58.
45. Kimura F. International production and distribution networks in East Asia: Eighteen facts, mechanics, and policy implications // *Asian Economic Policy Review*. – 2006. – T. 1. – №. 2. – C. 326-344.
46. Kimura F., Ando M. Two-dimensional fragmentation in East Asia: Conceptual framework and empirics // *International Review of Economics & Finance*. – 2005. – T. 14. – №. 3. – C. 317-348.
47. Klecha-Tylec K. Regionalism and Regionalisation in East Asia: Their Essence, Origin and Transformations // *The Theoretical and Practical Dimensions of*

- Regionalism in East Asia. – Springer International Publishing, 2017. – C. 69-115.
48. Lardy N. R. The role of foreign trade and investment in China's economic transformation // *The China Quarterly*. – 1995. – T. 144. – C. 1065-1082.
49. Lemoine F., Ünal-Kesenci D. Assembly trade and technology transfer: the case of China // *World development*. – 2004. – T. 32. – №. 5. – C. 829-850.
50. Lin C., Lin P., Song F. Property rights protection and corporate R&D: Evidence from China // *Journal of Development Economics*. – 2010. – T. 93. – №. 1. – C. 49-62.
51. Liu X., Wang C., Wei Y. Causal links between foreign direct investment and trade in China // *China economic review*. – 2001. – T. 12. – №. 2. – C. 190-202.
52. Milesi-Ferretti G. M., Tille C. The great retrenchment: international capital flows during the global financial crisis // *Economic Policy*. – 2011. – T. 26. – №. 66. – C. 289-346.
53. Moneta F., Ruffer R. Business cycle synchronisation in East Asia // *Journal of Asian Economics*. – 2009. – T. 20. – №. 1. – C. 1-12.
54. Morrison W. M. China and the global financial crisis: implications for the United States // *Journal of Current Issues in Finance, Business and Economics*. – 2011. – T. 4. – №. 1/2. – C. 151.
55. Oda S. The normalization of relations between Japan and the Republic of Korea // *The American Journal of International Law*. – 1967. – T. 61. – №. 1. – C. 35-56.
56. Pan Y. Influences on foreign equity ownership level in joint ventures in China // *Journal of International Business Studies*. – 1996. – C. 1-26.
57. Rhyu S. The Origins of Korean Chaebols and their Roots in the Korean War // *Korean Journal of International Studies*. – 2005. – T. 3. – №. 1. – C. 203-230.
58. Schott J. J., Cimino C. The China-Japan-Korea Trilateral Investment Agreement: Implications for US Policy and the US-China Bilateral Investment Treaty // *Toward a US-China Investment Treaty*. – 2015. – T. 50. – №. 24.9. – C. 6.

59. Vogel E. F. *Deng Xiaoping and the transformation of China.* // Belknap Press of Harvard University Press. – 2011.
60. Walter A., Zhang X. *East Asian Capitalism: Diversity, Continuity, and Change.* – Oxford University Press. – 2012.
61. Zhang K. H. Why does so much FDI from Hong Kong and Taiwan go to Mainland China? // *China Economic Review.* – 2005. – T. 16. – №. 3. – C. 293-307.
62. Zhang K. H. Why does so much FDI from Hong Kong and Taiwan go to Mainland China? // *China Economic Review.* – 2005. – T. 16. – №. 3. – C. 293-307.